

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО¹⁾.

Разставшись съ родиною въ концѣ августа 1844 года, я гернулся въ Кіевъ. „Словесниковъ“ моего выпуска было всего девять человѣкъ, изъ коихъ пять казенновоштныхъ, будущихъ педагоговъ, обязанныхъ шестилѣтней службой по назначенію отъ правительства. Въ ожиданіи такого назначенія, мы продолжали ѣсть казенный хлѣбъ, оставаясь въ институтѣ. Желая поскорѣй узнать свою судьбу, мы частенько заглядывали въ попечительскую канцелярію, гдѣ между прочимъ намъ сказали, что практиковавшееся до насъ правило—предоставлять кандидатамъ мѣста старшихъ учителей съ 400 рублевымъ окладомъ, а „дѣйствительнымъ студентамъ“ должности младшихъ съ 300 рублевымъ жалованьемъ, что это освященное обычаемъ правило, начальствомъ отмѣнено: всѣ окончившіе курсъ, безъ различія ученыхъ степеней, съ этого времени должны будутъ начинать свою службу съ младшаго учителя. Просьба наша объ отсрочкѣ такого новшества до слѣдующаго выпуска оставлена безъ послѣдствій. Въ началѣ сентября состоялось и наше назначеніе: поляковъ назначили за Днѣпръ, а православныхъ въ юго-западные губерніи. На мою долю досталась гимназія *Винницкая*.

Такъ какъ эта гимназія въ 1847 году изъ Винницы переведена въ Бѣлую-Церковь, то о шестимѣсячной своей службѣ въ Винницѣ я расскажу тогда, когда доберусь до бѣло-церковской гимназіи. Теперь же я постараюсь занять вниманіе благосклоннаго читателя гимназіей *Немировской*.

---

¹⁾ См. „Кіевскія Старина“ за 1889 годъ № 12.

Немировская гимназія.

(1845—1852).

Io giudico che sia impossibile, senza offendere molti, descrivere le cose de' tempi suoi.

Маккиавели.

Предисловіе.

Воспоминанія о Немировской гимназiи принадлежать къ самымъ тяжелымъ годамъ моей учительской службы. Они главнымъ образомъ вращаются около личности одного человѣка—директора Зимовскаго, безъ него же ничто-же бысть, яже быша.

Недаромъ сей доморощенный педагогъ, пародируя извѣстное изреченіе Людовика XIV: l'état c'est moi, любилъ самодовольно повторять: гимназія—это я! Всѣ отправления не только училищной, но и домашней жизни каждаго изъ его подчиненныхъ находились въ полнѣйшей отъ него зависимости; отъ него не было возможности укрыться ни въ тиши кабинета, ни у семейнаго очага: окруживъ себя шпионами, онъ зналъ все, что говорилось въ тѣсномъ кругу пріятелей и даже что у кого варилось въ горшкѣ. На всемъ отпечатлѣвались глубокіе слѣды лапъ этого восьминога, въ которыхъ онъ, какъ въ тискахъ, сжималъ немировскую гимназію втеченіе 10 лѣтъ. Нѣкоторые, изъ весьма впрочемъ немногихъ приверженцевъ „незабвеннаго Егора Яковлевича“ ¹⁾, стараются оправдать деспотическія за-

---

¹⁾ Къ числу панегиристовъ Зимовскаго, заявившихъ печатно о его quasi педагогической дѣятельности, относится авторъ „Исторической записки“ на 50 ти лѣтній юбилей Немировской гимназiи (1888 г.) *Стрибульскій*, который, впрочемъ совершенно невольно, введенъ былъ въ заблужденіе ежегодными отчетами о состояніи гимназiи въ 40-хъ годахъ, составленными самимъ директоромъ—его единственнымъ источникомъ, изъ котораго авторъ почерпнулъ свѣдѣнія—хороша исторiя!

Другой поклонникъ его *Солтановскій*, авторъ Записокъ, помѣщенныхъ въ „Кіевской (старинѣ“ за 1893—4 годы, также воздалъ ему похвалы не по заслугамъ. Г. Солтановскаго я зналъ, какъ своего бывшаго ученика, который состоялъ въ числѣ немногихъ „любимцевъ“ директора и пользовался его особаннымъ покровительствомъ и потому неудивительно, что онъ изъ Зимовскаго сотворилъ себя гумира.

машки его господствовавшимъ въ 40-хъ годахъ направлєніемъ, утверждая, что суровость его режима *non vitia hominis, sed vitia saeculi*, но господа эти правы только отчасти: благоразумная строгость и требовательность въ начальникѣ, при халатномъ отношеніи къ дѣлу большинства тогдашнихъ педагоговъ, конечно, была необходима; но если строгость переходитъ предѣлъ, она граничитъ съ безуміемъ. Личность Зимовскаго, съ одной стороны, дѣйствительно есть продуктъ тогдашняго состоянія служебной атмосферы, но съ другой стороны, въ ней много такого, чего нельзя оправдать никакими вѣяніями свше, никакими обстоятельствами времени.

Главный источникъ всяческихъ безобразій „добраго стараго времени“—одинъ и тотъ же: наше родное крѣпостное право. Оно портило и нашихъ лучшихъ людей и наши лучшія учрежденія; по образу и подобию его складывался весь общественный и служебный бытъ Россіи того времени. Для того, чтобы пріобрѣсть благоволеніе начальства, отъ насъ требовались жертвы, равносильныя нравственному самоубійству: не имѣть своей воли, сдѣлаться автоматомъ, приводимымъ въ движеніе по усмотрѣнію начальства. Какъ видно, аракеевскіе принципы практиковались не въ одномъ Грузинѣ. „Всякій человекъ, показывавшій признаки самостоятельности и самоуваженія, Аракееву казался врагомъ общественнаго спокойствія; пришибить въ человекѣ человеческое достоинство, сдѣлать изъ человека тряпку, мочалку, годную для затычки всякой дыры—вотъ его государственная система“ ¹⁾. Принципы эти черезъ фонтъ Брадке унаслѣдованы его креатурой Зимовскимъ. Случилось это такъ:

Когда бывший сотрудникъ Гр. Аракеева по управленію военными поселеніями Е. О. фонтъ Брадке былъ назначенъ попечителемъ кievскаго учебнаго округа, неизвѣстно по чьей рекомендаціи, онъ пригласилъ къ себѣ на должность старшаго письмоводителя своей канцеляріи нѣкоего Зимовскаго, который по окончаніи юридическаго факультета въ Харьковѣ, незадолго предъ тѣмъ пріѣхалъ въ столицу искать службы по министер-

---

¹⁾ См. Древн. и Нов. Россіи 1877, № 12.

ству юстиціи. Тогда еще очень молодой человекъ, Егоръ Яковлевичъ своимъ дѣловымъ характеромъ, исполнительностію, умѣньемъ угодить начальству и практическимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ пришелся очень по нраву энергическому и неугомонному фонъ Брадке. Скоро Зимовскій сдѣлался самымъ приближеннымъ лицомъ попечителя. Карьера его, не въ примѣръ другимъ, пошла быстро. Въ 1835 году онъ былъ назначенъ синдикомъ университета св. Владиміра, а въ 1836-мъ, 25 лѣтъ отъ роду—инспекторомъ 2-й кiev. гимназійи ¹⁾).

„Назначеніе Зимовскаго во 2-ю кievскую гимназію инспекторомъ, говоритъ хроникеръ этого заведенія И. И. Слѣпушкинъ: вызвало смуты въ средѣ личнаго ея состава. Зимовскій обладалъ несчастными чертами характера, не располагавшими къ нему ни его сослуживцевъ, ни его подчиненныхъ, ни даже учениковъ“. Къ концу 1838 г. не проходило ни одного засѣданія, въ которомъ бы инспекторъ согласился съ большинствомъ и не подалъ бы отдѣльнаго мнѣнія. Это вооружило противъ него всѣхъ учителей, которые особенно были задѣты за живое однимъ изъ его „мнѣній“, гдѣ, говоря о преподавателяхъ, онъ позволилъ себѣ употребить выраженіе „нерадивые“. Послѣдствіемъ этихъ дразгъ, столь вредныхъ въ дѣлѣ воспитанія, въ 1839 г. состоялось перемѣщеніе Зимовскаго въ волынскую гимназію. Но и тамъ онъ не удержался: его беспокойный, неуживчивый нравъ вооружилъ противъ него всѣхъ. Учитель русскаго языка Зубъ, человекъ весьма дѣльный, былъ оскорбленъ инспекторомъ въ присутствіи учениковъ, вслѣдствіе чего, едва З—й успѣлъ выйти изъ класса, Зубъ, стоя на порогѣ, обратился по его адресу съ весьма недобрыми выраженіями, показавъ ему кулакъ. Получивъ объ этомъ происшествіи донесеніе отъ директора, окружное начальство было поставлено въ большое затрудненіе—куда дѣвать это сокровище? И вмѣсто того, чтобы предложить Зимовскому поискать службы въ другомъ вѣдомствѣ, оно, при содѣйствіи всемогущаго тогда правителя канцеляріи Лазова (въ которомъ, послѣ отставки фонъ Брадке, Е. Я. нашелъ по-

¹⁾ Родился въ 1811 году; окончилъ курсъ университета 1832; поступилъ на службу по министерству юстиціи и перемѣненъ въ Кіевъ 1833. Ум. 1882.

кровителя) послало его исправлять должность инспектора да не одного, а двухъ заведеній: Лицея Кн. Безбородка и нѣжинской гимназіи, мотивируя такое незаслуженное повышение строгостію директора Экеблада, извѣстнаго укротителя строптивыхъ.

Покойный профессоръ Н. Т. Костырѣ, при разборѣ басенъ Крылова, проводилъ параллель между учиненнымъ надъ Щукой правосудіемъ и назначеніемъ Зимовского въ Нѣжинъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ бесѣдъ любимаго профессора, я, не зная тогда Зимовского вовсе, примѣняясь къ содержанію басни, написалъ что-то въ родѣ сатиры, подъ заглавіемъ:

Судъ надъ Щукой.

На Зимовского въ Округъ опять доносъ,
 Что отъ него въ Житомирѣ житья не стало;
     Уликъ представленъ цѣлый возъ,
     И виноватаго, какъ надлежало,
 Хотѣли было вызвать въ Кіевъ тотъ же часъ;
     Но передумало сердитое начальство,
 Рѣшивъ заочно осудить на этотъ разъ
     Неисправимое его канальство:
 „Инспекторъ Зимовской при Брадке былъ судимъ,
     И не смотря на то, что сей проныра
     Былъ почетникомъ любимъ,
 Для водворенія спокойствія и мира
 Въ гимназіи второй, его перевели
     Въ Волынскую. И тамъ онъ не ужился
     И правомъ не смирился:
     Опять всѣ загули,
 Что отъ него житья учителямъ не стало;
     Взбѣшенный Зубъ чуть не прибилъ его.
 (Есть слухъ, что кто-то и побилъ его, да мало,
 Онъ не исправился нисколько оттого).
 Quousque tandem namъ терпѣть такого педагога—
     Онъ язва, онъ позоръ!“
 (Лишь Катилину Цицеронъ судилъ такъ строго)
 И судьи изрекли свой грозный приговоръ:
 „Чтобъ не имѣть впередъ начальству затрудненій
 Съ такими мерзкими людьми, какъ Зимовской—
     Прогнать его, безъ всякихъ объясненій
     И честнымъ людямъ дать покой“.
 Тѣмъ бы, кажись, и кончить судьямъ совѣщанье;
     Анъ нѣтъ, на этомъ не конецъ.
     Почтенное садовниковъ собранье

Желало знать, что скажетъ Лазовъ имъ дѣлецъ.

Молчаливъ имъ сказалъ бы несомнѣнно,

Что онъ не можетъ смѣть

Свое сужденіе нѣтъ,

Иль молча поклонился бы смиренно.

Не изъ таковскихъ Лазовъ былъ юристъ:

Когда возьмется онъ за казусное дѣло,

Хоть чинъ его и некажется,

А говорить передъ начальствомъ смѣло:

„Почтенинъ судья! Правитель началъ рѣчь:

По моему сужденію, уволить мало,

Иную казнь назначить бы ему, какой

Не выдано у насъ,

При попечителѣ фонъ Бадке:

Такимъ плутамъ, какъ Зимовской,

Не слѣдуетъ давать повадки.

Во градѣ греческихъ колбасъ и огурцовъ—

Есть Христіанъ Адольфовичъ директоръ,

Искусный укротитель вслѣскихъ скотовъ;

Да-съ, у него инспекторъ,

Какъ часовой на вытяжку стоять;

Онъ никому не дастъ побрякки;

Онъ Зимовскому нилъ стирать велитъ

И съ полу поднимать ненужны бумажки.

Туда его, бездѣльника, послать

Онъ долженъ будетъ тамъ смириться

И станетъ на себя весь вѣкъ пѣнать

Что на Волынѣ не умѣлъ ужиться“.

— „И по дѣломъ ему! промолвилъ главный чинъ ¹⁾;

Въ лицей его инспекторомъ назначить

И въ формулярѣ обозначить:

Перемѣненъ безъ объясненія причинъ“.—

Точь-въ-точь какъ въ баснѣ дѣдушки Крылова:

Судъ присудилъ: повѣсить Щуку на суку!

Но лишь Лиса промолвила два слова—

И щуку бросили въ рѣку.

Впослѣдствіи времени Е. Я—чъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, часто воспоминалъ о своей нѣжинской службѣ, и, указывая на свою раннюю сѣдину, прибавлялъ: „я посѣдѣлъ у Экеблада“!

Но и въ Нѣжинѣ онъ не усидѣлъ, хотя и посѣдѣлъ.

¹⁾ Послѣ фонъ Бадке попечителемъ б. кн. Давыдовъ.

Въ 1841 году между имъ и директоромъ немировской гимназіи И. Г. Кулжинскимъ, который, якобы для воспитанія дѣтей, пожелалъ перейти въ Нѣжинъ,—состоялось добровольное соглашеніе помѣняться мѣстами, хотя люди близко знакомые съ дѣломъ, утверждали, что Егоръ Яковлевичъ просто надулъ Кулжинскаго, увѣривъ его, что Экебладъ скоро выйдетъ въ отставку и что ему, Кулжинскому, очень легко будетъ занять его мѣсто, такъ какъ самъ онъ, Зимовскій, по неимѣнію для того подходящаго чина, лишенъ всякой надежды этого достигнуть. Изъ того обстоятельства, что И. Г. Кулжинскому пришлось удирать отъ директора Экеблада на Кавказъ, не дождавшись его отставки, можно заключить, что онъ, мѣняя самостоятельную директорскую должность на зависимую инспекторскую, зная притомъ крутой нравъ Христіана Адольфовича, рассчитывалъ именно на эти шансы.

Представленіе начальству.

Утомительная ѣзда на жидовскихъ клячахъ навела на меня сонъ, который былъ тѣмъ болѣе мнѣ необходимъ, что мы съ Пристюкомъ¹⁾ пробалагурили до бѣла дня. Я проспалъ большую часть 40 верстнаго пути и, вечеру сущу, въѣхалъ въ м. Немировъ.

Остановился я у своего земляка П. О. Ющенка, учителя исторіи, годомъ раньше меня окончившаго университетъ. Вечеръ провели мы въ интимной бесѣдѣ за самоваромъ и изъ того, что узналъ я о личности директора, совершенно убѣдился, что ходившія о немъ легенды похожи на правду. Какъ историкъ, изучающій характеристики историческихъ дѣятелей, Ющенко окрестилъ своего начальника подходящемъ, по его мнѣнію, именемъ Макіавелли; но мнѣ такое уподобленіе показалось профанаціей великаго человѣка: громкое въ исторіи итальянскихъ республикъ имя пламеннаго патріота, глубокаго политика и знаменитаго писателя, пріуроченное мелочному пигмеею, пріобрѣтшему печальную извѣстность лишь доносами и самодурствомъ, оскорбило бы тѣнь великаго человѣка. Макіавелемъ,

¹⁾ Мой сослуживецъ по Винницкой гимназіи.

какъ я узналъ послѣ, Зимовскаго никто не называлъ, кромѣ историка. Судя по надписямъ на гимназическихъ заборахъ, гораздо болѣею популярностію въ мѣстечкѣ пользовалось другое прозвище—Югурты и Родэна. Но все таки мой землякъ имѣлъ нѣкоторое основаніе называть директора Макіавелемъ. Этотъ самонадѣянный администраторъ, усвоивъ себѣ макіавелевское правило: *divide et impera* и не только не встрѣчая ни въ комъ противоdѣйствія своему произволу, а напротивъ, одобреніе льстецовъ и идіотовъ, возмечталъ изобразить своею особой идеалъ того деспота, который, по мнѣнію великаго флорентинца, былъ необходимъ для спасенія раздробленной, униженной и изнеможенной въ его время Италіи.

На другой день, не безъ внутренняго волненія, я сталъ собираться къ явкѣ передъ особу г. директора.

— Слухай, Михайло! обратился ко мнѣ землякъ: якъ прійдешъ до директора, то якъ побачишь, що есть найпоганійшаго въ свити, то и кланяйся, бо то буде винъ. Бо щобъ часомъ не случилось изъ тобою того, що зо мною, якъ я присталявся ему въ первый разъ.

Дѣло въ томъ, что когда мой почтенный коллега явился въ первый разъ къ директору, то съ нимъ случилась такая оказія: войдя въ переднюю, (она же и пріемная) онъ встрѣтилъ какую то неказистую фигуру и, принявъ ее за лакея, спросилъ: дома баринъ?

— Что вамъ угодно? переспросила его въ свою очередь фигура, гордо откинувъ назадъ голову и бросивъ всеокрушающій взглядъ на посѣтителя.

— Оце жъ я до васъ на учителя пріихавъ, отвѣтилъ Ющенко, кладя на столъ шляпу, но удержавъ въ рукѣ палку.

— Какъ вы, м. г., осмѣлились явиться ко мнѣ съ палкой, развѣ къ начальнику такъ можно являться? Зарычалъ со злостью директоръ и пробралъ новичка на обѣ корки.

Не могу объяснить себѣ странности нашихъ юныхъ педагоговъ—при выѣздѣ на службу запасаться палками, точъ въ точъ, какъ молодые священники „стрижаки“, при вступленіи въ іерейскій санъ, пастырскимъ жезломъ. Не есть ли это необходи-

мый атрибутъ учительскаго званія, уцѣлѣвшій со временъ попа Сильвестра и знаменовавшій символъ воспитанія дѣтей жезломъ? Какъ бы тамъ ни было, а на мою бѣду, землякъ забылъ предупредить меня насчетъ палки, тогда я, конечно, оставилъ бы ее на квартирѣ, идучи къ нему.

Переступивъ порогъ пріемной комнаты, я нашелъ въ ней весьма не казистую фигурку, которую дѣйствительно можно было принять за лакея. Представьте себѣ человека средняго роста, съ некрасивымъ оваломъ лица, съ носомъ конусообразной формы, зеленоватыми глазами и низко стриженными волосами, одѣтаго въ фланелевый балахонъ темнозеленаго цвѣта, съ черными ко-
стяными пуговицами, но державшагося прямо и гордо. Окинувъ меня быстрымъ пронизательнымъ взглядомъ и замѣтивъ въ рукѣ у меня палку, онъ нервно дрыгнулъ ногой, мотнулъ головой и сдѣлалъ жестъ рукой—всѣ эти отправленія совершены моментально, какъ бы силою электрическаго тока; но такъ же быстро онъ и оправился, принявъ повелительно спокойную осанку и съ словомъ: пожалуйста! повернулъ въ гостинную; не оборачиваясь прошелъ въ кабинетъ, сѣлъ въ кресло подлѣ своего рабочаго стола и молча указалъ мнѣ рукой на стулъ. Замѣтивъ, что со мною нѣтъ ненавистой ему палки, оставленной мною въ первой комнатѣ, онъ, новидимому, успокоился. Позондировавъ меня бѣглыми вопросами касательно моего предмета и метода его преподаванія, онъ вдругъ вскочилъ съ своего мѣста и сильно постучалъ въ окно. Кабинетъ окнами выходилъ на дворъ, огороженный отъ улицы штахетами, такъ что онъ могъ видѣть все, происходившее на улицѣ. На сей разъ мимо проходилъ инспекторъ и стукъ въ окно относился къ нему.

Довольно толстенькій, рыхлый старичекъ, шедшій до того медленно, слышавъ хорошо знакомый ему стукъ, вздрогнулъ и быстро зашагалъ по направленію къ директорской квартирѣ. Откланявшись премьеру, я въ дверяхъ столкнулся съ инспекторомъ, которому меня и передали для ознакомленія съ гимназическими порядками.

— Худо, что у васъ нѣтъ мундира, замѣтилъ на прощанье директоръ: не имѣть мундира, значитъ не дорожить своимъ

званіємъ и не уважать начальство. На безмундирныхъ чиновниковъ я смотрю какъ на санеюлотовъ, такихъ нѣтъ въ моей гимназіи, а потому вы непременно должны сшить мундиръ.

Инспекторъ Я. О. Беккаревичъ оказался весьма почтеннымъ и симпатичнымъ человѣкомъ. Онъ отнесся ко мнѣ съ чрезвычайнымъ добродушіемъ и ласковостью, не обнаруживъ и тѣни начальническаго тона. При всемъ томъ въ его обхожденіи замѣтна была какая-то натянутость, сдержанность, въ особенности онъ какъ-то терялся, когда къ столу, за которымъ мы сидѣли въ сборной учительской, подходили совершенно безъ надобности одинъ за другимъ надзиратели.. Замѣтилъ я еще, что коль скоро рѣчь касалась директора, мой собесѣдникъ видимо стѣснялся высказывать о немъ свое мнѣніе, махалъ только руками и оглядывался по сторонамъ, какъ бы желая убѣдиться, не подслушиваетъ ли насъ кто нибудь.

Во время перемѣны въ залу вошли учителя съ классными журналами въ лоснящихся переплетахъ, и, окруживъ столъ, начали тщательно отмѣчать баллы, справляясь по временамъ съ карманными книжечками, тоже однообразно переплетенными.

При входѣ директора, всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, какъ ужаленные, и вытянулись въ струнку, какъ солдаты предъ отцомъ командиромъ. Не обративъ на такую, чисто военную, субординацію ни малѣйшаго вниманія, даже не кивнувъ головой, директоръ схватилъ меня подъ руку и потащилъ за собой черезъ залу. Озадаченный такой неожиданной любезностію, я не зналъ, какъ мнѣ быть и какъ держать себя. Высвободивъ, однакожь, мало по малу свою руку отъ непрошенныхъ лобзаній, я принялъ довольно развязную позу и ходилъ въ продолженіе всей перемѣны по залѣ, заложивъ за спину руки, стараясь уклоняться отъ любезностей начальства, но напрасно: разговаривая со мной, директоръ непрерывно дѣлалъ козлиные прыжки, размахивалъ руками, бралъ меня за пуговицу, подталкивалъ локтемъ, не давая мнѣ ни на минуту забыть, что я удостоенъ великой чести говорить съ начальствомъ. Неудержимый потокъ директорскаго словоизверженія направленъ былъ на меня съ цѣлію познакомить новичка съ существующими въ

его заведеніи порядками, выставить превосходство Немировской гимназіи передъ всѣми другими и представить свою личность чѣмъ то необыкновеннымъ, неподражаемымъ, гениальнымъ.

— Гдѣ вы найдете, то, что въ моемъ заведеніи? Въ цѣломъ округѣ нѣтъ подобной гимназіи, да что въ округѣ—въ цѣлой Россіи: да что Россія!... Заключилъ онъ свой панигирикъ, причемъ махнулъ рукой и мотнулъ головой.

Возвѣстившій окончаніе перемѣны звонокъ прервалъ на время монологъ самовосхваленія, въ которомъ безпрестанно слышались слова: „мое заведеніе, мои учителя, мой инспекторъ и т. п. „Вотъ онъ индійскій Брама, все сущее въ себя воплотившій и все въ себѣ содержащій“, подумалъ я, невольно припомнивъ лекцію Ореста Марковича Новицкаго.

Едва послышалось на коридорѣ пронзительное дребезжаніе звонка, какъ все, что было въ залѣ, встрепенулось: учителя опрометью бросились къ журналамъ и почти бѣгомъ устремились къ дверямъ, стараясь одинъ передъ другимъ выказать, въ присутствіи начальника, свое усердіе къ службѣ.

— Видите ли? обратился ко мнѣ директоръ, когда зала въ одну минуту опустѣла: гдѣ вы найдете это? во всемъ округѣ, да что въ округѣ и т. д.

Въ тоже время изъ коридора вошли въ залу инспекторъ въ сопровожденіи двухъ нарзирателей. По всему зданію воцарилась мертвая тишина. „Ну гдѣ вы найдете чтонибудь подобное“? опять было запѣлъ свою обычную пѣсню директоръ, но остановился, какъ бы чего то сконфузившись.

Дѣйствительно, надобно отдать ему справедливость; все, что я видѣлъ до того въ Винницѣ, не выдерживало никакой критики въ сравненіи съ тѣмъ, что я нашелъ здѣсь. Тамъ даже сборной учительской не было: на перемѣнахъ мы всѣ стояли на дворѣ въ шубахъ и входили въ классъ, не раздѣваясь, спустя четверть часа послѣ звонка, а то и 20 минутъ бывало пройдетъ, если анекдотъ Волковскаго оказывался черезчуръ длиннымъ. Тамъ и послѣ того какъ учителя разойдутся по классамъ гуль и гамъ не прекращались еще долго.

Замѣтивъ, что впечатлѣніе, произведенное на меня образцовыми порядками, весьма благопріятно, директоръ старался еще болѣе удивить меня чудесами своего заведенія. Онъ велѣлъ надзирателямъ выложить на столъ находившіеся у нихъ на храненіи вѣдомости и журналы. Тутъ была огромная книга *monstrum-in folio*, подъ названіемъ „книга жизни учениковъ“ или проще общая вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ, штрафной журналъ, вѣдомость о пропущенныхъ преподавателями урокахъ, объ ихъ опаздываніи (совершенно чистая), мѣсячныя учительскія вѣдомости и все это, не смотря на то, что годъ близился къ концу, блестяло и лоснилось. Чистота и опрятность этихъ „документовъ“ простиралась до того, что въ „книгѣ жизни“ не было не только ни одной подчистки, но ни одной точки возлѣ цифръ, ни одного атома песку, котораго г. директоръ „терпѣть не могъ“ и потому вовсе не употреблявшагося во всей гимназіи, и все это было написано самымъ изящнымъ почеркомъ рукою искуснаго каллиграфа, секретаря педагогическаго совѣта Донченка, на заранѣ приготовленныхъ печатныхъ бланкахъ, на дорогой александрійской бумагѣ, которая въ другихъ гимназіяхъ употреблялась только для рисованія и черченія. Расходы по изготовленію всѣхъ этихъ ненужностей производились изъ несчастнаго жалованья преподавателей.

Во всемъ видѣнномъ мною нельзя было не замѣтить арачьевскихъ порядковъ, которые преемственно изъ военныхъ поселеній черезъ Бадке перешли къ Зимовскому.

Общія ученическія квартиры.

Оставалось еще одно невиданное мною чудо—*chef d'oeuvre* директорскаго творчества—общія квартиры, которыя, вѣроятно, не безъ цѣли оставлены, для вящаго эффекта *pour la bonne bouche*. Освободивъ меня въ этотъ день отъ уроковъ, Е. Я. употребилъ все время на то, чтобы сразу ввести меня въ новую сферу, пробудивъ во мнѣ чувство удивленія и благоговѣнія къ его геніальнымъ учрежденіямъ. Онъ потащилъ меня въ общія квартиры.

Закрытыя заведенія при гимназіяхъ юго-западнаго края учреждены въ 1840 году, въ видѣ опыта, на 10 лѣтъ, но существовали до 1856 г. Всѣ воспитанники, если только не имѣли возможности жить у родителей, обязаны были поступать въ общія квартиры. Заведены они были яко бы съ цѣлію облегчить начальству надзоръ за учащимися, что считалось, въ отношеніи польскаго юношества, политическою необходимостью. Что же касается удешевленія содержанія учениковъ, чѣмъ между прочимъ тоже мотивировалось учрежденіе этого рода заведеній, то въ достиженіи такой благой цѣли мы позволимъ себѣ усумниться, по крайней мѣрѣ относительно Немировской гимназіи.

За содержаніе воспитанника въ одно полугодіе взималось среднимъ числомъ 60 рублей, на первоначальное обзаведеніе единовременно 40 рублей, на постройку форменной одежды 30 рублей, серебряная 84 пробы ложка, ножъ и вилка, 20 аршинъ салфеточнаго холста, да сверхъ того нужно было платить репетитору, буфетчику, гардеробщику—такъ что скромная цифра 60 рублей возростала болѣе чѣмъ вдвое. Какъ деньги, такъ и вещи, внесенныя натурой, воспитанникамъ не возвращались, хотя бы кто нибудь изъ нихъ выбылъ изъ заведенія на другой день послѣ вступленія въ него.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что пребываніе воспитанниковъ въ закрытомъ заведеніи, при сравнительной дешевизнѣ въ то время жизненныхъ припасовъ, обходилось родителямъ очень дорого, особенно для бѣдняковъ, которые могли бы пріискать себѣ квартиру за половинную цѣну.¹⁾

Не смотря на то, что при составленіи ежегодно смѣты на содержаніе учениковъ, всѣ расходы были предусмотрѣны и точно обозначены, въ концѣ каждаго учебнаго года оставалась не малая сумма, поступавшая въ экономію, которая самымъ легальнымъ путемъ, т. е. съ разрѣшенія попечителя, переходила въ карманы составителей смѣты, при чемъ львиная часть, при де-

---

¹⁾ Я самъ платилъ за одну порядочную комнату со столомъ, мебелью и отопленіемъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, по 10 рублей въ мѣсяцъ (120 рублей въ годъ) сумма равная годичной платѣ въ общ. квартиру.

лежѣ добычи, конечно, доставалась директору, какъ главному воротилѣ этой ловкой денежной операціи.

Важнѣйшія статьи экономически сбереженныхъ остатковъ отъ содержанія воспитанниковъ получались главнымъ образомъ посредствомъ безсовѣстной эксплуатаціи подрядчика-эконома, продовольствовавшаго общія квартиры. Продовольствованіе отдавалось съ торговъ тому, кто соглашался принять предложенныя директоромъ „кондиціи“, составленныя самымъ плутовскимъ способомъ. На основаніи, напр., 6 пункта этихъ кондицій „плата подрядчику производится за истекшій мѣсяцъ каждаго 1 числа слѣдующаго мѣсяца, по *наличному составу* воспитанниковъ“. Вотъ тутъ-то и закавыка. Если 1 апрѣля приходилось по календарю во время пасхальной недѣли, то за продовольствіе учениковъ въ теченіе всего марта, какихъ нибудь 200 человекъ, экономъ получалъ по наличному составу за 10—15 душъ, оставшихся на праздники въ заведеніи; то же самое продѣлывалъ директоръ и 1 января во время зимнихъ капикулъ. Попавши такимъ образомъ въ просакъ, нѣкоторые подрядчики должны были бѣжать изъ мѣстечка, отказавшись отъ внесеннаго ими залога. А экономическая сумма все росла да росла¹⁾.

Общія ученическія квартиры на офиціальномъ языкѣ именовались „учебно-воспитательными заведеніями“. Если воспитаніе понимать такъ, какъ понимала его г-жа Простакова, т. е. какъ питаніе, то, пожалуй, ихъ можно назвать воспитательными. Но поляки, на перекоръ офиціальному языку, понимали эти заведенія по своему, упорно продолжая называть ихъ „казармами“ и они въ нѣкоторомъ отношеніи были совершенно правы: уже одинъ штабсъ-капитанъ Мальцевъ, надзиратель 3-го разряда, давалъ имъ полное право называть эти заведенія, къ великой досадѣ директора, „казармами“. Авторъ „Гимназической переписки“, помѣщенной въ „Основѣ“ (1862 г.), довольно вѣрно охарактеризовалъ общія квартиры, назвавъ ихъ „учебно-смирительными заведеніями“, въ которыхъ успѣхъ эле-

---

¹⁾ Къ 1 Января 1852 года экономической суммы общихъ квартиръ числалось 3500 рублей; а награды директору и надзирателямъ выдано 3800 руб.

мента воспитательнаго основанъ на благотворномъ вліянніи элемента смиренняго.

Общія квартиры до 1848 года помѣщались въ наемныхъ домахъ, а съ этого времени въ большомъ двухъ-этажномъ зданіи, построенномъ на счетъ почетнаго попечителя гр. Потоцкаго, гимназія же все время тѣснилась въ одноэтажномъ домѣ, выходящемъ окнами на лютеранскую церковь. Общія квартиры, по количеству вносимой учениками платы, дѣлились на 3 разряда, или отдѣленія. Осмотръ нашъ начался съ 1-го низшаго разряда и окончился 3-мъ—высшимъ.

Внѣшность вообще была не только въ удовлетворительномъ, но можно сказать въ блестящемъ состояніи, такъ что общія квартиры Немировской гимназіи могли поспорить съ кievскими благородными пансіонами. О винницкихъ казармахъ нечего и говорить: это были сараи въ сравненіи съ ними. Обходя помѣщенія воспитанниковъ, мнѣ оставалось только удивляться ихъ образцовому устройству и похваливать. Самолюбіе директорское было совершенно удовлетворено; онъ торжествовалъ.

Здѣсь тоже имѣлись особыя книги, подобныя видѣннымъ мною въ гимназіи: для записыванія штрафовъ, для внесенія отмѣтокъ изъ классныхъ журналовъ, для отпусковъ, для посѣтителей, для особыхъ происшествій и т. д.

Когда мы вошли въ дортуаръ 2-го разряда, Е. Я—чѣзъ заставилъ меня искать клоповъ, которыхъ дѣйствительно не оказалось ни въ кроватяхъ, ни въ тюфякахъ. Потомъ предложилъ мнѣ искать пыли, которой тоже не оказалось ни на полу, ни на окнахъ, ни на табуретахъ подлѣ кроватей.

— Такъ вы такъ ищете пыли? Эхъ вы! обратился ко мнѣ директоръ полунасмѣшливымъ тономъ и мигомъ сдвинулъ съ мѣста нѣсколько кроватей.

— Что? есть пыль? попробуйте, попробуйте! говорилъ онъ, указывая на мѣсто, гдѣ стояли ножки кроватей: вотъ гдѣ я ищу пыли!

Подъ ножками не было ни пылинки—и тамъ полъ лоснился, какъ и вездѣ. Выходя изъ послѣдняго разряда, Е. Я—чѣзъ,

съ самодовольнымъ видомъ, обратился ко мнѣ съ своей обычной пѣсней:

— Ну что? каково? а? да есть ли въ какойнибудь гимназіи чтонибудь подобное моему? Во всемъ округѣ не найдете, да что въ Округѣ! и т. д.

Разстались мы самымъ любезнымъ образомъ.

Прийдя на квартиру, я занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ впечатлѣній, но о чемъ ни начиналъ думать изъ видѣннаго и слышаннаго въ этотъ первый день моего пребыванія въ новой обстановкѣ, все затмѣвалось личностью директора, на всемъ лежалъ отпечатокъ его вліянія, его судорожной, лихорадочной дѣятельности. Все, что я видѣлъ, безъ сомнѣнія, говорило въ пользу его ума, характера, служебной ревности, но зачѣмъ онъ хвастаетъ? Зачѣмъ онъ самъ себя восхваляетъ до небесъ? *propterea laus sordet*.

По окончаніи уроковъ, изъ гимназіи пришелъ и мой историкъ.

— А що, Михайло, поправились тебѣ наши порядки? спросилъ онъ иронически.

Я, разумѣется, обо всемъ отозвался съ похвалою и одобреніемъ.

— Маккіавель! прервалъ меня мой collega: вижу, что онъ съ перваго дня сталъ объѣзжать тебя... Гм. Поживи съ нами подольше, то й побачишь, яки у насъ порядки!

— Та вже-жъ що було, то бачили, а що буде, то побачимъ! а теперь дружище, подумаемъ о томъ, какъ намъ устроиться на совмѣстное жительство.

Переговоривши съ хозяйкой насчетъ помѣщенія, мы скоро пришли къ соглашенію и принялись за устройство своего холостого хозяйства. Квартира показалась мнѣ на первый взглядъ весьма удобною: три комнаты, черезъ улицу гимназія, небольшой садикъ, за садомъ прудъ. Столъ, правда, пришелся мнѣ не совсѣмъ по вкусу, но со временемъ можно будетъ познакомиться пани Поплавскую съ потребностями русскаго же-

лудка, и она перестанетъ подавать намъ эти противныя лимонки съ повидломъ, барщъ зъ набялэмъ, да клюсечки, да разные рассолы.

Педагогическій совѣтъ.

Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ.

На другой день послѣ представленія я приступилъ къ чтенію лекцій и къ знакомству съ учениками. Хотя въ переданной мнѣ мѣсячной вѣдомости я нашелъ весьма крупныя отмѣтки, повидному, свидѣтельствовавшія объ отличныхъ успѣхахъ учениковъ въ русскомъ языкѣ и словесности, но при провѣркѣ знанія эти оказались пуфомъ. Предмѣстникъ мой А. Я. Рыбицкій, задумавъ уйти въ акцизное управленіе, порядкомъ таки запустилъ свой предметъ. Положеніе мое было крайне щекотливое: годъ близился къ концу и мнѣ приходилось экзаменовывать чужихъ учениковъ, уличая ихъ въ невѣжествѣ, по небрежности преподавателя, въ противность наставленныхъ имъ пятерокъ, но директоръ меня успокоилъ.

— Не обращайтесь никакого вниманія на эти отмѣтки. „Нѣбожчикъ Антонъ Яковлевичъ хотѣлъ оставить по себѣ добрую память да и наставилъ пятерокъ зря.

По классамъ, въ которыхъ мнѣ приходилось преподавать, обвелъ меня инспекторъ, директоръ же счелъ за лучшее подслушивать мои чтенія подъ дверями и такимъ способомъ, заочно, при быстротѣ и мѣткости свойственнаго ему соображенія, съ перваго же дня моей службы, съ непогрѣшимостью святѣйшаго папы, составилъ свое мнѣніе о моихъ преподавательскихъ способностяхъ и высказалъ его сейчасъ же въ присутствіи инспектора и надзирателей. Мнѣніе такого человѣка, которому очень трудно было угодить, безъ сомнѣнія, польстило моему самолюбію. „Ну, подумалъ я: будущность моя обезпечена. Стану усердно работать—чего же больше отъ меня потребуютъ? Слава Богу, что предметъ достался по душѣ“. Но дальнѣйшее пресбываніе мое въ Немировской гимназіи показало, какъ я былъ

мало знакомъ съ служебными отношеніями и тѣми ровсе не относящимися къ моимъ прямымъ обязанностямъ требованіями начальства, которыя были предъявлены мнѣ впоследствии.

Спустя недѣли двѣ особою повѣсткой объявлено было засѣданіе педагогическаго совѣта. Ровно къ назначенному времени, минута въ минуту, въ залу вошелъ директоръ и, занявъ предсѣдательское кресло, пригласилъ насъ сѣсть. Я хотѣлъ было занять первый попавшійся стулъ, но меня согнали съ мѣста, заявивъ, что здѣсь члены совѣта садятся по старшинству чиновъ. Окинувъ своими стеклянными глазами всю коллегію, предсѣдатель замоталъ головой—признакъ неудовольствія. На лицо не оказалось законоучителя Любомудрова. Не болѣе какъ черезъ минуту явился и онъ, весь красный, потный и задыхающійся.

— Извините, Е. Я—чѣ, обратился онъ къ директору: у меня часы немного отстаютъ.

— Вѣроятно, вы, о. Александръ, приобрѣли эти часы отъ вашего предмѣстника: онъ тоже по нимъ всегда опаздывалъ. Убийственно холоднымъ тономъ отвѣтилъ ему директоръ.

При этой остроумной выходкѣ начальника большая часть собранія подобострастно осклабилась.

— Вотъ, господа, началъ директоръ: изъ округа получена бумага, которую мнѣ предписано предложить на обсужденіе педагогическому совѣту. И такъ, не угодно-ли вамъ выслушать ее.

Прочитавъ бумагу, Е. Я. предложилъ гг. членамъ высказать свое мнѣніе, затѣмъ, облокотясь на руку, сталъ смотрѣть въ упоръ на присутствующихъ, которые, смиренно уставъ браны, краснорѣчиво безмолвствовали. Молчаніе нарушилъ учитель географіи, преданнѣйшій рабъ Его Высокородія, фигурой своей напоминавшій козлоногого сатира.

— Егоръ Яковлевичъ! гдѣ намъ разсуждать? вамъ не директоромъ быть, а министромъ, вамъ государствомъ управлять, а не гимназіей. Вы, сами и напишите отвѣтъ г. попечителю.

— Да, господа, я знаю, что пороку вы не выдумаете! Отрѣзалъ директоръ и, сказавши такой лестный комплиментъ

почтенному собранію педагоговъ, поспѣшно удалися. Тѣмъ засѣданіе и окончилось.

Меня, какъ человѣка свѣжаго, до глубины души возмутило такое безцеремонное обращеніе съ коллегіей, а еще болѣе то, что ни одинъ изъ ея членовъ и бровью не пошевелилъ, чтобы высказать свое недовольствіе; между тѣмъ какъ тутъ были старые заслуженные люди, которымъ, казалось бы, не подъ силу переносить директорскія грубости. Я, какъ homo novus, началъ бурлить и кипятиться, но мой землякъ Ющенко дернулъ меня за фалды вицмундира, сдѣлавъ выразительную мину. На сей разъ я его послушался и замолчалъ. Но и минутная моя вспышка не прошла мнѣ даромъ: со дня засѣданія начались безконечныя придирки со стороны директора, которому насплетничали на меня мои же сотоварищи, честь и достоинство которыхъ я покусился отстаивать. Донесеніе попечителю дѣйствительно сочинилъ онъ самъ и носился съ нимъ цѣлые два дня, якъ дурень съ писаною торбой. Для выслушанія его онъ не собиралъ совѣта, но каждому изъ членовъ читалъ свое произведеніе отдѣльно; даже въ общую квартиру заходилъ прочесть его надзирателямъ. Прочелъ и мнѣ.

— Каково? а? спрашиваетъ.

— Не дурно, говори, какъ офиціальная бумага написано мастерски.

— Мастерски! Передразнилъ меня авторъ донесенія, качая укоризненно головой, мастерски! хе! Да можетъ ли кто нибудь въ округѣ написать такъ? Да что въ округѣ! въ министерствѣ...

— А позвольте узнать Е. М. донесеніе это вы пошлете, какъ ваше собственное мнѣніе, отъ себя или отъ совѣта? въ послѣднемъ случаѣ, мнѣ кажется, слѣдовало бы созвать засѣданіе и составить протоколъ.

Вопросъ, какъ увидитъ вслѣдъ, самый обыкновенный: какъ членъ педагогическаго совѣта, я желалъ знать, что именно пойдетъ отъ имени совѣта г. попечителю? Но дѣйствіе моего заявленія на г. директора равнялось ведру холодной воды. Онъ замоталъ головой, задрыгалъ ногами, хотѣлъ что то сказать, но

у него „въ зобу дыханье сперло“. Къ сожалѣнію, послышался звонокъ и я, не дождавшись отвѣта, поспѣшилъ на урокъ.

Моя „неумѣстная выходка“ окончательно вооружила противъ меня начальство и упорная продолжительная прѣя тянулась между нами столько же времени, сколько продолжалась извѣстная семилѣтняя война.

Убѣдившись, частію собственнымъ опытомъ, частію изъ разсказовъ Юценка, что не только между учителями и надзирателями, но и между учениками, почти въ каждомъ классѣ есть директорскіе шпіоны, передающіе ему все, что они видѣли и слышали какъ въ гимназіи, такъ и внѣ оной, я угнѣшенно, не стѣсняясь ни чѣмъ присутствіемъ, сталъ говорить про директора все, что замѣчалъ нехорошаго въ его дѣйствіяхъ: онъ бѣсилъ и дѣлалъ мнѣ пакости. И ни въ одномъ изъ сослуживцевъ (по крайней мѣрѣ въ первые годы моей немировской службѣ) я не находилъ ни малѣйшей поддержки въ неравной борьбѣ съ насиліемъ и безграничнымъ произволомъ директора, привыкшаго топтать въ грязь всякаго, кто осмѣливался разоблачать его подлости или высказывать свою самостоятельность и независимость убѣжденій. Да и можно ли было рассчитывать на сочувствіе людей, какихъ я нашелъ тогда въ Немировской гимназіи, подъ деспотическимъ управленіемъ такого начальника, частію составлявшихъ съ нимъ одну шайку эксплуататоровъ, частію служившихъ мишенью для его насмѣшекъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ креатуръ маленькаго Аракчеева я хочу познакомить своихъ читателей въ нижеслѣдующихъ очеркахъ.

Мои немировскіе сослуживцы.

Хромоногій и подслѣповатый, рябой и неопрятный и оттого, подобно гоголевскому Петрушкѣ, носившій съ собою специфическій запахъ, учитель географіи получилъ образованіе въ черниговской семинаріи и, по причинѣ своего уродства негодный для духовнаго сана, принятъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія. Получая по должности младшаго учителя 300 рублей жалованья, онъ, по выслугѣ 25 лѣтъ, выезлъ

изъ мѣстечка болѣе 20 тысячъ капитала. Ему все сходило съ рукъ: онъ открыто бралъ съ учениковъ взятки за переводы, жилъ гнуснѣйшимъ скаредомъ, питаясь акридами и вонючими селедками. Анекдотъ, рассказанный въ „Гимназической перепискѣ“ объ учителѣ географіи, развѣшивавшамъ на плетнѣ географическія карты, относится къ нему. Съ каждаго ученика передъ экзаменомъ онъ бралъ три рубля за переводный баллъ, а такъ какъ въ каждомъ классѣ было неменѣе 40 человѣкъ, то первые три класса доставляли жатву преобильную. О достоинствахъ его преподаванія сказать нечего.

Пріемъ вѣчно одинъ и тотъ же: повѣситъ на доскѣ карту, станеть на своей здоровой ногѣ, прислонившись къ стѣнѣ, и начнеть тыкать костылемъ въ разные города и государства. Говорилъ онъ отвратительнѣйшимъ жаргономъ:

— Амэрыка граничитъ съ сѣвера Лѣдовитымъ окіаномъ и проч. Ученики слушали и несли ему рубли, добытые крѣпостными руками для воспитанія дѣтей разныхъ поссессоровъ и экономовъ, а онъ, этотъ козлоногій сатиръ, по выходѣ въ отставку, купилъ 2000 десятинъ земли въ Крыму, женился и приобрѣлъ два дома въ Симферополѣ.

Не менѣе интересна личность другого младшаго учителя русскаго языка *Чунихина*. Длинная, обшарпанная фигура, бѣднякъ, обремененный большою семьей и съ горя сильно зашибавшій хмѣлемъ. Человѣкъ не безъ способностей, учившійся когда-то въ харьковскомъ университетѣ, но совершенно погрязшій въ непроглядной нищетѣ и пьянствѣ, въ сущности онъ былъ созданіе безвредное и жалкое. Отъ преподаванія его не было никакого проку. Возьмешь первую попавшуюся оду да и заставляешь ее зубрить въ продолженіе цѣлаго полугодія. Во время экзамена мнѣ, въ качествѣ ассистента, пришлось прослушать двѣ такія пьесы: оду на „безсмертіе души“ Державина и „Ахилла“ Жуковскаго. При провознесеніи ихъ учениками, самъ наставникъ, войдя въ азартъ, самолично предъявлялъ образчики старинной декламаціи, процвѣтавшей и у насъ въ Новгородѣ Сѣверской гимназіи при Тимковскомъ.

Преподаватель латинскаго языка въ низшихъ классахъ Казиміръ Петровичъ *Чарнецкій*, типъ стариннаго научицѣля польскихъ школъ, какими то судьбами удѣлѣвшій отъ временъ Чацкаго. Человѣкъ весьма ограниченнаго ума и совершенно невѣжественный, но много о себѣ помышлявшій, Казиміръ от-носился, какъ всѣ педагоги—поляки, весьма непріязненно ко всему русскому и смотрѣлъ на насъ, москалей, какъ на при-шельцевъ—схизматиковъ, „мѣщанчуковъ“, навязанныхъ прави-тельствомъ благородному шляхетскому юношеству для того, чтобы его въ конецъ изуродовать. Привыкши въ школѣ Піаровъ и Ба-зиліанъ обходиться съ дѣтьми, какъ съ маленькими животными, посредствомъ „дисциплины“ (ременная плетка, канчукъ)—съ воспитанниками онъ былъ грубъ и неприличенъ. Подслушавши однажды подъ дверями, какими скверными словами Чарнецкій бранить учениковъ, Е. Я—чѣ сдѣлалъ ему въ присутствіи всѣхъ учителей строгій выговоръ т. е. просто выругалъ самого:

— Зачѣмъ вы, Казиміръ Петровичъ, браните дѣтей свиньями? Вы бы на себя посмотрѣли въ зеркало.

Второй учитель русскаго языка В. А. *Донченко*, будучи обязанъ Зимовскому своимъ перемѣщеніемъ изъ уѣзднаго учи-лища въ гимназію, шесть лѣтъ мучился, исполняя безропотно всѣ его порученія, вовсе не относившіяся къ его служебнымъ обязанностямъ. Обладая на свою бѣду красивымъ почеркомъ, Василій Акимовичъ постоянно писалъ разныя вѣдомости и списки просяживая, не разгибая спины, по цѣлымъ днямъ за своей чи-сто механической и бесполезной работой. Идешь, бывало, на про-гулку въ прекрасный майскій вечеръ мимо его квартиры и по-здороваешься съ нимъ черезъ открытое окно:

— Здравствуйте, милѣйшій В. А—чѣ, что вы подѣлываете?

— Пишу, отвѣтитъ онъ всегда какъ то жалобно.

По природѣ своей человѣкъ общительный, любившій об-щество и вездѣ принимаемый съ большимъ радушіемъ, Дон-ченко, въ угоду своему патрону, обреченъ былъ на пустѣйшую работу писца, сдѣлавшую и безъ того тяжелую жизнь стараго холостяка просто невыносимою. Не дотянувъ до 25 лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку на половинную пенсію. При всякомъ дру-

гомъ директоръ онъ еще долго оставался бы на службѣ, но отъ благодѣтеля своего Е. Я—ча долженъ былъ уходить. Съ 200 рублевымъ содержаніемъ, онъ поселился на дачѣ у своего прежняго сослуживца, моего предмѣстника Рыбickaго—учить его дѣтей и смотрѣть за баштанами.

Ариѳметику въ низшихъ классахъ преподавалъ К. А. *Волковскій*, родной братъ винницкаго „баснослова“ Осипа. По причинѣ многочисленнаго семейства и мотоватой жены—польки, онъ вѣчно нуждался. За казенную квартиру и пансіонеровъ, получаемыхъ по милости директора, онъ постоянно долженъ былъ переносить всевозможныя униженія со стороны своего благодѣтеля. На такихъ-то бѣдняковъ и направлялъ Е. Я—чь острыя стрѣлы своего издѣвательства, не опасаясь встрѣтить съ ихъ стороны отпора.

Между этими старыми „младшими учителями“ съ весьма сомнительнымъ образовательнымъ цензомъ, былъ одинъ молодой, съ университетскимъ образованіемъ, П. Г. *Барщевскій*, преподаватель французскаго и нѣмецкаго языковъ въ первыхъ двухъ классахъ. Извѣстно, что безтолковый учебникъ нѣмецкаго языка Фишера начинается фразой: „Я потерялъ свою утку“. Однажды насъ нѣсколько человѣкъ, не имѣя послѣбобѣденныхъ уроковъ, собрались въ монастырскую рощу на прогулку. Проходя по корридорѣ мимо 1 класса, гдѣ въ это время священнодѣйствовалъ Барщевскій, острякъ Камбли постучался въ двери. Выглянулъ учитель. „Барщевскій, обращается къ нему Камбли: я нашелъ твою утку!“ И безъ того разсерженный мальчуганами, весь красный, потерявшій свою утку учитель, не слишкомъ обрадовался, узнавъ о томъ, что она найдена.

М. М. Могиланскій послѣ ревизіи выразился объ этомъ учителѣ иностранныхъ языковъ—поневолѣ такими словами: „Что изъ ключья батога, то изъ Барщевскаго учитель!“ Не смотря на подобную репутацію, благодаря протекціи М. А. Тулова, Б—ій былъ сдѣланъ инспекторомъ и даже директоромъ.

Старшіе учителя математическихъ наукъ *Юрко* и *Барилко* выглядели, на первый взглядъ, совершенными джентльменами, но преклонялись передъ директоромъ, и тѣмъ поддержи-

вали въ немъ безпредѣльное нахальство въ обхожденіи съ другими учителями, совершенно утратившими чувство человѣческаго достоинства. Это были образцовые чиновники, вполне выдрессированные, державшіе себя съ апломбомъ въ отношеніи своихъ сослуживцевъ. Въ нихъ начальникъ всегда могъ найти поддержку и одобреніе своимъ принципамъ. Съ такими надежными союзниками, покорными рабами, благоговѣвшими передъ великою административною мудростію директора, можно было идти на проломъ къ какой угодно цѣли, не разбирая средствъ; на парѣ такихъ обѣзженныхъ коней можно было выѣхать изъ какого угодно болота.

Наши математики жили совершенными сибаритами, издерживая не малые деньги на гардеробъ и женщинъ. Средства же къ такой жизни добывались частными уроками. Взявъ съ каждого ученика по 50 рублей, они собирали ихъ въ классную комнату въ послѣобѣденное время и заставивъ лучшаго ученика передѣлать ту же самую задачу, которая должна была быть объясненною учителемъ, на казенномъ урокъ, они распускали ихъ по домамъ. Если въ каждомъ классѣ набиралось, положимъ, такихъ субъектовъ хоть по десяти человѣкъ, то можно сообразить, не будучи математикомъ, до какой почтенной суммы доходило вознагражденіе за private уроки и чего стоила родителямъ чистая и прикладная математика въ Немировской гимназіи. На такой денной грабѣжъ директоръ не только смотрѣлъ сквозь пальцы, но и поощрялъ пріобрѣтеніе денегъ, чтобы потомъ похвалиться передъ окружнымъ начальствомъ, какъ онъ отечески заботится о своихъ подчиненныхъ, а учителя другихъ гимназій позавидовали бы немировскимъ, разнося повсюду молву о благоденствіи служащихъ подъ мудрымъ и заботливымъ управленіемъ примѣрнаго начальника.

Въ мѣстечкѣ жилъ почетный попечитель гимназіи гр. Болеславъ Станиславичъ Потоцкій. Кромѣ громаднаго зданія общихъ квартиръ, выстроеннаго имъ на свой счетъ, онъ подарилъ гимназіи 7 домовъ для квартиръ служащихъ, опредѣлилъ на вѣчныя времена значительный фондъ въ пособіе штатнымъ суммамъ, выдавалъ бѣднымъ ученикамъ стипендіи и ежегодно

жертвовалъ 100 рубл. на награды. Казалось всего этого было бы довольно, пора и честь знать. Но нашему директору всего этого было мало. Эксплуатаціи великодушной щедрости графа не было конца: онъ постоянно измышлялъ все новые и новые поборы.

Графскій палацъ былъ открытъ и для учителей. Осужденные на прозябаніе въ жидовскомъ мѣстечкѣ, мы, безъ сомнѣнія, дорожили такою честью. Помимо вкусныхъ обѣдовъ и рублевыхъ сигаръ, которыми радушный хозяинъ собственноручно обдѣлялъ своихъ гостей, у него на вечерахъ можно было послушать заѣзжаго артиста или знаменитую пѣвицу, увидѣть какую нибудь европейскую знаменитость и отвести душу отъ пошлости, неразлучной съ жизнію въ непроглядной глуши мѣстечка. Графъ Потоцкій, какъ человѣкъ придворный, какъ потомокъ старопольскихъ магнатовъ, любилъ окружать себя цѣлой оравой паразитовъ, жившихъ на его счетъ. Между ними были привилегированные фавориты, пользовавшіеся особыми милостями; ихъ онъ, по панскому капризу, часто замѣнялъ другими. Во время моего поступленія на службу въ Немировскую гимназію, оба наши математика состояли въ фаворѣ, бывая у графа ежедневно и получая отъ него цѣнные подарки, количествомъ и качествомъ коихъ принято было измѣрять степень расположенности Его Сіятельства къ своимъ любимцамъ. Наши математики, увѣшанные золотыми цѣпочками и брелоками, чрезвычайно гордились этими вещественными знаками невещественныхъ отношеній къ своему патрону. Узнавши однажды, что они получили отъ графа въ подарокъ по жилету, я, какъ homo novus, непривычный къ подобнымъ явленіямъ вступился за честь и достоинство ученаго сословія, сказавъ, что жилеты и штаны дарятъ только господа своимъ лакеямъ. За такой смѣлый протестъ я долженъ былъ вытерпѣть цѣлую бурю нападокъ. Мнѣ потомъ передали, что графъ якобы недоволенъ мною за то, что я разъ не пошелъ къ нему, на обѣдъ, приглашенный въ числѣ другихъ учителей. Въ свое оправданіе я просилъ передать Его Сіятельству, что хотя, приглашая учителей, онъ дѣлаетъ имъ великую честь, но, къ сожалѣнію, человѣку занятому не всегда

можно воспользоваться такимъ лестнымъ вниманіемъ. Между тѣмъ графъ, какъ человѣкъ умный, не только не оскорбился моею „невѣжественною выходкой“, но, напротивъ, въ знакъ особеннаго вниманія, гуляя однажды по мѣстечку, вызвалъ меня черезъ окно изъ квартиры на прогулку за мѣстечко. Математики съѣли грибъ и сконфузились.

Въ мѣстечкѣ, преимущественно населенномъ евреями проживало не мало и польскихъ семействъ. Во избѣжаніе обязательнаго помѣщенія дѣтей въ „казармы“, жены мелкихъ помѣщиковъ и поссессоровъ селились въ мѣстечкѣ, приглашая къ себѣ въ домъ для занятій съ дѣтьми инструкторовъ, которыхъ наши остряки почему-то называли „инструментами“: это были юноши—гимназисты, 6 и 7 класса, а иногда и учителя гимназій. Инструкторство такое нерѣдко оканчивалось негласнымъ скандаломъ, поселяя раздоры и даже „сепараціи“ между супругами. Кромѣ нѣкоторыхъ, весьма почтенныхъ матронъ, посвятившихъ себя эдукации дѣтей и обрекшихъ себя на разлуку съ мужьями, въ Немировѣ не мало числилось интересныхъ „развудокъ“ и „сепаратокъ“, съ виду совершенно неприступныхъ, вѣчно ходившихъ съ „ксенжечками до набоженства“ въ костелъ, но по временамъ бросающихъ изъ подъ вуаля искрометные взгляды, дававшіе поводъ усумниться въ безгрѣшности ихъ помысловъ. Изъ всего этого ясно, что для романа въ польдекоковскомъ вкусѣ недостатка въ матеріалахъ не было, и такіе ходоки по части клубнички, какъ нашъ Юрко да ксендзъ пробощъ Остаповичъ, имѣли обширное поле для своей специальности, раздѣливши все мѣстечко на два района. И всѣ похождения моего коллеги были досконально извѣстны всезнающему начальнику, который дорожа приверженностію своего вѣрнаго союзника, ни разу не сдѣлалъ ему ни одного замѣчанія. А что еще печальнѣе, обо всѣхъ скандальныхъ исторіяхъ своего наставника знали ученики и изподтишка старались подражать ему.

И этотъ господинъ, по представленію директора, за отличіе, былъ назначенъ инспекторомъ волянской гимназій, гдѣ онъ со славой продолжалъ свои подвиги и также не разъ

платился деньгами и боками за свое донжуанство, пока наконецъ во градѣ Черниговѣ не окрутила его какая то вдовица.

II. О Ющенко, мой землякъ, черниговецъ, небольшого роста, толстенькій, съ щетинистыми волосами на маленькой головѣ, не гармонировавшей даже съ его ростомъ, съ широкими, густыми, прямолинейными бровями и неизмѣннымъ малорусскимъ говоромъ. Историкъ нашъ имѣлъ большія притязанія на знаніе французскаго и нѣмецкаго языка и даже итальянскаго, такъ какъ онъ переводилъ сонеты Петрарки на украинское нарѣчіе. Не имѣвъ предварительно никакой практики въ черниговской гимназіи въ разговорномъ языкѣ, коллега мой, по пріѣздѣ въ Кіевъ, нисколько не стѣсняясь заговорилъ и по французски и по нѣмецки и можно себѣ вообразить, какой это былъ убійственный прононсъ въ устахъ нашего городненскаго обывателя. Между студентами вращалось не мало анекдотовъ о безшабашной смѣлости этого чудака пускаться въ объясненія на иностранныхъ языкахъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Такъ однажды, пріискавъ себѣ кондичію въ порядочномъ домѣ, онъ привезъ туда свой багажъ, и встрѣтивъ на крыльцѣ барышню, дочь хозяина, обратился къ ней съ вопросомъ.:

Ou est mon ombre, demoiselle?

Дѣвушка захохотала и скрылась за дверью. Не трудно, конечно, догадаться, о чемъ хотѣлъ узнать нашъ французъ изъ Городни: онъ хотѣлъ спросить ее, гдѣ предназначенная ему комната, и вмѣсто *chambre* употребилъ слово *l'ombre*. Очень естественно, что дѣвица не могла удовлетворить желанію чудака, ищущаго собственную тѣнь. Но никакіе промахи, ни какія насмѣшки со стороны товарищей на упрямаго хохла не дѣйствовали; онъ задался непреложною цѣлью научиться, во что бы то ни стало *parler français*.

По окончаніи университета въ 1843 г. Ю—ко, поступилъ на должность учителя исторіи въ Немировскую гимназію и съ перваго же дня своей службы сталъ претерпѣвать отъ директора множество гоненій, но къ концу второго года, т. е. ко времени

моего перемѣщенія изъ Винницы, укротитель упрямыхъ и прутыхъ натуръ Е. Я—ичъ уже успѣлъ достаточно объѣздить этого степного коня и мой землякъ, какъ говорится, долженъ былъ покориться необходимости: пересталъ бурлить, смирился и сталъ ходить къ директору на чай, вмѣстѣ съ Барилкой и Сатиромъ, не обнаруживая ни предъ кѣмъ ни словомъ, ни дѣломъ, ни даже взглядомъ своихъ настоящихъ чувствъ къ начальству. Только со мной однимъ онъ былъ откровененъ, только мнѣ довѣрялъ свою тайну. Продолжая аккуратно посѣщать директора, улыбаться на его остроты и сносить его язвительныя шутки на счетъ своихъ странностей, онъ питалъ къ нему въ душѣ непримиримую ненависть. Величая Зимовскаго Маіавелемъ, онъ приурочилъ себѣ самому имя хитроумнаго гетмана Мазепы.

Но снискавъ цѣною приниженія своей личности благорасположеніе начальства, мой коллега въ одно и тоже время лишился уваженія учениковъ, которые никому не прощали сближенія съ заклятымъ врагомъ своимъ Зимовскимъ. Ни у кого изъ учителей они не позволяли себѣ столько школьничать, сколько у Ющенка, за что онъ оплачивалъ имъ единицами и жалобами инспектору. Не проходило дня, чтобы ученики не выкинули ему какой нибудь шутки. Замѣтивъ, напр., что П. О. имѣетъ привычку становиться въ извѣстномъ мѣстѣ, прислонившись къ стѣнѣ, шалуны писали мѣломъ обратными буквами „вова“, съ чѣмъ онъ и выходилъ изъ класса на потѣху всей гимназіи. Учители отравляли ему существованіе. Уроки стали для него пыткой.

Всю, накопившую въ продолженіе класныхъ занятій желчь, сожигатель мой изливалъ на безоглятнаго, забитаго ідіота Карна, 14 лѣтняго мальчика, привезеннаго имъ изъ хутора и обращеннаго въ лакея-попыхача. Чего только не выносило это жалкое существо, какихъ не претерпѣвало истязаній отъ рукъ своего господина: и во время обѣда, и за чаемъ, и ложась спать, и вставая съ постели, этотъ плюгавенькій малороссійскій панокъ не переставалъ надѣлать Карпа пинками и оплеухами. Это обратилось у него въ привычку, замѣняло иногда гимнастику и моціонъ. Мальчикъ, съ своей стороны, повидимому,

привыкъ къ побоямъ, и смотрѣлъ на нихъ, какъ на неизбѣжную прерогативу всякаго пана. Мстя за свои обиды, онъ воровалъ табакъ, сахаръ, портилъ умышленно барскія вещи и день ото дня становился невозможнымъ. Доказательствомъ тому, что онъ все это продѣлывалъ на пакость своему пану за жестокое съ нимъ обращеніе, служилъ тотъ фактъ, что моихъ вещей онъ не трогалъ, хотя я и не запиралъ ихъ на замокъ, какъ бы въ благодарность за то, что я не только не дѣлалъ ему никакого худа, но старался постоянно защищать его отъ наказаній. Такого безчеловѣчія я не могъ долѣе выносить и скоро долженъ былъ разойтись съ своимъ землякомъ, а подоспѣвшая какъ разъ кстати ссора его съ хозяйкой заставила неугомоннаго моего сожителя поискать другой квартиры. Я остался одинъ.

Размышляя на досугъ о странности своего земляка, я не могъ совмѣстить въ головѣ моей гнѣздившихся въ немъ противорѣчій: какимъ образомъ человѣкъ, получившій высшее образованіе, съ либеральной даже закваской, демократъ по убѣжденіямъ, знакомый со всѣми мерзостями насилія и жестокостей изъ исторіи, испытавшій отчасти и на собственной кожѣ тягость несправедливости со стороны своего начальника, — какъ такой человѣкъ могъ сдѣлаться мучителемъ беззащитнаго существа? Вѣдь до чего доходила его безумная тиранія? (Я бы никому не повѣрилъ, если-бы онъ самъ не рассказалъ мнѣ). Ъдучи во время каникулъ на родину, мой коллега остановился въ одной изъ кіевскихъ гостинницъ. Пропала у него пара носковъ. Карпа сейчасъ подъ допросъ съ пристрастіемъ. Не признается, не смотря ни на какія колотушки. „Пробовалъ, говорить, морить его голодомъ — не дѣйствуетъ, все спитъ. Наконецъ, я его повѣсилъ, зацѣпивши веревкой подъ мышки и такъ, чтобы ногами онъ не касался пола: щобъ винъ, каторжный, спать не могъ“, пояснилъ мнѣ маленькій тиранъ.

Вотъ на что пригодились нашему историку свѣдѣнія о пыткахъ святой инквизиціи!

Такое, съ перваго взгляда не совсѣмъ понятное, психическое состояніе моего земляка впослѣдствіи для меня стало

ясно: онъ просто былъ боленъ, страдалъ припадками лунатизма. Живя съ нимъ два мѣсяца, я замѣтилъ, что мой сожитель, ложась въ постель, каждый разъ приказывалъ своему Карпу привязывать себя за ноги къ кровати, потому что всякій разъ, когда онъ этого не дѣлалъ, вставалъ ночью съ кровати и странствовалъ по всѣмъ тремъ комнатамъ. Разъ, во время такоу хожденія, мнѣ случилось проснуться и, когда я его окликнулъ, онъ встрепенулся и, не говоря ни слова, легъ въ постель, приказавъ Карпу привязать себя.

По вкоренившемуся изстари въ Немировѣ между педагогами обычаю—промышлять уроками, Ющенко тоже имѣлъ ихъ не мало и скопилъ порядочныя деньги обзавелся мебелью и разнообразнымъ гардеробомъ. Сшилъ онъ себѣ соболью шапку съ бархатнымъ малиноваго цвѣта верхомъ и съ золотою китицей, заказалъ въ Кіевѣ модный костюмъ и на удивленіе всѣхъ пустился въ плясъ на домашнемъ вечерѣ графа Потоцкаго. Но помимо разнаго тряпья, у него была богатая библіотека. Всѣ новѣйшія сочиненія по всеобщей исторіи на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ въ изящныхъ переплетахъ были приобрѣтены имъ изъ Риги отъ Кюммеля. Пользуясь такими богатыми пособіями и обѣщанною ему протекціей пр. Ставровскаго, нашъ историкъ, въ гордомъ сознаніи своего превосходства, задумалъ держать экзаменъ на магистра и сдѣлаться профессоромъ. Съ этою цѣлію въ 1848 году онъ перемѣстился во 2-ю кіевскую гимназію, гдѣ и случилась съ нимъ та ужасная катастрофа, которая положила конецъ всѣмъ его затѣямъ и чудачествамъ: въ одинъ осенній день поутру его нашли въ квартирѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Полуживого полиція отправила его въ Кирилловское заведеніе, гдѣ медикамъ удалось спасти ему жизнь.

Никто изъ Кіевлянъ не зналъ настоящей причины, побудившей его къ самоубійству. Одни объясняли покушеніе его на жизнь любовной исторіей, другіе соображеніями политическаго характера.

Но все это чистѣйшая выдумка. Едва ли не одному мнѣ извѣстна была истинная причина этого кроваваго событія: я

положительно утверждалъ тогда, что пріятель мой посягнулъ на самоубійство въ припадкѣ лунатизма.

По выходѣ изъ больницы Ющенко очутился въ безвыходномъ положеніи... Его исключили изъ службы; имущество расхитила полиція; знакомые и сослуживцы отъ него отвернулись, какъ отъ человѣка, совершившаго страшное преступленіе; гимназическое начальство отнеслось къ постигшему его несчастію безучастно и даже враждебно, и жизнь человѣка загублена на всегда.

Кое-какъ добрался онъ до родного хутора. Старушка мать, которую онъ поддерживалъ небольшою субсидіей, а теперь самъ нуждался въ помощи, стала дѣлиться съ нимъ послѣдними крохами. Въ Черниговѣ у него служилъ богатый дядя—членъ приказа общественнаго призрѣнія, но онъ отказалъ ему въ пособіи.

Въ послѣдній разъ мнѣ пришлось увидѣться съ нимъ въ 1854 г., когда я былъ уже на службѣ въ Кіевской 2-й гимназіи. Онъ показался мнѣ какимъ то потеряннымъ человѣкомъ.

— Отчего ты, дружище, ни разу не отозвался ко мнѣ?—спросилъ я его съ участіемъ: я рѣшительно не зналъ, гдѣ тебя искать и что съ тобой?

— Эге жъ! написать! А гривенника на письмо де взять?—отвѣтилъ онъ. мнѣ какъ-то ожесточенно-тоскливо.

Два раза, говорятъ, онъ покушался въ хуторѣ сгубить себя и каждый разъ ему не удавалось покончить съ своимъ жалкимъ существованіемъ: разъ нашли его повѣсившимся на гумнѣ и отцѣпили, другой разъ вытащили его изъ пруда еле жива и отходили. А все таки онъ умеръ натуральною смертію—отъ тифа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО¹⁾.

Разставшись съ Ющенкомъ, я оставилъ за собой одну комнату, которая служила мнѣ и кабинетомъ, и спальней, и гостиной.. Сослуживцы мои, замѣтивъ неблаговоленіе ко мнѣ начальства, въ угоду ему, совершенно меня оставили. Не смотря на то, что, кромѣ уроковъ, я находилъ дома довольно работы, составляя записки по теоріи и исторіи словесности, исправляя массу ученическихъ сочиненій, читая журналы и по временамъ занимаясь стихотворствомъ,—за всѣмъ тѣмъ одиночество и отчужденность подчасъ меня сильно тяготили. Особенно были для меня невыносимы эти безконечные осенніе вечера: одурь, бывало, возьметъ отъ тоски. А тутъ за стѣной моя хозяйка, желая, какъ надо полагать, усладить мое одиночество, начинала на разбитомъ роялѣ бренчать „хлопскія пѣснечки“, которыя какъ она хвалилась, ей очень нравились. Впродолженіе какого нибудь часа репертуаръ ея истощался, и она начинала опять „зѣпочонтку“. Дребезжащіе звуки ея инструмента, напоминавшіе мнѣ отвратительную шарманку Крестьянскаго переулка, вполне гармонировала съ шлепаньемъ дождя и скрипомъ вѣчно отворенной калитки.

Въ томъ же домѣ, черезъ сѣни, жилъ *bardzo pobożny staruszek*—панъ Бродзевскій, вѣчно бормотавшій молитвы съ пяти часовъ утра до 10 вечера. Читалъ онъ постоянно одну и ту же ксѣнжеу до *pobożeństwa*, зналъ въ мѣстечкѣ одну лишь улицу, ведущую до костела, куда онъ спѣшилъ иногда, при первомъ

---

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 3.

ударѣ колокола, просто въ халатѣ или въ шубѣ, надѣтой на выворотъ, не взирая ни на какую погоду. Придя въ костѣль, распростирался крзуѣмъ, сокрушаясь о грѣхахъ своихъ и ожидая смертнаго часа. Съ такимъ сосѣдомъ больно не разговоришься.

Въ одинъ изъ ненастныхъ вечеровъ въ комнату мою неожиданно-негаданно ввалился Барилко: въ гости значитъ пожаловалъ. Ну, что жъ, я не прочь былъ, при тогдашнемъ моемъ настроеніи, сблизиться не только съ Барилкой, но хоть съ самимъ чортомъ, еслибъ онъ ко мнѣ явился, подобно мефистофелю, изъ топившейся тогда у меня печки. Слово по слову языкъ у меня развязался, и я пустился на откровенность, хоть и зналъ, что откровенничать съ моими сослуживцами несовсѣмъ безопасно. Но у меня такъ много накопилось горечи въ душѣ, что я чувствовалъ сильнѣйшую потребность облегчить себя неудержимымъ словонизверженіемъ. Гость премило хихикалъ и поддакивалъ. Съ этого самаго вечера между нами началось сближеніе: то я къ нему, то онъ ко мнѣ.

Собесѣдникъ мой, имѣя два уха и одинъ ротъ, поступалъ совершенно по законамъ природы: больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, предоставляя мнѣ, въ противность свойству человѣческому, болтать безъ умолку. Но у кого сердце переполнено, у того скоро развязывается языкъ, и потому всѣ сокровенныя помысленія мои, „поэзію и правду“ моей жизни я исповѣдалъ первому встрѣчному проходимцу:

Такъ люди, первый каюсь я.

Отъ дѣлать нечего друзья.

И зачѣмъ онъ навязался мнѣ съ своею дружбой? Общаго между нами ровно ничего не было. Интересовавшіе меня литературные и отчасти политическіе вопросы не занимали его вовсе, книги читалъ онъ подобно гоголевскому Петрушкѣ, ограничивался лишь однимъ процессомъ чтенія. Разъ увидѣлъ у меня книжку „Отечественныхъ Записокъ“—дайте-ка, говоритъ, почитать на сонъ грядущій.

— Да вѣдь въ этомъ номерѣ все или продолженіе или окончаніе статей, вамъ нужно взять въ бібліотекѣ предыдущіе номера.

— Тѣмъ лучше, отвѣчаетъ Барилко: я именно люблю читать повѣсти и романы не сначала, а съ конца.

— Какъ такъ? удивился я.

— Да такъ, говорить, занимательнѣе выходить: читаю послѣднія главы, я люблю догадываться, что было въ первыхъ, и почти всегда угадываю.

Замѣтивъ, что раскусивши его, я началъ по немногу остывать отъ первоначальнаго жару, Барилко втянулъ меня въ игру въ преферансъ en deux, не приглашая никого третьяго,—такъ мы бывало и провозимся съ нимъ, играя по десятой, до полуночи.

Съ весною начались отдаленныя прогулки, охота съ ружьемъ и то же переливаніе изъ порожняго въ пустое. Въ одинъ прекрасный майскій вечеръ мы отправились въ монастырскую рощу слушать соловьевъ. На подорогѣ между нами произошелъ такой разговоръ:

— Кстати, М. К., помните нашъ вчерашній споръ, относительно церковнаго пѣнія?

— Да, помню. А что, вы желаете возобновить его сегодня?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, какъ то странно оттопыривъ свои мясистыя губы: я больше съ вами объ этомъ предметѣ спорить не намѣренъ: высказанное мною вчера подтвердилъ и Егоръ Яковлевичъ.

— А ему зачѣмъ знать, о чемъ мы съ вами бесѣдуемъ? спросилъ я, остановившись.

— У меня, отвѣчалъ съ важностію Барилко: съ уважаемымъ начальникомъ моимъ нѣтъ никакихъ секретовъ.

— Аа, такъ вотъ оно что!—почти пропѣлъ я, почухавъ потылицю: Ахъ, я филинъ простота! Ну, да и поддѣли жъ вы меня знатно, Александръ Герасимычъ. Такъ коли у васъ съ директоромъ нѣтъ секретовъ—то и цѣлуйтесь съ нимъ на здоровье! Прощайте! спасибо за науку!

Окончивъ такимъ манеромъ объясненіе свое съ Іудой предателемъ, я повернулъ назадъ къ мѣстечку, предоставивъ своему спутнику одному наслаждаться соловьиными трелями.

Идучи домой и сообразивъ всѣ обстоятельства, при которыхъ завязалось наше сближеніе, я понялъ все. Ясно—это машинація нашего Родэна. Извѣстно, что о. о. іезуиты всю систему воспитанія своихъ учениковъ построили на психологически вѣрномъ соображеніи, что ничто не подчиняетъ такъ безусловно юношу, какъ сознаніе, что воспитатели знаютъ все его прошлое, всѣ его поступки, сокровенныя влеченія и насквозь видятъ всѣ его помыслы и слабости. Обычный приѣмъ, употребляемый нашимъ директоромъ, имѣетъ много сходнаго съ іезуитизмомъ: какъ только поступить къ нему на службу новый человѣкъ, первую задачей онъ считаетъ—изучить его характеръ, отыскать въ немъ слабую струнку, уязвимое мѣсто, какое, какъ извѣстно, нашлось и у безсмертнаго Ахиллеса, и дѣйствовать на него орудіемъ насмѣшки. Такъ какъ я, послѣ перваго съ нимъ столкновенія, какъ улитка, заключился въ своей скорлупѣ и тѣмъ самымъ лишилъ его возможности узнать мою слабую сторону, уязвимое мѣсто, то онъ довѣрилъ сіе своему наперснику, который въ точности выполнилъ его порученіе и сообщилъ ему достовѣрныя свѣдѣнія о моей личности. А прибавивъ ко всему тому, что сообщено ему Барилкой, вычитанное имъ изъ моихъ писемъ¹⁾, директоръ зналъ меня какъ самого себя.

„Аа! онъ либераль, идеалистъ, стихи пишетъ... погоди-жь, я тебя допеку!.. порѣшилъ онъ въ умѣ своемъ и систематически сталъ меня преслѣдовать, наигрывая все на одной и той же чувствительной стрункѣ...

У пани Попплавской я прожилъ съ небольшимъ годъ. Уволивши изъ гимназіи сына, по милости Вовы, который сталъ вымещать на немъ, свою ссору съ матерью, она не нашла надобности далѣе оставаться въ Немировѣ и выѣхала къ мужу въ деревню. Квартиру предложилъ мнѣ у себя учитель латинскаго языка *de jure* и преподаватель французскаго и нѣмецкаго языковъ въ высшихъ классахъ *de facto*—*Людвигъ Осиповичъ Грудзинскій*. Замѣчательный лингвистъ, искусный виртуозъ на

---

¹⁾ Дозвано, что почтмейстеръ передавалъ Зимовскому для протѣенія письма служащихъ подъ его начальствомъ чиновниковъ.

скрипкѣ и далеко недюжинный поэтъ. По окончаніи Харьковскаго университета, онъ, по желанію своего отца, избралъ учительское поприще, не чувствуя къ нему ни малѣйшаго призванія. Обладая рѣдкимъ знаніемъ языковъ, Л. О. вовсе былъ лишень способности передать свои знанія другимъ. Безвыходно витая въ мірѣ звуковъ, доканчивая иногда въ классѣ, во время спрашиванія урока, начатый дома сонетъ этотъ педагогъ *malgré lui*, до того былъ сосредоточенъ, что ученики, подмѣтивъ это, отвѣчали ему вмѣсто урока *Pater noster* или произносили смѣхотворные стихи, а учитель только похваливалъ да ставилъ баллы. Вставалъ мой хозяинъ лѣтомъ часа въ четыре и пилилъ на скрипкѣ до 8 часовъ. Заслышавъ призывной звонокъ, онъ бросалъ скрипку и бѣжалъ на службу, оставивъ нетронутымъ поставленный передъ нимъ стаканъ чаю. Промучившись на урокахъ до обѣда, онъ бѣжалъ домой, опять брался за свою скрипку и пилилъ до вечера. Зимовской подобныхъ субъектовъ терпѣть не могъ.

По своимъ вкусамъ и наклонностямъ, Грузинскій болѣе всѣхъ моихъ сослуживцевъ приходился мнѣ по душѣ, и если бы не супруга его, до мозга костей пропитанная полонизмомъ, мнѣ было бы у нихъ очень не дурно. У пани Грузинской вѣчно толклись разныя личности. Ея гостинная, конечно, въ самой крошечной миниатюрѣ, представляла нѣкоторое подобіе парижскихъ салоновъ времени Людовика XV. У нея можно было встрѣтить и заѣзжаго артиста съ лошадиной гривой, и непрізнаннаго поэта съ звѣриными ногтями, и даже заграничныхъ эмигрантовъ. Всѣ эти *esprits forts* преисправно ѣли, пили и вращали, не зная никакого удержа. На пріемы гостей уходили всѣ доходы мужа, который, помимо жалованья, получалъ порядочныя деньги съ пансіонеровъ, на которыхъ онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Зимовской неутомимо преслѣдовалъ Людвигъ Осиповича за его эксцентричность, за патріотическія тенденціи его супруги, а больше всего за скрипку.

— Ну, какую пользу приносятъ вамъ ваша скрипка? обращался онъ не разъ къ нему: если бы всѣ проходящіе

мимо вашей квартиры бросали вамъ въ окно хоть по грошу, то изъ вашей игры былъ бы какойнибудь прокъ, а то пилить-пилить, и все на вѣтеръ—эхъ, вы! терпѣть не могу!

Въ 1849 г., воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ—введеніемъ въ гимназіяхъ законовѣдѣнія, вслѣдствіе котораго одного изъ учителей Латинскаго языка нужно было похѣрить, Грузинскій оставленъ за штатомъ. Проживъ 10 л. въ деревнѣ у богатаго помѣщика въ качествѣ гувернера и заработавъ порядочныя деньги, онъ снова поступилъ на службу и съ грѣхомъ пополамъ выслужилъ пенсію въ Полтавской гимназіи, купилъ въ Кіевѣ домъ и зажилъ на свободѣ по своему желанію, играя по цѣлымъ днямъ на скрипкѣ.

Неумиращій типъ учителя классика вполне воплотился въ нашемъ почтенномъ сослуживцѣ *Артемій Аванасьевичъ Шведовъ*. Наружность его была совершенно классическая, напоминавшая бюсты греческихъ философовъ. Съ крупными чертами лица и съ обнаженнымъ черепомъ, прикрытымъ сзади надвинутыми космами длинныхъ волосъ, уцѣлѣвшихъ только на затылкѣ, всегда съ насупленными бровями—онъ, какъ живой, сидитъ передо мною, склонивши немного вправо думную голову и скрестивши на колѣнахъ руки. Такимъ онъ постоянно засѣдалъ „въ совѣтѣ нечестивыхъ“ во все продолженіе моей немировской службы. Личность его до того сливалась съ преподаваемымъ предметомъ, что какъ бы отождествлялась съ Цицерономъ и Салюстіемъ. Усумниться въ образовательномъ значеніи латинской грамматики—значило нанести ему кровную обиду; посягнуть на уменьшеніе числа уроковъ древнихъ языковъ, заѣдающихъ другіе предметы—значило сократить на столько же часовъ жизнь самого учителя.

По случаю введенія Законовѣдѣнія программы по Латинскому яз. должны были сократиться: поэты оказались лишними. Прочитавъ объ этомъ въ совѣтѣ предписаніе попечителя, директоръ не безъ злорадства обратился къ Шведову съ вопросомъ: какъ онъ объ этомъ сокращеніи думаетъ? Сидѣвшій во время чтенія бумаги, какъ приговоренный къ смерти, Артемій Аван. отвѣтилъ гробовымъ голосомъ:

— Нечего тутъ, Е. Я., думать! Ясное дѣло: сегодня уничтожили „поэтовъ“ и прозодію, затѣмъ дойдетъ очередь и до прозаиковъ, а тамъ скажутъ: на какого чорта этотъ латинскій языкъ! Вѣдь это больно, какъ хотите!

Но какъ гладкая и спокойная поверхность моря во время штита, иногда смѣняется бурными ураганами, такъ и невозмутимое съ виду состояніе духа нашего классика смѣнялось иногда такою грозой, что за человѣка становилось страшно. Я помню нѣсколько такихъ взрывовъ.

Проказникъ ученикъ, дѣлая переводъ съ русскаго языка на латинскій, написалъ на доскѣ вмѣсто *Fabius Cunctator*—*Fabius medlitelus*. Эту невинную шалость учитель принялъ за личное оскорбленіе и поднялъ такую бучу, что въ классъ вбѣжалъ инспекторъ, а на коридорѣ столпились ученики изъ другихъ классовъ, думая, что случилось Богъ знаетъ что такое.

Другой взрывъ произошелъ въ сборной учительской передъ уроками. Французъ Блюкле, какъ свободный гражданинъ швейцарской республики, носившій всегда къ великой досадѣ директора, длинные волосы à l'artiste и полосатые брюки, и входившій въ залу засѣданій, постукивая палкой, что тоже не мало испортило крови нашему формалисту-премьеру,—этотъ то легкомысленный иностранецъ, при видѣ вошедшаго въ залу Шведова въ застегнутомъ на всѣ пуговицы вицмундирѣ, указывая на него, сказалъ, обращаясь къ прочимъ учителямъ: „voilà un vrai précepteur!“ Спокойное до того лицо Артемія страшно исказилось, глаза налились кровью, и онъ, задыхаясь отъ волненія, наговорилъ дерзкому вѣтрогону такихъ любезностей, что если онъ хоть половину понялъ изъ того, что выслушалъ, то и того довольно.

— Ахъ ты, мальчишка, фармазонишка плюгавый! А ежели я тебѣ скажу, что у меня ревматизмъ, что я круглый годъ ношу фланель, что я наконецъ человѣкъ старый, въ отцы тебѣ приходимцу гожусь и проч.

Не избѣжалъ пораженія и самъ директоръ. Разъ какъ-то при выдачѣ жалованья Е. Я. коснулся семейной жизни Артемія Аванасьевича и замѣтилъ, что у его жены Целагеи Степановны

не уживется ни одна кухарка... (намекъ на сварливый нравъ этой воинственной дамы).

— А тебѣ какое дѣло до моей домашней жизни? Тебѣ мало того, что ты позволяешь себѣ на службѣ—и пошелъ, и пошелъ....

Извергая съ великою яростію ругательства, классикъ до того возвысилъ свой голосъ, что стало слышно на улицѣ. Грозный самодуръ струсилъ и убѣжалъ въ спальную жены. И хорошо сдѣлалъ, потому что за Артемія поручиться было нельзя: онъ былъ способенъ проучить нахала, заглядывающаго въ чужіе горшки. Ужъ слишкомъ много накипѣло въ немъ желчи за 10 лѣтъ немировской службы: *abuti patientia* хватило черезъ край.

Да, это былъ весьма небезопасный человѣкъ, не вмѣняемый при своей болѣзненной раздражительности. Въ черниговской гимназіи такая же исторія случилась съ инспекторомъ Сбитневымъ, задѣвшимъ старика на урокъ логики вмѣпательствомъ въ его преподаваніе, временно ему порученное. При всемъ томъ, бурные взрывы вспыльчивости, неудобные въ служебныхъ отношеніяхъ, не попрепятствовали Шведову прослужить въ должности учителя болѣе 40 лѣтъ: такъ велики были нравственные качества его, какъ человѣка, и такими достоинствами обладалъ онъ, какъ преподаватель.

Нѣтъ дѣйствія безъ причины, говорятъ философы: болѣзненная раздражительность почтеннаго педагога мотивируется несчастными обстоятельствами его жизни.

Кто бы могъ подумать, что этотъ скромный, благочестивый, до послѣдней крайности терпѣливый труженикъ, мирившійся съ самой плачевной обстановкой, недюжинный знатокъ латыни и глубоко религіозный человѣкъ—провелъ бурную, незнавшую удержу юность. Довольно сказать, что онъ былъ университетскимъ товарищемъ поэта Полежаева, ярый поклонникъ его таланта и даже ученикъ въ его похожденияхъ. Онъ зналъ наизусть почти всѣ какъ печатные, такъ и „презрѣвшія печать“ стихотворенія злополучнаго Сашки. Наиболѣе пикантныхъ вещей, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось записать и они пропали

безслѣдно. По окончаніи университета, А. А. получилъ мѣсто штатнаго смотрителя въ Торжкѣ, откуда переведенъ въ черниговскую гимназію. Прожившій болѣе ста лѣтъ, отецъ его былъ священникомъ въ одной изъ слободъ Стародубья и за обращеніе значительнаго числа стародубцевъ въ православіе пожалованъ наперснымъ крестомъ. Самъ уже человѣкъ старый, Артемій Аѳан. относился къ нему съ чисто дѣтскимъ чувствомъ сыновней любви.

Женатъ былъ Шведовъ въ первый разъ на красавицѣ итальянкѣ, имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей и наслаждался полною блаженства семейной жизнію. Но злая судьба позавидовала этому счастью: въ одинъ годъ онъ лишился жены и дѣтей, оставшись безпомощнымъ горемыкой. Ударъ былъ такъ неожиданъ и такъ ужасенъ, что онъ лишился разсудка... Но человѣкъ, говорить, самое выносливое животное, а время самый лучшій врачъ душевныхъ болѣзней. Прошло два года, дѣйствіе страшной катастрофы потеряло свою силу, но слѣды остались на остальную жизнь. Классикъ нашъ задумалъ лѣчить свою тоску новой женитьбой. Ему встрѣтилась женщина безъ образованія, неукротимаго нрава, сварливая, какъ Ксантиппа, но онъ мирился и съ ней. Вчужъ становилось жалко этого достойнаго педагога, когда, бывало, разсвирѣпѣтъ его супруга и начнетъ осыпать его крупною бранью. Затѣмъ слѣдуетъ укрощеніе строптивой:

— Полинъка! да перестаньте же, довольно!... Но брань не унималась, а становилась все сильнѣе и сильнѣе: „злая бо жена кротима высится, а біема бѣсится“, какъ сказано въ притчѣ о злыхъ женахъ.

— Полинъка! да перестаньте же наконецъ или... я вамъ скажу большую непріятность! Укрощалъ нашъ Сократъ свою Ксантиппу. Но она продолжала свирѣпствовать.

— Наконецъ, вы меня вывели изъ терпѣнія! возвышаетъ голосъ классикъ: я долженъ вамъ сказать: вы... не перестанете? такъ жалѣйте же сами на себя—вы... невѣжливы!

Не знаю, всегда ли такъ миролюбиво оканчивались семейныя несогласія почтенной четы или омрачавшія думное чело классика тучи раздражались иногда грозой? Знаю только, что

некрасна была жизнь нашего классика въ сожителствѣ съ такой неразвитой и свирѣпой женщиной. Единственнымъ его удовольствіемъ послѣ служебныхъ занятій была неизмѣнная трубка, нарочито большая, да свѣжая книжка журнала. Какъ закурить бывало свою бездонную трубку, сидя съ книгой на своемъ общеніи мѣстѣ въ гостиной, то никакой крикъ, никакая трескотня кухонной переналки не въ состояніи были нарушить созерцательнаго настроенія духа нашего философа; при этомъ мысленно онъ любилъ повторять стихи Полежаева:

Курю и мыслю: какъ горитъ
Табакъ мой въ трубкѣ жаркой,
Такъ и меня испепелитъ
Рокъ пагубный и жалкій...

Хотя А. А. и читалъ передовые наши журналы: Современникъ и Отечественныя Записки, но по складу своихъ убѣжденій склонялся болѣе къ воззрѣніямъ славянофиловъ, силившихся доказать, что Западъ гнѣтъ, а Россія цвѣтетъ. Мысль эту, какъ извѣстно, издатели пресловутаго „Маяка“ довели до абсурда. Ревностный послѣдователь и постоянный сотрудникъ этого журнала, И. Г. Кулжинскій, въ бытность свою директоромъ немировской гимназіи успѣлъ привить отсталое направленіе Маяка къ вѣкоторымъ преподавателямъ, въ числѣ которыхъ очутился и нашъ почтенный классикъ. Никто бы и не подозрѣвалъ этого, еслибы, благодаря случайности, онъ самъ не обнаружилъ принадлежности своей къ компаніи Бурячка.

Нашъ немировскій донъ Жуанъ Юрко, совершенно равнодушный на счетъ литературы, получилъ отъ совѣта порученіе написать для торжественнаго акта рѣчь. Застигнутый врасплохъ въ самый разгаръ своихъ амурныхъ походовъ, онъ придумалъ остроумный способъ увернуться изъ бѣды, обратившись за помощью къ Шведову. Находясь въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ, А. А. взялся написать рѣчь „о современномъ направленіи просвѣщенія въ Россіи“ за сторублевое вознагражденіе. Когда рѣчь была окончена, Юрко принесъ ее ко мнѣ для просмотра, выдавъ ее, конечно, за свое произведеніе. Ничего не подозрѣвая, я на досугѣ приступилъ къ ея чтенію, но меня

сразу огорошили несвойственными этому уличному Ловеласу мысли о превосходствѣ древне-русскаго воспитанія въ страхѣ Божиѣмъ предъ новымъ антирелигіознымъ направленіемъ современнаго просвѣщенія, якобы растлѣваемаго злокозненнымъ Западомъ. Желая подѣлиться такимъ курьезомъ съ Артеміемъ, я отправился къ нему. Но едва я началъ читать рѣчь, съ приличными предмету комментаріями, какъ мой классикъ нахмурился и готовъ былъ вспылить. Появщи, въ чемъ дѣло, я спряталъ рукопись въ карманъ и, допивши стаканъ чаю, убрался по добру, по здорову во-свояси. Рѣчь была прочитана въ совѣтѣ, одобрена и отправлена въ округъ. Попечитель Траскинъ, какъ на зло, передалъ ее на рецензію самому рьяному западнику Н. Т. Костырю, который, по прочтеніи, пришелъ въ ужасъ... неужели недавній еще кандидатъ университета, получившій золотую медаль за сочиненіе по математикѣ, могъ написать такую ерунду?

Ѣдетъ профессоръ къ попечителю:

— В. П—во! Это позоръ для нашего университета! Какъ совѣтъ немировской гимназіи, съ директоромъ во главѣ, могъ одобрить къ прочтенію предъ посторонней публикой такую рѣчь? Зачѣмъ смотрѣлъ Зимовской? Нужно быть непроходимымъ обскурантомъ, чтобы допустить такое безобразіе въ средѣ педагоговъ! Автору, по моему мнѣнію, слѣдуетъ послать строжайшій выговоръ.

— Да я его выгоню! порѣшилъ по военному генераль Траскинъ. Быть можетъ, попечитель и привелъ бы въ исполненіе свою угрозу, если бы на помощь племяннику не подоспѣлъ дядюшка пр. Дзяченко, который оправдалъ его невѣжество тѣмъ, что Юрко—математикъ, а не словесникъ, что онъ по своей специальности, еще будучи студентомъ, написалъ весьма дѣльное сочиненіе, удостоенное факультетомъ медали. (Хотя это сочиненіе тоже не имъ написано).

Черезъ много лѣтъ послѣ описаннаго, я видѣлъ Шведова во градѣ Черниговѣ въ отставкѣ. Онъ успѣлъ уже потерять сына, ученика IV класса, мальчика даровитаго и красиваго. При немъ жила дочь, овдовѣвшая на второмъ году своего замужества. Полинька шипѣла по прежнему и на мужа, и на дочь, и

на прислугу. Неумолимая судьба не оставляла въ покоѣ честнаго труженика, какъ онъ не оставлялъ своей учительской профессіи, безъ которой жизнь была для него невысказана.

— Какъ поживаете, уважаемый А. А—чѣ? спросилъ я его при свиданіи.

— Слава Богу! благодаря Ильѣ Петровичу (инспекторъ гимназіи Дорошенко) у меня теперь и праздники, и вакаціи есть: учу дѣвицъ въ женской гимназіи нѣмецкому языку, да на досугъ рѣшаю алгебраическія задачи.

Къ сожалѣнію, директоръ Кустовъ не далъ Артемію умереть на службѣ, чего онъ такъ пламенно желалъ: найдя старика несостоятельнымъ въ преподаваніи нѣмецкаго языка, К—въ лишилъ его этого послѣдняго утѣшенія, уволивъ его въ отставку, хотя Шведовъ приносилъ гимназисткамъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ природный нѣмецъ, не знавшій ни слова по русски...

Законоучитель нашъ о. Александръ Любомудровъ жилъ какъ то особнякомъ, не охотно сближаясь съ своими сослуживцами, а придерживаясь больше кружка духовнаго — сосѣднихъ священниковъ. Ближе всѣхъ онъ былъ со мной и со Шведовымъ.

О. Александръ любилъ иногда прокатиться на конѣ высокой политики. Борьба двухъ враждебныхъ другъ другу національностей въ Галиціи—Русиновъ и Поляковъ, приведшая, какъ извѣстно, эту несчастную провинцію къ катастрофѣ 1846 года, сильно его напугала. Онъ не переставалъ бояться, чтобы рѣзня пановъ не повторилась и у насъ, но только въ иномъ видѣ: нашъ политикъ почему то считалъ подольскихъ поляковъ сильнѣе милліоннаго населенія православныхъ крестьянъ и вообразилъ, что если поляки взбунтуются, то непременно начнутъ истребленіе русскихъ съ духовенства. Опасенія свои онъ сообщилъ и Шведову. Оба они страшно трусили, даже по ночамъ не спали, прислушиваясь къ уличному шуму. Призвавъ на помощь статистику, я немного успокоилъ ихъ нервы, послѣ чего мой протопопъ сталъ даже храбриться:

— Что-жъ, говоритъ, пускай попробуютъ—я сейчасъ съ крестомъ на коня!..

Во всемъ, что касалось внутренней политики, о. протоіерей былъ крайнимъ консерваторомъ. Воспитанный въ страхѣ Господнемъ и начитавшись „Маяка“, онъ, былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что у насъ все обстоитъ благополучно. Съ непрогляднымъ состояніемъ нашей общественной жизни онъ мирился на основаніи гегелевскаго тезиса: „что дѣйствительно, то и разумно“. Какъ видно, лекціи философіи прослушанныя имъ въ духовной академіи, принесли свои плоды: малѣйшее порицаніе современныхъ намъ порядковъ, даже въ интимной дружеской бесѣдѣ, поднимало въ немъ цѣлую бурю патріотическаго негодованія.

Въ началѣ 1846 года изъ нѣжинскаго греческаго уѣзднаго училища къ намъ перемѣщенъ учитель рисованія, товарищъ по академіи и другъ поэта Шевченка, *Иванъ Максимовичъ Сошенко* ¹⁾.

Обладалъ онъ рѣдкою способностію возбуждать въ своихъ ученикахъ любовь къ рисованію, не прибѣгая къ понудительнымъ мѣрамъ со стороны инспекціи, что составляетъ немалую заслугу въ учителѣ такого предмета, который въ ряду другихъ не имѣлъ въ глазахъ учащихся никакого значенія, такъ какъ отмѣтки по рисованію и чистописанію не принимались въ расчетъ при переводахъ въ высшій классъ. Кромѣ того, И. М.—чъ, имѣлъ счастливый даръ угадывать въ своихъ ученикахъ несомнѣнное призваніе къ живописи, и нѣкоторые изъ нихъ, благодаря своему наставнику, съумѣвшему сообщить надлежащее направленіе ихъ природному дарованію, достигли въ послѣдствіи громкой извѣстности: портретистъ Страшинскій, скульпторъ Гуйскій, пейзажистъ Орловскій и др. не переставали съ благодарностію вспоминать о первоначальныхъ урокахъ Сошенка,

Чего бы, казалось, больше требовать отъ такого преподавателя самому възыскательному начальнику-педагогу? Но въ

---

¹⁾ Желающимъ короче познакомиться съ этою симпатическою личностію мы предлагаемъ обратиться къ изданному въ 1877 году отдѣльною брошюрой біографическому очерку; здѣсь же помѣщаемъ краткую характеристику его двухлѣтней службы подъ начальствомъ директора Зимовскаго.

томъ то и бѣда, что директоръ немировской гимназіи былъ вовсе не педагогъ, а чиновникъ-самодуръ, ставившій ни во что самое добросовѣстное исполненіе подчиненными ихъ прямыхъ обязанностей, если только они, служа дѣлу, не могли, или не хотѣли служить его особѣ; а въ этомъ то и заключалась, по его мнѣнію, главнѣйшая обязанность имѣвшихъ несчастье подпасть подъ его начальство. Учители чистописанія и рисованія, уже по одному значенію преподаваемого ими предмета, составляли въ гимназіи, какъ говорится, послѣднюю спицу въ колесѣ, а гг. директора бибиковского режима своимъ унижительнымъ обращеніемъ съ ними еще больше унижали и безъ того низменное положеніе ихъ въ кругу сослуживцевъ. Между тѣмъ преподаватели рисованія были художники съ сильно развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, съ характеромъ независимымъ—каково же имъ было переносить подобное обращеніе?

Сошенко натолкнулся именно на такого начальника въ лицѣ немировскаго директора. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ онъ истощалъ свое остроуміе надъ странностями и непрактичностью художниковъ вообще и учителей рисованія въ особенности, причемъ употреблялъ въ дѣло такую манипуляцію надъ болѣзненнымъ организмомъ И. М—ча, что вчужѣ становилось жалко смотрѣть на его душевныя страданія.

— Эхъ, Иванъ Максимовичъ! приговаривалъ директоръ тономъ не то состраданія, не то презрѣнія, обнимая его правой рукой и подталкивая сзади колѣнкомъ: таковы вы всѣ художники! Какая польза отъ вашей живописи? а?

Иногда для большей внушительности, директоръ, словно одержимый болѣзнію, извѣстною въ медицинѣ подъ названіемъ пляски Св. Вита, подпрыгивалъ, моталъ головой, хлопалъ въ ладоши, дергалъ подчиненнаго за пуговицу, подталкивалъ локтемъ, тыкалъ пальцемъ въ грудь.

— Г. Директоръ, сказалъ ему однажды нашъ многострадальный Іоаннъ: не штовхайте мене въ груди—я больной человѣкъ.

— То-то больной, ха-ха, а еще жениться задумалъ. А много ли даетъ учитель музыки приданого за своей цуркой? Эхъ, вы, художники! терпѣть не могу!

Дѣло въ томъ, что нашъ Сошенко, давая уроки рисованія одной гувернанткѣ, варабатывавшей себѣ хлѣбъ честными трудами, влюбился и возымѣлъ намѣреніе сочетаться съ ней законнымъ бракомъ. Спрашивается: какое право имѣть начальникъ вмѣшиваться въ интимную жизнь подчиненнаго, когда его въ тому не приглашаютъ? и какую дозу безцеремонности и безсердечія можно предположить въ человѣкѣ, который, пользуясь своею властію, позволяетъ себѣ публично издѣваться надъ сердечною тайною скромнаго труженика, для котораго эта тайна—святая святыхъ, куда не допускаются непосвященные? Не смотря, однакожъ, на ѣдкія выходки со стороны директора и даже на угрозы уморить ослушника голодною смертію, день свадьбы былъ назначенъ во время каникулъ. Приходить женихъ къ начальнику съ прошеніемъ о дозволеніи вступить въ законный бракъ, а тотъ поздравляетъ его съ монаршею милостію, сунувъ ему въ руки бумагу о взысканіи съ него 24 рублей за пожалованный чинъ коллежскаго секретаря. Вотъ такъ обрадоваль! Несомнѣнно, онъ нарочно приготовилъ сюрпризъ для такого торжественнаго случая.

— Играйте, говорить свадьбу, да не давайте гостямъ шампанскаго, ха-ха, потому что я обязанъ изъ вашего жалованья сдѣлать вычетъ.

Такъ какъ И. М.—чъ получалъ всего 16 рублей съ копѣйками въ мѣсяцъ, то ему, значитъ, цѣлыхъ полтора мѣсяца не приходилось видѣть ни копѣйки. Правду сказалъ директоръ; что уморить голодною смертію. Нужно поневолѣ отложить свадьбу до полученія жалованья. Перебѣдовалъ нашъ художникъ и эти голодные мѣсяцы, пріискалъ работишку и кое-какъ состряпалъ свадьбу. Стали супруги жить да поживать да деньги наживать: мужъ малюетъ образа, а жена учитъ дѣтей. Такъ сякъ и перебивались помаленьку. Но преслѣдованія не унимались.

Приходить, напр. И. М.—чъ изъ гимназіи домой въ 5 часовъ вечера, отбывши четыре полутора-часовыхъ урока, въ сырой осенній день, по страшной грязи, въ квартиру на концѣ мѣстечка, усталый, мокрый. Скидаетъ онъ свои бранные доспѣхи и собирается облачиться въ халатъ, чтобы немножко отогрѣться

за самоваромъ и отдохнуть отъ нескончаемой возни съ мальчуганами,—какъ вдругъ въ комнату ввалился гимназическій сторожъ.

— Пожалуйте къ дилектуру!

— Зачѣмъ? спрашиваетъ его И. М—чъ.

— Не можемъ знать: стало быть есть важное дѣло, коли велѣно позвать въ такую пору—разсуждаетъ, уходя, инвалидъ.

Представьте себѣ, читатель, положеніе бѣднаго учителя, который долженъ опять надѣвать только что сброшенный хомутъ и брести въ темнотѣ по грязнымъ переулкамъ, почти за полверсты отъ квартиры. Приходитъ бѣдняга къ директору.

— Что прикажете? спрашиваетъ.

— Вы, любезнѣйшій И. М—чъ, отлично чините карандаши, будьте же такъ добры, очините мнѣ парочку, да женѣ одинъ.

Стружить несчастный художникъ карандаши, а руки такъ и трясутся отъ волненія.

— Ничего больше не прикажете? спрашиваетъ.

— Ничего, покорно благодарю!

Но порученія директорскія не всегда ограничивались такими пустяками, какъ очинка карандашей: бывали дѣла и посерьезнѣе.

Умерла кастелянша ученической больницы, не сдѣлавъ до смерти никакого распоряженія. Между разнымъ бабьимъ тряпьемъ найденъ былъ именной билетъ въ 300 рублей. Наслѣдниками были сынъ студентъ и дочь. Сочувствуя почему то больше дочери, Е. Я—чъ желалъ, чтобы деньги достались ей одной; но для полученія ихъ изъ конторы Государственного банка, нужно было на билетъ сдѣлать передаточную надпись умершей. Что тутъ дѣлать? Конечно, оставалось только пожалѣть о бѣдной душкѣ и больше ничего. Анъ нѣтъ! у насъ не такъ было: недаромъ мы унаслѣдовали въ юго-западномъ краѣ принципы оо. іезуитовъ, у которыхъ самыя нечистыя средства оправдывались благою цѣлю. Мы способны были и подлогъ сдѣлать лишь бы панна Пѣйзанъ осталась нами довольна.

— Позвать Сошенка! скомандовалъ директоръ.

Приходитъ И. М—чъ. Зовутъ въ кабинетъ.

— Вотъ что, любезнѣйшій! вы, какъ учитель чистописанія, конечно, знакомы съ различными почерками: не можете ли вы подвести руку вотъ подъ эту подпись? Одну только фамилію напишите. Садитесь, возьмите перо!

Говоря это, Е. Я—чъ положилъ на столъ банковый билетъ и, подталкивая локтемъ учителя, прибавилъ:

— Да нуте же! о чемъ тутъ думать! терпѣть не могу! Но услышавъ такое дикое предложеніе, Сошенко лишился способности мыслить: онъ остолбенѣлъ отъ изумленія, перо выпало изъ рукъ, губы тряслись; онъ долго не могъ произнести ни одного слова. Наконецъ всталъ и, пробормотавъ какое то нескладное оправданіе своего неповиновенія приказаніямъ начальства, ушелъ, повѣся голову, домой—подѣлиться съ женой новымъ, еще не бывалымъ сюрпризомъ, который пахнулъ угольщиной.

Такъ прошли для бѣднаго труженика два года, исполненные невыносимыхъ страданій и нравственной пытки. Служба стала для него тяжелымъ бременемъ; но гнетущая душу нужда заставляла терпѣть и скрѣпя сердце переносить незаслуженное гоненіе.

Разъ какъ то на урокъ чистописанія произошелъ небольшой безпорядокъ. Зимовской, стоявшій въ это время, по своему обыкновенію подъ дверями, (въ которыхъ продѣлано было небольшое оконце, завѣшенное снаружи для внезапнаго соглядатайства начальства)—влетѣлъ въ классъ, какъ ураганъ, лютый-прелютый.

— Кто шумѣлъ? кричитъ задыхающимся отъ бѣшенства голосомъ.

— Такой-то, и такой! докладываетъ „старшій“.

— Сторожей! розокъ! неистовствуетъ директоръ.

Виноватыхъ раздѣли и тутъ же, посреди класса, растянули на учительской каедрѣ.

Въ самомъ „пылу горячихъ“, 3—й, какъ разъяренный тигръ, бросается на сторожа, вырываетъ у него изъ рукъ розги и со словами: „какъ ты сѣчешь, бездѣльникъ?“ начинаетъ сѣчь рукою властною, сопровождая отчаянные крики мальчика адскимъ смѣхомъ:

— Посмотрите, посмотрите, И. М.—чѣ, что за богатая натура у этого негодяя? обратился онъ къ Сошенку, указывая на обнаженное тѣло ученика.

Что происходило потомъ, И. М. не помнитъ: отъ сотрясенія нервной системы съ нимъ случился обморокъ...

Такая звѣрская жестокость палача-педагога до того подѣйствовала на голубиную натуру нашего художника, что онъ заболѣлъ серьезно и затѣмъ, едва пришелъ въ себя, тотчасъ же написалъ просьбу объ отставкѣ.

— Будь что будетъ! говорилъ онъ друзьямъ своимъ, а служить подъ начальствомъ такого изверга я не въ состояніи! Готовъ дрова рубить, трубы чистить, съ голоду пропадать, чѣмъ тамъ мучиться.

Въ отставку онъ занялся писаніемъ образовъ, стало быть сѣхалъ на ту же колею, съ которой своротилъ 16 лѣтъ тому назадъ, съ такимъ самоотверженіемъ рѣшившись отправиться въ Петербургъ изучать высшую живопись въ академіи.

Въ 1851 году, когда И. М. лежалъ на смертномъ одрѣ, исполняя христіанскій долгъ, его посѣтилъ директоръ. Сидя у постели больного, который былъ, однакожъ, при полномъ сознаніи, этотъ непрощенный утѣшитель, обратясь къ женѣ его, сказалъ во всеуслышаніе:

— Вамъ, сударыня, все равно начать плакать—сегодня или завтра—такъ лучше начните сегодня: вѣдь надежды никакой нѣтъ, это видно.

Утѣшилъ, не правда ли?

Зловѣщее карканье этого ворона, къ счастью, не сбылось. И. М.—чѣ, какъ бы въ пику ему, сталъ поправляться: въ болѣзни совершился спасительный кривизъ. Когда выздоравливающій въ состояніи былъ уже сидѣть на постели, онъ припомнилъ не сбывшееся пророчество своего пріятеля и, усмѣхаясь горькимъ своимъ смѣхомъ, слабымъ голосомъ промолвилъ:

— Отже брешешь! таки буду малевать, таки буду!..

Надобно замѣтить, что нашъ художникъ и послѣ выхода въ отставку, не будучи подъ начальствомъ Зимовскаго, чувствовалъ къ нему какой-то инстинктивный страхъ, какой обыкно-

ленно испытываютъ слаонервные люди въ присутствіи разъяреннаго животнаго. Завидѣвъ его гдѣ нибудь на противоположномъ концѣ улицы, мой Соха всегда чувствовалъ внутреннюю лихорадочную дрожь.

— Отъ несчасть! говорилъ онъ обыкновенно при такой неожиданной встрѣчѣ: не даромъ мнѣ не хотѣлось идти по этой улицѣ.

Не доходя до 3—го на нѣсколько шаговъ, онъ скидалъ фуражку, оставаясь съ непокрытой головой, пока не пройдетъ это пугало честныхъ людей, обмѣнявшись нѣсколькими любезностями, нелишенными впрочемъ ядовитой насмѣшливости:

— Чого вы, И. М. его боитесь? спросилъ я его однажды.

— Эхъ, М. К. развѣ вы меня не знаете? я всякого злого человѣка боюсь...

Инспекторъ гимназіи *Яковъ Омельниковичъ Беккаревичъ*, по словамъ юбилейной записки Каменецъ-Подольской гимназіи 1888 г. „принадлежалъ къ числу тѣхъ воспитателей, которые своими душевными качествами—доброю и любовію къ воспитывающимся дѣтямъ—на всегда оставляютъ въ своихъ питомцахъ добрую о себѣ память и признательность“. Къ этимъ правдивымъ словамъ составителя записки, я, съ своей стороны, добавлю только то, что „доброта“ Я. О—ча нисколько не вліяла на смягченіе суроваго режима немировской администраціи; дѣятельность его была совершенно парализована безграничнымъ произволомъ директора. Исполняя буквально, до ничтожныхъ мелочей, всѣ распоряженія начальника и дѣйствуя во всемъ въ предѣлахъ данной ему инструкціи, окруженный фискалами въ лицѣ подчиненныхъ ему надзирателей, онъ былъ лишенъ и тѣни самостоятельности и инициативы. При другомъ директорѣ онъ несомнѣнно могъ бы имѣть благотворное вліяніе на нравственность воспитанниковъ, но при Зимовскомъ онъ ничего не былъ въ состояніи сдѣлать, при всемъ своемъ желаніи и добрыхъ намѣреніяхъ, которыми, какъ говорить Данте, вымощенъ адъ...

Надзиратели немировской гимназіи.

Надзиратели, не отличались способностію комбинировать свои наблюденія, передавая своему повелителю одни лишь голые факты, а изъ этого сырого матеріала творческая фантазія Е. Я-ча создавала цѣлую поэму доносовъ.

Поговоримъ же о надзирателяхъ, въ оное время замѣнявшихъ нынѣшнихъ классныхъ наставниковъ съ ихъ помощниками, а на дѣлѣ бывшихъ ни болѣе, ни менѣе, ни выше, ни ниже надзирателей околodочныхъ.

Ихъ было пять человѣкъ: два надзирали за вольно-приходящими учениками, а три—за воспитанниками общихъ квартиръ.

Старшій всѣхъ по службѣ Каэтанъ Демьяновичъ *Штейнъ* любилъ повторять вѣчную свою пѣсню о томъ, какъ „они съ попечителемъ фонъ-Брадке пріѣхали въ Немировъ, открыли гимназію; затѣмъ Егоръ Ѳедоровичъ сказалъ: оставайся ты здѣсь—и я остался, а онъ вернулся въ Кіевъ“.

Своими съ сильною просѣдью волосами Штейнъ напоминалъ одного изъ тѣхъ „шпаковатыхъ коней“, на какихъ любили разѣзжать тогда по ярмаркамъ польскіе паньчи-балагулы. На сходствѣ Каэтана съ пшакoмъ (скворцомъ) основывается полученное имъ отъ учениковъ прозвище „Шпацю“. Какъ полякъ, Штейнъ былъ очень пригоденъ Е. Я-чу по части политическихъ доносовъ, а какъ рьяный охотникъ, онъ лгалъ немилосердно, сочиняя иногда такіе факты о неблагонамѣренности своихъ родакoвъ, какихъ не случалось встрѣчать мнѣ, очевидцу повстанья, даже наканунѣ 1863 года. Сознавая всю важность занимаемаго имъ поста, Каэтанъ иногда позволялъ себѣ дѣлать замѣчанія учителямъ, по поводу какого нибудь клякса въ классномъ журналѣ, за что неоднократно претерпѣвалъ отъ нихъ бранное поношеніе. Помнится такой случай: ученики VII класса на окончательномъ экзаменѣ писали сочиненія подъ наблюденіемъ учителей, между которыми было распредѣлено часовое дужурство отъ 8 до 3 ч. Но тутъ же въ залѣ, какъ безсмѣнный часовой,

былъ и Штейнъ, которому приказано было наблюдать за учителями, чтобы они не помогали ученикамъ. Едва только одинъ изъ молодыхъ преподавателей заговорилъ къ обратившемуся къ нему ученику о темѣ сочиненія, какъ къ нему подходитъ Каэтанъ и съ важностію говорить: „Нѣтъ, ужъ я вамъ этого не позволю!“. Вышелъ скандалъ: учитель показалъ Штейну кукишъ, а ученики подняли его на смѣхъ. Влетѣлъ директоръ, разругалъ учениковъ и съ грязью смѣшалъ учителя. Штейнъ торжествовалъ.

Не взирая, однако жъ, на такія полномочія со стороны начальника, этотъ же самый начальникъ обходился съ Каэтаномъ иногда ужъ черезчуръ безцеремонно, вѣроятно, боясь, чтобы сей невѣжественный господинъ не возмечталъ о себѣ слишкомъ: знай, молъ, сверчокъ свой шестокъ: Такъ, однажды поймалъ его директоръ на улицѣ и за какую то неисправность сталъ бранить самыми поносными словами, потомъ въ заключеніе поднялъ на него палку, но ударилъ не его, а проходившую мимо свинью, присовокупивъ: вотъ я васъ, какъ эту поганую животину“!

Другой надзиратель за вольными квартирами Ефимъ Ивановичъ Корсунъ, sic dictus *Кумъ*, человекъ совершенно невѣжественный и глупый, какъ бревно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такой, безъ котораго полная характеристика немировской администраціи была бы неточна. Грубой и неотесанной фигурой своей и холопскими ухватками Кумъ напоминалъ скорѣе городского, чѣмъ чиновника по министерству народнаго просвѣщенія, да и на самомъ дѣлѣ былъ не надзирателемъ только, а факторомъ директорскаго дома, исполнявшимъ самыя унизительныя порученія, вовсе къ службѣ не относящіяся.

Служебную карьеру свою Кумъ началъ въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ состоялъ фискаломъ при инспекторѣ лицея и гимназіи, въ то самое время, когда должность эту занималъ Е. Я. Зимовской.

Для занятія классной должности ему нужно было выдержать экзаменъ на приходскаго учителя. Одинъ изъ преподавателей гимназіи О. А. Токарскій взялся безвозмездно приготовить его къ испытанію по ариѳметикѣ; но пробившись съ

вѣтъ около года, пришель къ убѣжденію, что „легче камень долотити, чѣмъ Кума ариметикѣ научити“: онъ не могъ вбить въ эту бездарную башку первыхъ четырехъ дѣйствій. Такъ и остался Кумъ неучемъ на всю остальную жизнь, хотя по протекціи инспектора ему выдали свидѣтельство, удостовѣрявшее въ знаніи имъ курса уѣзднаго училища, а Токарскій получилъ отъ него за труды дѣдовскіе часы съ репетиторомъ. Но этимъ благодѣянія патрона не кончились: Е. Я-чъ женилъ его и, отправляясь въ Немировъ, взялъ съ собой и его съ супругой.

Кума рѣдко можно было видѣть въ гимназіи за исполненіемъ прямыхъ его обязанностей по должности надзирателя: это былъ въ полномъ значеніи слова чиновникъ *особыхъ порученій* г. директора.

Отправляясь въ Харьковъ жениться, Е. Я-чъ оставилъ у себя на хозяйствѣ Кума, въ качествѣ дворника, съ приказаніемъ ожидать его съ готовымъ самоваромъ ровно черезъ три недѣли, но пріѣздъ почему то замедлился на три дня. И что же? Въ продолженіе этихъ трехъ дней Кумъ непрерывно наставлялъ самоваръ и дулъ въ трубу во всю ивановскую, засыпая иногда тутъ же, подъ шипѣнье самовара, растянувшись на голомъ полу въ вицмундирѣ.

Подѣхавъ съ своей новобрачной къ воротамъ, директоръ нашель ихъ неотворенными и, не входя еще въ комнату, разругалъ своего раба въ пухъ. Въ передней Кумъ повалился въ ноги разгнѣванному повелителю и всхлипывая сталъ умолять о прощеніи за свою оплошность. Осмотрѣвъ квартиру и найдя все въ исправности, Е. Я-чъ смягчился и великодушно простилъ.

Въ другой разъ, уѣзжая съ супругой на каникулы, Зимовской снова поручилъ Куму смотрѣть за домомъ и за всѣмъ, что было въ немъ. На бѣду его въ погребѣ стояло изрядное количество бутылокъ вина и наливокъ, да нѣсколько банокъ варенья, до котораго Е. Я-чъ былъ очень лакомъ. Искушеніе было слишкомъ велико, чтобы избѣжать соблазна. И вотъ, Кумъ

сперва самъ началъ понемногу пробовать содержимое въ банкахъ и бутылкахъ, а потомъ, вошедши во вкусъ, началъ потчивать и канцелярскихъ, приходившихъ къ нему по ночамъ играть въ карты. Но вотъ приближается день страшнаго суда, а Кумъ все не кается и все глубже и глубже погружается въ своихъ продерзостяхъ: все молъ равно пропадать; мало ли, много ли выпито, вылизано—семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ! Наконецъ Е. В—діе извоили прибыть изъ путешествія. Кумъ, стоя на вытяжку, рапортуетъ, разсыпаясь мелкой дробью, подобно барабанщику. Онъ безъ запинки докладываетъ о своей неусыпной дѣятельности въ отсутствіе господъ: „какъ онъ ходилъ лошадокъ, свинокъ, какіе дорожки продѣлалъ въ саду, ни разу не ложился въ постель, обходя дозоромъ весь домъ, какъ онъ вывѣтривалъ и перечищалъ платье и проч. и проч.; въ заключеніе же своей рѣчи просилъ за усердіе награды—представить его въ коллежскіе регистраторы за отличіе, такъ какъ до этого важнаго чина ему, какъ мѣщанину, слѣдовало прослужить 12 лѣтъ.

Тѣмъ временемъ г-жа директорша занялась осмотромъ кладовой и погреба и нашла значительный недочетъ. Директоръ взялъ подъ допросъ своего мажордома.

— А куда, Е. И., дѣвалось вино, наливка, варенье?

— Накажи мене Богъ, щобъ мени и руки и губы отсохли, коли я до чого небудь прикасався,—клянется окаянный Кумъ.

Но божба и клятвы не помогли и вмѣсто чина „за отличіе“ онъ получилъ такую встрепку, что даже не успѣлъ расплакаться. Его съ безчестіемъ выгнали изъ дому и запретили показываться на глаза. Повѣсилъ мой Кумъ носъ, тоскуетъ и скорбитъ, блуждая у воротъ директорской квартиры, какъ грѣшная душа въ чистилищѣ. Неразъ порывался онъ войти къ своему разгнѣванному идолу, пасть къ ногамъ его прахомъ, разрыдаться и вымолить себѣ прощеніе. Но едва онъ отворитъ калитку, его гонять какъ пса. Такъ прошла недѣля. Кумъ скорбитъ и ходитъ, понутивъ голову. Наконецъ, башку его

озарила геніальная мысль, и онъ немедленно приступилъ къ ея выполненію.

Квартира Кума была смежна съ директорской. Смотрить онъ изъ-за частокола: директоръ съ директоршей кушаютъ въ саду чай. Навалившись всѣмъ корпусомъ на частоколъ онъ раздвигаетъ его, сбрасываетъ сюртукъ и, схвативъ дубину, гонить въ отверстіе свинью. Черезъ гряды и клумбы онъ подгоняетъ ее къ бесѣдкѣ. Директоръ кричитъ, бѣснуется—Кумъ ничему не внимлетъ. Поровнявшись съ бесѣдкой, онъ бросилъ дубину и бухъ въ ноги директору. Г-жа директорша, при своей ангельской добротѣ, стала просить за кающагося грѣшника—и Кумъ прощенъ. Вскочивъ на ноги, онъ снова погнался за свиньей и выгналъ ее тѣмъ же самымъ отверстіемъ на свой дворъ. Хитроумная, подумашь, выдумка!

Верстахъ въ пяти отъ мѣстечка у Е. Я—ча была пасѣка съ небольшимъ садикомъ. Сначала весны Кумъ превращался въ садовника и пасѣчника, отправляясь съ зарей на пасѣку и возвращаясь домой къ вечеру. Если ему удавалось „поймать рой“ онъ во всѣ лопатки бѣжалъ съ рапортомъ къ директору—хвалиться своимъ подвигомъ. Тогда вся гимназія знала объ этомъ событіи, потому что Кумъ каждому встрѣчному трубилъ въ уши: „сіюгодні я роя поймалъ“!

Кромѣ того, въ концѣ мѣстечка былъ вишневый садъ, подаренный графомъ гимназіи, находившійся, однакожъ, въ пользованіи одного директора. Кумъ и тамъ поспѣвалъ бывать, гоня по всему саду воробьевъ, чтобъ не ѣли директорскихъ вишенъ. Какъ бы обиленъ ни былъ урожай, никогда никто изъ учителей и учениковъ не съѣлъ ни одной ягодки. Кумъ, бывало, продаетъ вишни жидамъ по копѣйкѣ ведро и вырученныя деньги относитъ директору, а даромъ никому не дастъ и понюхать.

Тому же фактору виѣнялось въ обязанность ходить на базаръ. Неразъ приходилось мнѣ встрѣчать его съ живымъ поросенкомъ въ рукахъ или индѣйкой подъ мышкой. Ему же поручалась и продажа всего, что оставалось неизрасходованнымъ по части провизіи, доставляемой помѣщиками на продо-

вольствіе директорскихъ шансіонеровъ, самыхъ, конечно, достаточныхъ, за которыхъ родители платили по 1000 рублей сер., что по тогдашнимъ деньгамъ составляло громадную сумму. Сверхъ того, возами, бывало, везуть на директорскій дворъ всякіе деревенскіе продукты, такъ что Е. Я—чѣ легко могъ бы прокормить цѣлый разрядъ общей квартиры, да онъ таки излишекъ нерѣдко и продавалъ эконому, а чаще всего отправлялъ на базаръ, гдѣ тотъ же Кумъ продавалъ въ раздробь: муку, сыръ, масло, картофель, бураки и живность, а вырученныя деньги полностью представлялъ г-жѣ директоршѣ.

Для соблюденія экономіи при заготовленіи для заведеній дровъ, нѣсколько лѣтъ сряду они покупались на корню. Рубка и доставка обыкновенно производилась зимой. Слѣдить за рабочими поручалось тому же вездѣсущему Куму, который проживалъ въ лѣсу по цѣлымъ мѣсяцамъ, за 25 верстъ отъ мѣстечка.

Ученики прозвали Кума адъютантомъ директора, такъ какъ онъ постоянно сопровождалъ своего начальника на прогулку, какъ для вящей безопасности и въ огражденіе личности Е. В—дія отъ покушеній на оную со стороны неблагонамѣренныхъ людей, такъ и для преслѣдованія гимназистовъ.

Въ этомъ отношеніи Кумъ, обладая здоровенными кулаками и нестомчивыми ногами, какъ человѣкъ дикій, съ комплекціей первичной формаціи, могъ быть и дѣйствительно былъ очень и очень полезенъ обожаемому начальнику. И съ того времени, какъ быстрыя ноги Кума вступили въ союзъ съ ястребиными глазами директора, бѣднымъ ученикамъ не стало спасенія, хоть бы за версту шли они отъ своихъ неутомимыхъ инстингаторовъ.

Шестовали однажды сіи два достойные мужа въ монастырскую рощу на прогулку. Это было въ концѣ октября. На разстояніи версты у опушки лѣса директоръ усмотрѣлъ нѣчто похожее на гимназиста.

— Е. И—чѣ! а вѣдь это ученикъ! обратился онъ къ своему спутнику: видите, видите, какъ будто и дымокъ поназался! да, курить бездѣльникъ, курить! Узнайте-ка, кто это!

Молча кивнулъ головой быстроногій атлетъ и пустился въ путь. То былъ дѣйствительно гимназистъ. Какъ только юноша замѣтилъ, что его хотятъ поймать, потерявъ отъ страха всякое соображеніе, вмѣсто того чтобы поверотить къ лѣсу, бросился въ сторону, по направленію къ пруду. Какъ отлично выдрессированная собака, Кумъ, не давъ ему опомниться, отрѣзалъ несчастному отступленіе къ лѣсу и погнался за нимъ, какъ борзой за зайцемъ. Прибѣжалъ ученикъ къ пруду—что дѣлать? на дворѣ осень, погода вѣтреная—лѣзть въ воду не безопасно. Но сзади другая бѣда—въ двадцати шагахъ Кумъ. Нѣтъ, лучше броситься въ воду, чѣмъ попасться въ лапы директора. Не оборачиваясь, бѣглець вошелъ въ прудъ по грудь и накрылъ голову воротникомъ шинели, руководясь, вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ, что не полѣзеть же за нимъ въ воду при такомъ холодѣ надзиратель. Но какъ мало зналъ этотъ неопытный юнецъ, что значить долгъ, для такого служаки, какъ Кумъ, который, исполняя волю начальства, готовъ былъ не только полѣзть въ воду, но и въ огонь броситься? Не задумавшись ни на одну секунду, Кумъ вошелъ въ воду, поднялъ воротникъ шинели гимназиста, заглянулъ ему въ лицо и сказавъ только: „а, се ты!“ вылѣзъ изъ воды, отряхнулся, какъ пудель, и побѣжалъ съ донесеніемъ къ своему повелителю.

Въ награду за такое усердіе и чисто собачью преданность, Е. Я—чѣтъ страшно издѣвался надъ глупостію и простотою своего вѣрнаго раба. У него Кумъ исполнялъ всѣ низменныя работы по дому: смотрѣлъ за лошадьми, ѣздилъ за кучера, вытиралъ директорское тѣло губкою и т. п. Е. Я—чѣтъ такъ привыкъ къ его услугамъ, что, имѣя даже лакея, иногда посылалъ за Кумомъ¹⁾.

Отправляясь съ женой въ Одессу, директоръ взялъ съ собою Кума, вмѣсто лакея, на козлы. Соблазнившись дешевой

---

¹⁾ Прислуга у З—кого долго не держалась. Онъ никого не наказывалъ и даже не бранился, но своими лютыми насмѣшками и презрительнымъ обхожденіемъ всѣхъ отталкивалъ.

товаровъ, (тамъ было въ то время *porto franco*), онъ купилъ своей супругѣ великолѣпную шаль и хотѣлъ провезти ее, не заплативъ на таможенѣ пошлинъ. Кумъ вызвался спрятать покупку такъ, „що ніякій бисъ не знайде“. Разрѣзавъ подкладку шинели, онъ выбросилъ вату и вмѣсто нея засунулъ контрабанду, считая себя затѣмъ въ совершенной безопасности; но таможенные ищейки пронюхали добычу, уличили директора въ мошенничествѣ и вытащили изъ-за подкладки шинели „его человѣка“ шаль, сорвавъ большой штрафъ.

Во время высочайшаго проѣзда императора Николая въ Винницу на смотръ войскъ, директоръ, не дождавшись на станціи прибытія Его Величества, отправился домой спать, оставивъ Кума для наблюденія за всѣмъ, что произойдетъ во время перемѣны лошадей; но не одинъ директоръ и попечитель Траскинъ, пріѣхавшій въ Немировъ за три дня до царскаго проѣзда, тоже проспалъ его, утомившись истребленіемъ обѣдовъ и завтраковъ, изготовляемыхъ на станціи графскимъ поваромъ на случай, если бы Государю благоугодно было откусать. Такимъ образомъ, встрѣтилъ царя одинъ графъ Потоцкій. Съ нимъ Государь, не выходя изъ экипажа, перекинулся нѣсколькими милостивыми словами, пригласивъ его пріѣхать въ Винницу съ дочерью. Затѣмъ, едва успѣли заложить свѣжій восмерикъ, раздался богатырскій окрикъ:

„Пошелъ“!

Вотъ все, что произошло на станціи во время высочайшаго проѣзда.

На другой день рано по утру Кумъ стремительно ворвался въ квартиру директора и забилъ нескончаемую дробь на своемъ барабанѣ. И чего, чего не нагородилъ этотъ безтолковый болтунъ, изъ желанія показать свое усердіе, понимаемое имъ по своему. Онъ передалъ директору не только то, что дѣйствительно происходило, но и то, чего вовсе не было. Такъ, между прочимъ, онъ сообщилъ, что графъ приглашалъ государя въ палатъ и въ гимназію, что государь, якобы извинялся тѣмъ, что онъ спѣшитъ на смотръ и т. п. Утомившись слушать непрерыв-

ную дребедень своего повѣреннаго, Е. Я—чѣ неожиданно прервалъ его вопросомъ: „на какомъ языкѣ Государь изволилъ объясняться съ графомъ“?

— По французскому! отвѣтилъ безъ запинки Кумъ.

— Ахъ вы Бальзакъ, Е. И—чѣ! Да какъ же вы узнали, чѣмъ говорилъ Государь съ графомъ, не понимая ни бельмеса?

Пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, Кумъ на сей разъ почему то позволилъ себѣ даже обидѣться.

— Покорно васъ благодарю, Е. Я—чѣ! за мое усердіе вы ругаете меня такимъ словомъ, какого я ще зроду ни отъ кого не слыхалъ: Бальзакѣмъ мене ще никто не называлъ!

И не безъ причины почтенный куманекъ такъ сильно оскорбился прозвищемъ Бальзака. Хотя онъ рѣшительно не зналъ, что это за такое слово Бальзакъ, но инстинктивно догадывался, что оно должно быть французское, а къ французамъ онъ питалъ непреодолимое отвращеніе. Ему не удавалось запомнить и произнести сколько-нибудь правильно ни одного иностраннаго слова, не исковеркавъ его на манеръ русскаго, какъ обыкновенно поступаютъ наши солдатики съ иноземными фамиліями своихъ остзейскихъ командировъ. *Chapeau claqué*, напр., у него выходило клячо шляпъ, вентиляторъ—вентинадоръ, медальонъ—мандальонъ, Магбета—онъ назвалъ Бахметомъ и т. п.

Однажды за преферансомъ, рѣшаясь сыграть рискованную игру, Кумъ выразился такъ: „э, кинь на рискъ“!

— Вы, Е. И—чѣ, какъ будто наворачиваете на французскій языкъ? замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Такъ всегда говорить гр. Шуазель, когда играетъ не совсѣмъ вѣрную игру: „кинь, говоритъ, на рискъ“!

Потомокъ знаменитыхъ въ исторіи Франціи Шуазелей Гюффе, проживая нѣкоторое время въ м. Немировѣ для воспитанія дѣтей, любилъ по вечерамъ перекинуться въ картишки. За немѣніемъ лучшихъ партнеровъ, онъ иногда приглашалъ къ себѣ Кума. У него то Е. И—чѣ и поддѣпилъ эту передѣланную на свой ладъ французскую фразу: *qui ne risque n'a rien*.

Совершенную противоположность Куму, всегда смѣлому и подвижному, представлялъ надзиратель средняго 2-го отдѣленія

общей квартиры *Ситенскій*, лысое, запуганное существо, всегда говорившее вполголоса, оглядываясь по сторонамъ, хотя бы съ нимъ случалось разговаривать гдѣ нибудь въ полѣ. Боясь, чтобы предательскій вѣтеръ не донесъ его словъ до ушей директора, онъ дѣлалъ изъ своей ладони щитокъ, закрывая имъ ротъ съ подвѣтренной стороны. З—й страшно надъ нимъ издѣвался, говоря ему такія вещи, какихъ не вынесъ бы послѣдній гимназическій сторожъ, а онъ, какъ истуканъ, стоялъ и слушалъ, не обнаруживая ни малѣйшаго признака жизни; только холодный потъ градомъ катился по его лоснящейся лысинѣ. Разъ засталъ я его въ директорской передней за головойкой:

— Ну, что ему говорить? обратился ко мнѣ директоръ, указывая на *Ситенскаго*: вѣдь его мѣдный лобъ все равно, что вотъ (при этомъ онъ щиколоткой указательнаго пальца постучалъ о стѣну); я, право, не понимаю, отчего надзирателей нельзя съѣчь?

И кто бы подумалъ, что въ этомъ униженномъ и оплеванномъ человѣкѣ, какъ въ могилѣ, схоронены были тайны, ему одному довѣренныя тѣмъ же самымъ начальникомъ, который собирался его высѣчь? Лежа на смертномъ одрѣ, послѣ исповѣди и причастія, *Ситенскій* сознался своему пріятелю *Сошенку*, что всѣ секретныя донесенія на имя генералъ-губернатора *Бибикова* переписывалъ всегда онъ, будучи обязанъ этою великою честію красивому почерку и своему молчаливому, робкому характеру. Этого никто не могъ подозрѣвать до самой его смерти.

Надзиратель высшаго отдѣленія общей квартиры *Филипп Андр. Госовскій*, по образованію и по развитію, стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ своихъ товарищей. Какъ человѣкъ гуманный, прямой и справедливый, онъ пользовался довѣріемъ и любовью воспитанниковъ; *Зимовской* же подобныхъ людей „*терррррррръ*“ не могъ“.

Пріятно остановиться на такой свѣтлой личности подольше. Но мы лучше предоставимъ ему самому говорить о себѣ, помѣстивъ здѣсь немногія выдержки изъ его дневника.

„Служба моя началась должностію, къ которой я былъ вовсе не приготовленъ, не предполагая даже служить по учебному вѣдомству. Но я былъ твердо увѣренъ, что всякая обя-

занность не страшна тому, кто желаетъ трудиться. О людяхъ я имѣлъ тогда самыя чистыя понятія и потому, прибывши въ Немировъ, я не заботился разспросить о личности моего будущаго начальника. Я вошелъ въ переднюю, и, не видя никого изъ прислуги, отправился въ слѣдующую комнату. Здѣсь встрѣтился я съ Зимовскимъ. Одѣтъ онъ былъ довольно неопрятно, такъ, что на первый разъ показался мнѣ лакеемъ, и я чуть былъ не спросилъ: дома ли баринъ? Но замѣтивъ его гордую и самолюбивую фізіономію, догадался, что личность эта—мой начальникъ, и тутъ же отрекомендовался ему, представивъ билетъ, выданный мнѣ изъ канцеляріи попечителя на проѣздъ изъ Кіева въ Немировъ. Онъ улынулся, но въ этой улыбкѣ было что-то язвительное.

— Въ билетѣ вашемъ, сказалъ онъ, есть поправка—не вы ли ее сдѣлали?

Дѣйствительно, въ билетѣ было написано: данъ по 20 іюня, но по неосторожности канцелярскаго, не высохшія чернила растерты такъ, что трудно было разобрать, какимъ числомъ выданъ билетъ.

Такое несправедливое подозрѣніе въ подлогѣ сильно меня обидѣло. На вопросъ его я только могъ сказать: нѣтъ,—и скрѣпя сердце, замолчалъ.

— Идите, сказалъ онъ мнѣ довольно сурово, къ инспектору и возьмите у него надзирательскую инструкцію, прочтите ее и выучите наизусть.

Я поклонился и вышелъ. Директоръ произвелъ на меня на первыхъ порахъ дурное впечатлѣніе. Мнѣ сдѣлалось грустно. Не такимъ я воображалъ себѣ начальника.

.....Были вакаціи. Послѣ представленія моего директору, я болѣе не видалъ его. Прошло нѣсколько дней. У меня бывали письмоводитель Смоленскій и надзиратели. Вдругъ однажды входитъ Зимовской. Я былъ въ халатѣ, сконфузился и хотѣлъ выйти въ другую комнату надѣть сюртукъ, но онъ меня остановилъ и осматривая стѣны и полъ, со злостію сказалъ:

— У васъ накурено, какъ въ кабакѣ. Это что? а это?

И пошелъ указывать на каждое пятнышко, на брошенный на полъ окурокъ и т. п.

— Да вы мнѣ домъ спалите, а? Какой вы надзиратель?

Дѣлая мнѣ замѣчаніе, онъ былъ похожъ на раздраженную собаку. Говорилъ еще много кой чего, но я ничего не помню, По выходѣ его я долго не могъ прійти въ себя. Мнѣ все казалось, что это сонъ, а не дѣйствительность. Я не зналъ, куда дѣваться отъ тоски. Я не могъ постигнуть, какъ человѣкъ, безъ всякой причины, могъ такъ жестоко оскорбить подобнаго себѣ. Я не получилъ еще никакого назначенія, не начиналъ даже службы, а онъ упрекаетъ меня, что я не знаю своихъ обязанностей.

Прошли каникулы. Я получилъ въ свое завѣдываніе 3 отдѣленіе общихъ квартиръ и сталъ изучать свою должность на практикѣ. Директоръ ежедневно посѣщалъ мое отдѣленіе, я всякій разъ мнѣ отъ него доставалось. Онъ искалъ всевозможныхъ случаевъ придратъя ко мнѣ: приставить лѣстницу къ печкѣ, заглянуть туда, найдетъ какой-нибудь клочекъ бумажки или пыль—нахлобучка; возьметъ тарелку—хукнетъ, потретъ своимъ носовымъ платкомъ—нахлобучка, да какая! Преступника арестанта меньше истязаютъ. Всѣ мелочи, неимѣющія никакого значенія въ дѣлѣ воспитанія, были предлогомъ, чтобы придратъя ко мнѣ и распечь. Такъ прошло около года. Я страдалъ подъ тяжкимъ гнетомъ деспотизма и не зналъ, чѣмъ пособить своему горю. Присматривался я, какъ у другихъ надзирателей; кажется ничего особеннаго, все то же, что и у меня; имъ ничего, а мнѣ нахлобучка. Безчеловѣчное обращеніе со мной не столько меня огорчало бы, еслибъ онъ не дѣлалъ своихъ извительныхъ выговоровъ въ виду учениковъ и прислуги. Нѣтъ, тутъ то онъ и торжествовалъ. Я падалъ духомъ. Служба мнѣ опротивѣла.

..... Разъ приходитъ ко мнѣ добрыйшій—дай Богъ ему царство небесное!—инспекторъ Беккаревичъ. По его смущенному виду замѣтно было, что онъ хочетъ что-то сказать, но не рѣшается. Посидѣлъ въ моей комнатѣ, поговорилъ болѣе о постороннихъ предметахъ и уходя сказалъ:

— Какая причина тому, что Е. Я. такъ ожесточенъ противъ васъ? У васъ все исправно, вы успѣли расположить къ себѣ воспитанниковъ—странно. Онъ вамъ хочетъ зло сдѣлать, и я васъ предупреждаю: будьте осторожны въ словахъ—не всякому довѣряйтесь. Есть неблагонамѣренные люди, они то, кажется, и вредятъ вамъ. Что за мерзавецъ этотъ Зимовской, прощайте!

Послѣ этого посѣщенія, я началъ припоминать всѣ случаи гнѣва директора и оказалось, что всякій разъ онъ разражался надо мною вслѣдъ за посѣщеніемъ меня какимъ-либо изъ его агентовъ, которыхъ я считалъ добрыми людьми, которымъ я вѣрилъ, что они сочувствуютъ моему горю, и предъ которыми я не скрывалъ своего глубокаго презрѣнія къ дѣйствіямъ Зимовскаго. Инспекторъ навелъ меня на настоящую дорогу. Я пересталъ говорить о директорѣ. Я не зналъ прежде, что у него много шпионовъ, которые все, что видятъ и слышатъ, объ всемъ трубятъ въ уши директору. Я не скрывалъ передъ ними своего о немъ мнѣнія, а они, преувеличивъ вдвое все, что я говорилъ, передавали ему.

Другая причина негодованія 3-го—мое пренебреженіе къ его безмѣрному высокомѣрію, которому я не въ состояніи былъ удовлетворить съ перваго моего представленія. Онъ требовалъ униженія, низкопоклонства отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, а особенно отъ надзирателей, совершенно отъ него зависѣвшихъ. Онъ требовалъ, чтобы въ его присутствіи держали руки пошвамъ, вытягивались въ струнку, на каждое его приказаніе отвѣчали по солдатски: слушаю! стояли бы возлѣ самаго порога и дальше ни шагу, смѣялись подобострастно, если онъ надъ кѣмъ-нибудь издѣвается, хвалили бы безъ зазрѣнія совѣсти всѣ его дѣйствія, даже всѣ принадлежащія ему вещи, при встрѣчѣ стояли передъ нимъ безъ шапки. Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, я сдѣлался осторожнѣе, уклоняясь, елико возможно, отъ лести и угодничества. При встрѣчѣ, напр., я снималъ шапку и тотчасъ покрывалъ ею голову. Онъ не разъ дѣлалъ мнѣ замѣчаніе или косвенные намеки въ родѣ такихъ: „вамъ, вѣроятно, солнце печетъ въ голову? Или: козырекъ вашей

фуражки, кажется, мѣшаетъ вамъ видѣть?“ Но я придиравался непонимающимъ этихъ вовсе не тонкихъ намековъ.

Директоръ никогда не наказывалъ учениковъ по донесеніямъ надзирателей, а призывалъ къ себѣ надзирателя и ученика, дѣлалъ очную ставку, заставляя при ученикѣ разсказать о его проступкѣ; ученикъ, разумѣется, оправдывался и всегда оставался правымъ, а надзиратель уходилъ съ носомъ. Если же и наказывалъ ученика, то всегда говорилъ ему: „вотъ видишь, надзиратель на тебя донесъ!“ Такими дѣйствіями онъ вооружалъ воспитанниковъ противъ надзирателей.

Шпіоны у Зимовского были не только между чиновниками и прислугой, но и между учениками всѣхъ возрастовъ. Попалъ онъ гдѣ-то бѣднаго сиротку, мальчика лѣтъ семи, взялъ его къ себѣ якобы изъ состраданія, а въ сущности для того, чтобы воспитать его по своему, т. е. сдѣлать изъ него покорнаго раба, готоваго на всякія низости. Скоро въ мальчикѣ обнаружили слѣды такого воспитанія. Его можно было видѣть подъ дверью, подъ окномъ, или найти спрятавшимся въ темный уголъ комнаты, какъ въ общихъ, такъ и въ частныхъ квартирахъ. Высмотрѣвъ все, что тамъ происходило, онъ незамѣтно ускользалъ.

Учениковъ, преданныхъ себѣ, директоръ поддерживалъ всѣми правдами и неправдами во время экзаменовъ, а надѣясь на такую поддержку, даже способные переставали учиться и оставляли гимназію, дѣлаясь большими негодаями. До прибытія 3—го въ немировской гимназіи было 600 учениковъ; въ короткое же время его управленія половина учащихся уволилась, остались большею частію бездарные трусы. Составляя отчетъ за трехлѣтнее управленіе и ставя въ параллель прежніе порядки съ своими, онъ выставялъ начальству свои заслуги самымъ безсовѣстнымъ образомъ: что онъ де искоренилъ взятки, возвысилъ нравственность учениковъ, улучшилъ методы преподаванія, и чего не написалъ онъ въ свою похвалу ¹⁾! Каждому

---

¹⁾ Историческая записка къ 50-лѣтнему юбилею немировской гимназіи 1887 г. объ управленіи 3—го повторяетъ тоже самое, такъ какъ единственнымъ источникомъ для составленія записки служили автору ея годовые отчеты, самыми 3—мъ сочиненные — хороша исторія!

встрѣчному кричалъ онъ, что для немировской гимназіи, съ его прїѣздомъ, началась новая эпоха, что старая закваска имъ уничтожена.

Зимовской хорошо зналъ, что ученики VII класса получаютъ медали и аттестаты не по истиннымъ заслугамъ, а съ его помощью, и потому онъ убѣждалъ ихъ не поступать въ университетъ св. Владиміра, а ѣхать въ Харьковъ, не будучи увѣренъ въ томъ, чтобы—при повѣрочныхъ экзаменахъ ихъ аттестація оказалась справедливою. Какъ ни хвасталъ онъ, что послѣ перестройки гимназіи у него остались одни „жемчуги и брилліанты“, но въ душѣ не могъ не сознавать, что успѣхи и нравственность учащихся не только повысились, но значительно понизились. Для исправленія этихъ „жемчужинъ и брилліантовъ“ въ общихъ квартирахъ были назначены экзекуціи, на которыя директоръ всегда приходилъ самъ и публично, въ общемъ собраніи всѣхъ учениковъ, дралъ розгами лѣнтяевъ и шалуновъ, начиная съ 10-лѣтняго мальчугана до 20-лѣтняго юноши отъ 1 до VI класса включительно. Разъ онъ хотѣлъ высѣчь и учениковъ VII класса; всѣ разбѣжались, остался только одинъ по трусости и сталъ молить о пощадѣ, вслѣдствіе чего ему досталось только розгами по спинѣ. Въ этотъ же разъ много было высѣчено взрослыхъ. Тутъ же чуть было не рѣшилась участь и самого Зимовского: ученики зашумѣли, вскочили съ своихъ мѣстъ и бросились на него, но онъ улизнулъ *зане не приспе часъ ею*. Раздраженіе воспитаниковъ все усиливалось и привело къ роковому дню 14 ноября 1848 года“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО ¹⁾.

Екскурсія въ область искусства.

Черезъ рядъ вѣковъ художникъ подаетъ
Путеводительную руку:
Искусство образецъ высокій въ немъ найдетъ,
Потомство обрѣтетъ науку.

Гете.

Сближеніе съ Грудзинскимъ и чехомъ Навотнимъ значительно подвинуло впередъ мое эстетическое образованіе. Предаваясь подъ ихъ вліяніемъ изученію искусствъ, я пополнилъ весьма важный пробѣлъ въ приобрѣтенныхъ мною въ университетѣ познаніяхъ. Специалисты въ музыкѣ и страстные любители всего изящнаго, оба мои пріятеля обладали солидными свѣдѣніями по теоріи и исторіи искусствъ. Счастливецъ Грудзинскій, имѣя полную возможность читать въ подлинникъ творенія великихъ поэтовъ Германіи, Франціи и Італіи, проштудировалъ и лучшія сочиненія объ искусствѣ нѣмецкихъ эстетиковъ. Навотній много путешествовалъ по Европѣ и познакомился съ художественными памятниками, какъ древняго, такъ и новаго міра, изучая ихъ не по книгамъ, а въ галлерейхъ и храмахъ, и такимъ способомъ приобрѣлъ основательныя познанія въ архитектурѣ, живописи и скульптурѣ. Не смогря на свои 50 лѣтъ, онъ не утратилъ способности восхищаться прекраснымъ и передавать свои впечатлѣнія съ истинно-юношескимъ жаромъ, выражая свои восторги частію по-нѣмецки, частію по-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 6.

польски, съ примѣсю родного своего языка. Мы часто сходились по вечерамъ, и наши дружескія бесѣды иногда дотягивались за полночь. Къ нашему кружку присоединился было еще одинъ любитель прекраснаго, даровитый проповѣдникъ ксендзъ Остаповичъ, но такъ какъ произведеніямъ искусства онъ предпочиталъ пластику живой красоты, то скоро и отсталъ отъ насъ.

Въ самый разгаръ нашихъ восторженныхъ бесѣдъ по мѣстечку пронесся слухъ, что, по приглашенію графа, возвращаясь изъ своей артистической поѣздки по Россіи, къ намъ заѣдетъ великій піанистъ Листъ. О концертахъ, данныхъ имъ въ обѣихъ русскихъ столицахъ, а также въ Одессѣ, Елисаветградѣ и Кіевѣ въ свое время было писано довольно, а о пребываніи виртуоза въ Немировѣ нигдѣ не было сказано, и потому я считаю не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Первое достовѣрное извѣстіе объ этомъ неожиданномъ и радостномъ для насъ событіи сообщилъ пасторъ Брацмюллеръ:

— *Mirabile dictu!* воскликнулъ онъ при встрѣчѣ съ Грудзинскимъ: великій Листъ въ нашемъ маленькомъ мѣстечкѣ дастъ концертъ.

И въ самомъ дѣлѣ, можно ли было ожидать, чтобы нашъ протухлый чесночнымъ запахомъ Немировъ удостоился такой великой чести? Обитатели большихъ городовъ не въ состояніи понять того всеобщаго увлеченія, какимъ была объята интеллигенція нашего захолустья. Чтобы ощутить тотъ восторгъ, какимъ обуяла нашъ умъ невѣроятная новость о пріѣздѣ въ Немировъ перваго піаниста въ свѣтѣ—нужно испытать на опытѣ всю пошлость, всю пустоту нашего прозябанья въ мѣстечкѣ, гдѣ, кромѣ жидовскихъ гешефтовъ и карточной игры по вечерамъ, не жди ничего, заслуживающаго вниманія мыслящаго человека.

Еще задолго до прибытія Листа, оповѣщенные объ этомъ событіи паны стали съѣзжаться чуть ли не со всѣхъ трехъ юго-западныхъ губерній. Съѣздъ былъ такъ великъ, что въ Немировѣ нехватило помѣщеній; жили въ крестьянскихъ хатахъ въ предмѣстіи и въ жидовскихъ домахъ. Больше всѣхъ волновался

энтузіастъ ксендзъ пробощъ. Прочитавъ въ Петербургской газетѣ статью объ игрѣ Листа, гдѣ было между прочимъ сказано, что виртуозъ игралъ на двухъ рояляхъ, онъ пошелъ вездѣ трубить о такомъ неслыханномъ искусствѣ чародѣя. При входѣ въ концертный залъ, онъ дѣйствительно усмотрѣлъ два фортепіано, но обращенные клавиатурой въ разныя стороны—и патеръ сильно сконфузился.

Въ ожиданіи прибытія артиста, мы перерыли всѣ газеты, ища вездѣ отзывовъ о концертахъ, данныхъ имъ въ разныхъ городахъ Россіи и заграницей.

„Счастливы мы, что живемъ въ 1842 году, писалъ за четыре года предъ тѣмъ нашъ русскій композиторъ Сѣровъ послѣ концерта Листа въ Петербургѣ: такого чуднаго явленія свѣтъ до нынѣ не видалъ еще, и много опять пройдетъ вѣковъ, пока явится что-нибудь подобное“.

„Мы слышали не фортепіано, мы слышали самую душу Листа, одну изъ глубочайшихъ душъ человѣческихъ, писалъ московскій профессоръ Кудрявцевъ: оттого можетъ быть и дѣйствіе его игры такъ раздражительно, такъ электрически дѣйствуетъ на нервы“.

По словамъ музыкальнаго критика Стасова, „мы никогда еще не встрѣчались съ такой геніальностію, съ такою страшною демоническою натурой, то носившеюся ураганомъ, то разливавшееся потоками нѣжной красоты и граціи“.

Послѣ такихъ восторженныхъ отзывовъ о геніальной игрѣ Листа, болѣе чѣмъ странно было встрѣтить въ печати критику на его послѣдній въ Кіевѣ концертъ въ томъ же 1847 году, предъ пріѣздомъ въ Немировъ, нѣкоего Н. Р—на: едва ли это не единственный зоилъ между музыкальными критиками въ Россіи и за границей.

Что касается моихъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ концерта Листа, то я бы, конечно, не былъ въ состояніи черезъ 40 слишкомъ лѣтъ воспроизвести ихъ, если бы у меня случайно не уцѣлѣлъ отрывокъ изъ письма къ одному пріятелю:

„Листъ давно уѣхалъ, а въ душѣ моей до сихъ поръ не умолкаютъ волшебные звуки его вдохновенной игры. Воображенію

не перестаетъ являться образъ величественной фигуры маэстро, его выразительное лицо, то мрачное и грозное, какъ гремучіе аккорды „Erlkönig’a“, то вдохновенно сіяющее и умильное, какъ мелодіи Бетховена и Шуберта, то таинственно-безумное, какъ бѣшенныя мотивы „Донъ-Жуана“ „Соннамбулы“, то весело простодушное и веселое, какъ „Ave Maria“ и „Серенада“ Мнѣ все чудится, что это мимолетное явленіе въ моей жизни было какимъ-то волшебнымъ сномъ, унесшимъ меня въ иной, лучший міръ. Никогда въ жизни не испытывалъ я такого высокаго наслажденія: словно слышалась несущаяся съ яснаго неба ангельская пѣснь, какая, быть можетъ, никогда не раздавалась съ такою полнотою и совершенствомъ въ нашей земной юдоли: я первый разъ въ жизни лицомъ къ лицу видѣлъ генія—вѣнецъ человѣческаго бытія....

„Да, гениальная музыка Листа проникла въ самые сокровенные изгибы сердца, потрясла все существо мое. Отчего изъ слышанныхъ мною въ разное время артистовъ ни одинъ не взволновалъ такъ сильно души, не сталъ надолго предметомъ немолчной бесѣды, между тѣмъ какъ объ игрѣ Листа—говорить и не наговориться со всякимъ, кто сочувствуетъ прекрасному? Анализируя свое душевное настроеніе, я не иначе объясняю его, какъ въ діалогѣ Платона Сократъ объясняетъ рапсоду Іону, не могшему понять, отчего онъ ни о комъ изъ поэтовъ не въ состояніи говорить такъ много, какъ о Гомерѣ? „Это потому. Іонъ, поучаетъ Сократъ, что ты говоришь о Гомерѣ по вдохновенію, отъ самого же Гомера истекающему; если бы ты говорилъ о немъ по наукѣ, то могъ бы и о другихъ говорить съ одинаковымъ искусствомъ: муза посылаетъ истиннымъ поэтамъ вдохновеніе, сообщаемое ими другимъ, и такъ составляется цѣпь людей вдохновенныхъ“.

Такъ объясняетъ *divinus Plato* устами своего учителя тайну могучаго дѣйствія гениальнаго поэта на людей, которымъ бессмертные боги отказали въ творческой силѣ, но не лишили способности воспринимать впечатлѣнія чрезъ посредство своихъ избранныхъ, являющихся къ намъ вѣками изъ другого міра.

Чтобъ, возмутить безкрылое желаніе
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть.

Пушкинъ.

Къ послѣднему прїѣзду Листа въ Кіевъ относится характерный анекдотъ. Какой-то дюжинный нѣмецкій скрипачъ, от-

правляясь въ Кіевъ на контракты, завернулъ въ Немировъ и вздумалъ дать концертъ, но его пришли послушать всего три челоуѣка: Грудзинскій, Навотній и я, и то лишь потому—что получили отъ него даровые билеты. Не смутившись такой неудачей, никому неизвѣстный скрипачъ дерзнулъ дать концертъ въ Кіевѣ: нанята была контрактная зала, напечатаны афиши, зажжены свѣчи, но увѣ! на концертъ явился одинъ Листъ, по приглашенію самого скрипача. Изъ состраданія къ нѣмцу, великій піанистъ пригласилъ его къ себѣ и заставилъ играть въ присутствіи своихъ гостей; затѣмъ, выбросивъ на поднось сто-рублевую ассигнацію, любезный хозяинъ обошолъ вельможныхъ пановъ и собралъ отъ нихъ порядочную сумму въ пользу артиста. Вручая ему деньги, онъ посовѣтовалъ ему никогда больше не давать концертовъ.

Извѣстно, что Листъ, выручая за свои концерты громадныя суммы, въ тотъ же день проигрывалъ ихъ въ карты. Въ Кіевѣ отъ него не мало поживился студентъ Котюжинскій, а въ Немировѣ какой то сіятельный шулеръ. Деньгами онъ не дорожилъ нисколько. Въ этомъ отношеніи геніальный піанистъ составлялъ совершенный контрастъ другому геніальному виртуозу-скрипачу Паганини, который послѣ каждого концерта собиралъ свѣчные огарки и морилъ себя голодомъ.

Какъ плодъ моихъ занятій теоріей и исторіей искусствъ, была написанная мною для произнесенія на торжественномъ актѣ рѣчь „О важности эстетическаго образованія въ общественномъ воспитаніи юношества“. Содержаніе этой рѣчи еще болѣе убѣдило Зимовского въ непогрѣшимости составленнаго имъ обо мнѣ мнѣнія, какъ о неисправимомъ идеалистѣ-романтикѣ. Когда я прочелъ ее въ совѣтѣ и передалъ рукопись председателю, то Е. Я.—чѣ поднесъ ее къ носу, понюхалъ и сказалъ:— „Небомъ пахнетъ“!

Такъ въ 1821 году извѣстный обскурантъ Руничъ, глумясь надъ лекціями профессоровъ Раупаха, Германа и Арсеньева, зажавши носъ, предложилъ членамъ конференціи понюхать ихъ

записки. Тѣмъ не менѣе рѣчь моя послана въ округъ и признана „вполнѣ достойною быть произнесенною на актѣ“. Н. Т. Костырѣ, въ пику нашему обскуранту, написалъ цѣлую рецензію съ весьма лестнымъ отзывомъ о моемъ трудѣ. Хотя съ перемѣной литературныхъ взглядовъ, рѣчь моя не удовлетворитъ современнымъ воззрѣніямъ критики на назначеніе искусства, но мнѣ кажется, что высказанныя мною въ ней мысли о важности эстетическаго элемента въ дѣлѣ воспитанія не лишены значенія и для настоящаго времени, по крайней мѣрѣ, какъ протестъ противъ господствующаго нынѣ направленія въ общественномъ воспитаніи юношества. Выражаясь стихомъ Лермонтова, „мы изсушили умъ наукою безплодною“, оставляя въ пренебреженіи другія силы духа, также требующія соотвѣтственной имъ лица. Упражнявъ классической гимнастикой одну память изученіемъ сухихъ формъ древнихъ языковъ, мы еще такъ недавно пренебрегали образованіемъ сердца и развитіемъ эстетическаго вкуса, не оставивъ въ программахъ достаточно мѣста для занятій изящными искусствами и словесностію: два часа въ недѣлю, опредѣлявшіеся уставомъ 1871 года на изученіе такого важнаго предмета, какъ Словесность, лишали преподавателя возможности основательно заняться съ учениками его изученіемъ, а потому они и выходили изъ гимназіи круглыми невѣждами въ русской литературѣ, не говоря уже о литературахъ иностранныхъ, и не получивъ твердыхъ основаній, извращали свой вкусъ чтеніемъ книгъ, случайно попавшихъ имъ въ руки.

Рѣчь моя не лишена нѣкотораго значенія еще въ одномъ отношеніи, именно: какъ продуктъ теоріи 40-хъ годовъ, истолкователемъ и поборникомъ которой былъ нѣкоторое время нашъ знаменитый критикъ Бѣлинскій, отвергавшій въ чисто художественныхъ произведеніяхъ чуждыя искусству цѣли—тенденціозность. Взглядъ Бѣлинскаго на значеніе искусства, долженствующаго служить само себѣ цѣлью (искусство для искусства), путемъ журналистики усвоенъ цѣлымъ поколѣніемъ людей 40-хъ годовъ. Проникнутый до мозга костей этими взглядами, я не могъ не написать такой рѣчи, которая бы „не пахла небомъ“.

Въ 1846 году, какъ извѣстно, по мысли профессора Костомарова въ Кіевѣ возникло Кирилло-Меѳодіевское братство... Въ то же самое время люди съ научнымъ заправленіемъ, не будучи его членами и даже не подозрѣвая о его существованіи, но увлеченные общимъ пробужденіемъ славянскихъ народностей и движимые любовью къ своему родному, усердно стали заниматься изученіемъ исторіи и языковъ славянскаго корня, какъ наукою, и если нѣкоторые изъ нихъ сближались съ членами Кирилло-Меѳодіевскаго братства, то единственно по случайному знакомству съ ними, по однородности ученыхъ занятій, безъ всякаго отношенія къ политическимъ тенденціямъ, если таковыя существовали. Къ такого рода любителямъ родной старины въ оное время принадлежалъ и я.

Плодами моихъ занятій въ этомъ направленіи были немногія монографіи по исторіи Малороссіи, не попавшія однакожъ въ печать и уничтоженныя, страха ради Іудейска, да нѣскольکو стихотвореній, навѣянныхъ чтеніемъ лѣтописей, думъ и пѣсень.

Весь 1846/47 учебный годъ былъ мною посвященъ изученію искусствъ и поэзіи. Я забылъ всѣ дразги обыденной жизни, полной низкихъ интригъ, сплетенъ, ненужной жестокости, произвола и самодурства: мнѣ стали менѣе чувствительны эти поминутные булавоочные уколы, которыми съ ядовитымъ ехидствомъ не переставалъ уязвлять меня неутомимый антагонистъ мой.

Около этого времени на страницахъ „Современника“ появилось одно изъ раннихъ произведеній послѣдняго Могикана нашей беллетристики 40-хъ годовъ—„Обыкновенная исторія“.

Въ романѣ этомъ Гончаровъ задался цѣлю изобразить два контраста: человѣка положительнаго, руководящагося опытомъ, и юношу—идеалиста, едва вступившаго въ жизнь и принимающаго мечту за дѣйствительность. Одинъ дѣйствуетъ по расчетамъ ума, другой по влеченію сердца: одинъ поступаетъ умно, по строго обдуманному плану, другой не хочетъ знать никакой логики и дѣлаетъ одни глупости.

Съ первыхъ же главъ романа Е. Я—чѣ отъ души полюбилъ своего двойника, дядюшку Петра Ивановича, и сталъ каж-

дому встрѣчному прославлять практическій умъ его, умѣнье наживать деньгу: въ племянникѣ же его Сашѣ Адуевѣ, пріѣхавшемъ въ столицу дѣлать карьеру, онъ видѣлъ лишь пустого мечтателя, находя въ немъ большое сходство со мною. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ онъ заводилъ со мною рѣчь о романѣ Гончарова и весьма не тонкими намеками, издѣваясь надъ увлеченіями Адуева младшаго, старался выставить мою личность въ смѣшномъ видѣ, на потѣху своимъ креатурамъ. Между тѣмъ герой „Обыкновенной исторіи“ продолжалъ свои романическія похождения, пока не перебѣсилъ, и вотъ получается Н „Современника“ съ послѣдними главами романа, изъ которыхъ Зимовской узнаетъ, что двойникъ его Петръ Ивановичъ съ своей практической житейской мудростью остался въ дуракахъ, а мечтатель и племянникъ, заплативъ долгъ юности, не только пересталъ нуждаться въ наставленіяхъ своего ментора, но и самъ могъ научить его кой-чему. Директоръ сконфузился и пересталъ мнѣ надобѣдать своими остротами..

Обнаруженіе Кирилло-Меѳодіевскаго братства повлекло за собой увольненіе попечителя Траскина. Въ дополненіе къ тому, что сказано мною прежде о дѣятельности этого безпримѣрнаго администратора ¹⁾, я считаю не лишнимъ, для болѣе полной характеристики лица, коснуться его служебной карьеры до назначенія попечителемъ.

По выходѣ изъ военной академіи, А. С. Траскинъ провелъ первоначальную свою службу въ военномъ министерствѣ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ отличался чудовищной толщиной; лукулловскій столъ, вино и женщины составляли главную задачу его жизни. Серьезнаго образованія онъ не имѣлъ; свѣтскій лоскъ, буфонство и французскій языкъ сдѣлали его домашнимъ членомъ въ семействѣ военнаго министра Чернышева, который женилъ толстяка на красавицѣ—побочной дочери кн. Куракина, но она скоро умерла. Въ 1842 году, въ чинѣ полковника, Траскинъ назначенъ начальникомъ штаба на Кавказъ, но такъ какъ комплекція его не переносила тамошняго климата, то онъ

просилъ министра о переводѣ въ болѣе умѣренную полосу, и вотъ Александръ Семеновичъ—попечитель Кіевскаго учебнаго округа, къ великому неудовольствію Бибикова, который еще раньше задался цѣлію соединить въ своей особѣ управленіе учебнымъ округомъ съ генераль-губернаторствомъ. Такъ, еще въ 1845 году, сдавъ кн. Давыдова въ сенатъ, онъ разсчитывалъ получить желаемое, но министру Уварову на сей разъ удалось отстоять обычный порядокъ управленія учебнымъ округомъ черезъ попечителя, на постъ котораго, по протекціи Чернышева и назначенъ генераль-маіоръ Траскинъ.

Но по увольненіи его, управленіе округомъ перешло, наконецъ, къ начальнику края Д. Г. Бибикову. Случилось это въ 1848 году, памятномъ не для одной Россіи...

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1883 г. № 2.

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО ¹⁾.

**Надзиратель Мальцовъ и директоръ Зимовской —
воспитатели - политиканы.**

Нѣкоторые изъ директоровъ заведеній юго-западнаго края до того втянулись въ политику, что, оставивъ въ пренебреженіи научно-воспитательныя цѣли, стали преслѣдовать однѣ лишь политическія, стараясь всевозможными путями увѣрить начальство, что въ политическомъ отношеніи во ввѣренныхъ имъ училищахъ все обстоитъ благополучно. Хотя они въ душѣ не могли не сознать все свое безсиліе побороть неотразимое вліяніе на воспитанниковъ враждебной всему русскому среды, но въ то же время желая отличиться передъ начальствомъ, прибѣгали къ разнымъ манифестаціямъ, въ родѣ празднованія воспитанниками высокоторжественныхъ дней, съ рѣчами, иллюминаціями и восторженными криками ура, отправляя вслѣдъ затѣмъ попечителю пространнѣйшія описанія торжества.

Самымъ искуснымъ по этой части въ округѣ считался Е. Я. Зимовской: *il etait plus royaliste que le roi même*. Въ порывѣ усердія онъ своими неблаговидными дѣйствіями ронялъ въ глазахъ поляковъ достоинство русской правительственной власти, во имя которой якобы онъ дѣйствовалъ, разжигая національную вражду, и безъ того сильную. Самымъ дѣятельнымъ помощникомъ его въ данномъ направленіи былъ надзиратель 3-го отдѣленія общихъ ученическихъ квартиръ штабсъ-капитанъ В. И. Мальцовъ.

---

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1894 г., № 7.

Происходя изъ солдатскихъ дѣтей, воспитанникъ школы кантонистовъ, а потомъ фейерверкеръ, дослужившійся до офицерскаго чина, Василій Ивановичъ, по выходѣ въ отставку, посвятилъ остатокъ дней своихъ воспитательской профессіи. Это былъ именно такой человѣкъ, какой былъ нуженъ директору. Въ немъ Е. Н-чъ нашелъ чистый кладъ. Въ новомъ надзирателѣ ему съ перваго же шагу понравилась чисто солдатская выправка—руки по швамъ, слушаю-съ, на лѣво кругомъ! Мальцевъ, съ своей стороны, какъ сметливый фельдфебель, сразу понялъ, чего требуетъ отъ него начальникъ. Воспитанниковъ своего отдѣленія онъ повелъ совершенно по-солдатски: училъ ихъ муштрѣ, пѣть солдатскія пѣсни, строить земляныя укрѣпленія, рыть траншеи, брать штурмомъ укрѣпленія и т. д.

Въ царскіе дни въ общей квартирѣ за обѣдомъ присутствовалъ самъ директоръ, а иногда приглашались и посторонніе посѣтители, въ качествѣ гостей при совершеніи торжества въ его заведеніи.

На другой - же день въ Кіевъ отправлялось донесеніе съ краснорѣчивымъ описаніемъ „дѣтскаго праздника“, при чемъ каждый разъ не былъ забытъ и главный проводникъ русскаго элемента въ массу нерусскихъ дѣтей—надзиратель Мальцевъ, „полезная и усердная дѣятельность коего (говорилось въ донесеніи) выше всякой похвалы и вполнѣ достойна поощренія начальства“.

Между тѣмъ люди, близко стоявшіе къ дѣлу и знакомые съ „полезною дѣятельностію“ вчерашняго фейерверкера, могутъ по совѣсти засвидѣтельствовать, что воспитанники ввѣреннаго ему отдѣленія не только по внѣшности выглядѣли совершенными кантонистами, но и заражены были тѣми же пороками, тайными и явными, какими отличались эти жалкіе заключенники. Василій Ивановичъ любилъ часто бесѣдовать со своими питомцами о тѣхъ „порядкахъ“, какіе существовали въ его время въ школѣ кантонистовъ, приводилъ подъ часъ такіе факты, что у мальчиковъ кровь застывала въ жилахъ.

— Что ваши порядки-съ?—говорилъ онъ, шевеля усами, какъ тараканъ; дадутъ вамъ 25, вы и нюни распустите. У

насъ было не такъ-съ: всыпать 200—300 разомъ, да на шинеляхъ и вынесутъ-съ.

Положимъ, что отъ грубаго и невѣжественнаго салдафона Мальцева ничего хорошаго нельзя было и требовать въ трудномъ дѣлѣ воспитанія: виновать ли онъ, что нашлись люди, пожаловавшіе его въ воспитатели? Но неужели директоръ, человѣкъ несомнѣнно умный, неужели онъ не понималъ всей нелѣпости казарменнаго воспитанія ввѣренныхъ его попеченію дѣтей, не замѣчая пагубной порчи мальчиковъ—будущихъ сыновъ отечества? Право, мнѣ иногда невольно приходила въ голову мысль, что назначеніе воспитателей, подобныхъ Мальцеву, дѣлалось умышленно, съ предвзятой цѣлю — деморализовать польское юношество.

Какъ вы иначе объясните, напр., хоть такое распоряженіе г. директора: на гимназическомъ дворѣ развелось множество собакъ, питавшихся отъ крупницъ ученической кухни. Е. Я-чъ черезъ брацлавскаго исправника выписываетъ „гицеля“ и устраиваетъ подъ самыми окнами своего заведенія облаву. Какъ должно было отразиться въ нѣжной душѣ дитяти это ужасное звѣрство человѣка, эта возмутительная картина избіенія ни въ чемъ неповинныхъ животныхъ остервенѣлымъ гицелемъ, гонявшимся за ними по гимназическому двору съ желѣзнымъ крюкомъ и окровавленной булавой.

Но вотъ приближался высокаторжественный день 6 декабря—день тезоименитства Императора Николая I. По суетливой бѣготѣ и озабоченнымъ фізіогноміямъ приближенныхъ директора можно было догадаться, что готовится какое-то небывалое зрѣлище. Запершись въ особой комнатѣ ученической больницы, надзиратель Мальцевъ, вмѣстѣ съ учителемъ рисованія, день и ночь работаютъ надъ транспарантами и цвѣтными фонариками. Е. Я—чъ призывалъ къ себѣ двухъ семиклассниковъ братьевъ Ребинскихъ и приказалъ имъ изготовить для предстоящаго торжества рѣчи. Въ одной изъ самыхъ большихъ залъ Общихъ квартиръ по цѣлымъ днямъ воцатъ полы, бѣлятъ потолки и т. д. И вотъ, наканунѣ самаго торжества за мной присылаетъ директоръ. Какъ словесныхъ дѣлъ мастеръ, я обя-

занъ былъ выправить двѣ ученическія рѣчи. Просмотрѣвъ ихъ тутъ же, въ директорскомъ кабинетѣ и не найдя въ сихъ юныхъ твореніяхъ никакихъ погрѣшностей ни противъ грамматики, ни противъ логики, я сказалъ, что они годны для произнесенія въ кругу товарищей и наставниковъ. Но рецензіей моею директоръ остался крайне недоволенъ и приказалъ мнѣ взять эти рѣчи на домъ и просмотрѣть ихъ со всею тщательностію и должнымъ вниманіемъ, какого заслуживаютъ они по своему назначенію. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ вдохновить ораторовъ болѣе возвышенными патріотическими чувствами. Просмотрѣвъ эту новую редакцію, Е. Я—чѣ остался доволенъ. „Ну вотъ и хорошо, что вы меня поняли, а то думали отдѣлаться грамматическими ошибками“¹⁾.

День 6 декабря начался тѣмъ, что въ 8¹/₂ часовъ мы собрались въ полной парадной формѣ въ гимназію и оттуда цѣлой коллегіей, подъ предводительствомъ инспектора, двинулись въ квартиру директора поздравить съ высокаторжественнымъ днемъ. Застали мы его сидящимъ на диванѣ и сіяющимъ праздничной фізіогноміей. При входѣ нашемъ, онъ слегка приподнялся и пригласилъ всѣхъ садиться на указанныхъ мѣстахъ: инспектору на диванѣ, рядомъ съ собой, а учителямъ на стульяхъ; надзиратели же въ это время, не входя въ гостинную, толпились въ первой комнатѣ. Спросивъ, ни къ кому особенно не обращаясь, о погодѣ и получивъ отъ инспектора въ отвѣтъ, что погода, слава Богу, ничего, директоръ поднялся съ дивана, а затѣмъ, какъ по манію волшебнаго жезла, встали и гг. наставники, едва лишь успѣвшіе размѣститься по стульямъ въ маленькой гостинной. Затѣмъ въ треуголкахъ пошли въ церковь, а изъ церкви къ почетному попечителю гр. Потоцкому, который въ торжественные дни приглашалъ насъ на обѣдъ или на музыкальный вечеръ.

Въ памятный день 6 декабря съ солнечнымъ закатомъ приступлено было къ установкѣ транспарантовъ съ вензелями

---

¹⁾ Рѣчи эти напечатаны въ приложеніяхъ къ юбилейной запискѣ о Немировской гимназіи 1838—1888 г.

Н. и А., между коими (какая невообразимая дерзость!) красовался вензель самого Зимовского: три ярко освѣщенные буквы: Е. Я. З., увѣнчанныя лаврами. Графъ прислалъ воспитанникамъ цѣлый пудъ конфетъ и собственный оркестръ музыки, но этимъ не отдѣлался.

Въ самый разгаръ торжества директоръ ѣдетъ въ палацъ съ приглашеніемъ Его Сіятельства осчастливить своимъ посѣщеніемъ „дѣтскій праздникъ“. Графъ пріѣхалъ со своими гостями. Оставшись въ залѣ, гдѣ танцовали ученики, онъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ смотрѣлъ на веселившуюся молодежь; гости тоже были довольны. Какъ вдругъ... лица ихъ омрачились: по данному директоромъ знаку двери сосѣдней комнаты раскрылись, и изумленнымъ взорамъ публики представилась такая картина: подъ царскимъ портретомъ, ярко освѣщеннымъ свѣчами, стоитъ каеэдра, а на каеэдрѣ въ живописной позѣ стоитъ молодой ораторъ Н. Ребинскій съ сверткомъ въ рукѣ. Е. Я—чѣ приглашаетъ гостей, прослушать рѣчь. Volens-nolens, а попавшіе въ ловушку паны должны были покориться необходимости и выслушать рѣчи молодыхъ ораторовъ на патріотическія темы.

Просвѣтительная дѣятельность директора З—го не ограничивалась воспитанниками вѣреннаго ему заведенія; она простиралась и на ихъ родителей и родственниковъ.

Какъ извѣстно, поляки считаютъ себя народомъ болѣе цивилизованнымъ, чѣмъ мы русскіе. Въ обхожденіи съ людьми, даже съ такими, которымъ они не симпатизируютъ, они соблюдаютъ изысканную вѣжливость, требуя въ то же время, чтобы и съ ними обходились такимъ же образомъ. Полякъ иногда не обидится за самую горькую правду, если только она будетъ облечена въ деликатную форму: позлащенная пилюля глотается охотнѣе. Напротивъ, онъ не проститъ вамъ самой пустой вещи, если вы въ обхожденіи съ нимъ забудете коренное правило свѣтской вѣжливости—васъ назовутъ варваромъ, брусомъ. „Сдѣлай мнѣ какую ни на есть пакость (какъ бы думаютъ они), но

будь со мной grzeczny i delikatny. Оффіціального тона наших администраторовъ, нерѣдко граничащаго съ грубостію, но хорошо усвоеннаго чиновничьей рутинной, поляки тоже не могутъ или не хотятъ понимать, требуя отъ всякаго лица, какое бы положеніе оно ни занимало въ чиновной іерархіи, общеевропейскихъ формъ общежитія.

Нашъ Е. Я—чъ, какъ видно, прежде всего задался мыслию искоренить эти шляхетскія черты, приучивъ подольскую интеллигенцію къ суровой простотѣ русскихъ нравовъ и противному для шляхетскаго гонора чинопочитанію, игнорируя польскую поговорку: *Szlachcic na zagrodzie gównem wojewodzie!* Но лучше всего обратимся къ фактамъ.

Одинъ панъ, пріѣхавъ въ Немировъ для опредѣленія дѣтей въ гимназію и наслышавшись о грубомъ обращеніи директора съ посѣтителеми, рѣшился послать къ нему свою супругу, руководясь тѣмъ простымъ соображеніемъ, что съ дамой онъ не будетъ невѣжливымъ. Вѣруя во всемогущество польской женщины вообще и своей очаровательной Зоси въ особенности, панъ думалъ, что она своими прелестями и умомъ смягчитъ суроваго москаля, но увы! барынька напрасно потратила время за туалетомъ: директоръ вышелъ къ ней, по обыкновенію, въ своемъ балахонѣ въ пріемную (или точнѣе, въ переднюю) и, не давши ей докончить начатаго комплимента, сухо спросилъ; „что вамъ угодно?“ и не узнавши въ чемъ дѣло, присовокупилъ: подайте прошеніе; экзаменъ въ 5 часовъ.“ Повернулся и ушелъ въ другую комнату, не поклонившись.

Пришелъ въ директорскую канцелярію старый почтенный господинъ—внести плату за содержаніе сына въ общей квартирѣ. Пересчитавъ полученныя отъ него деньги, письмоводитель сказалъ, что деньги не всѣ, что слѣдуетъ доплатить еще столько-то рублей, такъ какъ плата, по случаю дороговизны продуктовъ, увеличена. Въ ту же минуту изъ сосѣдней комнаты влетаетъ директоръ и, подавая этому господину бумагу, говоритъ:

— Читайте, здѣсь объ этомъ написано.

Помѣщикъ достаетъ изъ кармана очки и медленно надѣваетъ ихъ. Въ это время З—й бьетъ его бумагой по носу,

приговаривая: „поскорѣй, поскорѣй, надѣвайте свои очки да по-лучше всмотритесь въ то, что здѣсь написано! Старикъ, внѣ себя отъ бѣшенства, отскочилъ на нѣсколько шаговъ назадъ и, уходя изъ канцеляріи, промолвилъ:

— Жалко, что у меня дѣти, я бы съ тобой, раздѣлался иначе!...

Во время пріемныхъ экзаменовъ какой-то панъ опоздалъ явиться въ квартиру директора съ прошеніемъ, а пришелъ прямо въ залу, гдѣ производились уже экзамены. Увидѣвъ вошедшаго въ залу господина съ двумя очень красивыми мальчуганами, Е. Я—чъ выразительнымъ жестомъ остановилъ его у порога и, подойдя къ нему, взялъ прошеніе, не отвѣтивъ на поклонъ и не сказавъ ни слова. Пробѣжавъ глазами просьбу и пересмотрѣвъ документы, онъ обратился къ просителю съ вопросомъ:

— Это ваши дѣти?

— Мои, г. директоръ.

— Собственные?...

Но на такой вопросъ отвѣчать словами панъ не нашелся; онъ только стиснулъ зубы, поблѣднѣлъ и нервно сжалъ кулаки. З—й, по инстинкту самосохраненія, быстро повернулся и отошелъ къ столу.

Но мало того, что этотъ грубіянъ оскорбляетъ родителей своихъ учениковъ, онъ старался уронить ихъ въ глазахъ собственныхъ дѣтей, подмѣчая въ нихъ смѣшныя стороны и передразнивая ихъ публично въ классѣ, въ присутствіи учениковъ. Надобно замѣтить, что нашъ премьеръ предъявлялъ большую претензію на комическій талантъ, кривляясь и паясничая передъ воспитанниками и копируя манеры, походку, даже голосъ какого нибудь оригинала машпродзенъ, въ которомъ сидящій тутъ же юноша узнавалъ своего отца, дядю и др.

Входитъ однажды ко мнѣ въ классъ директоръ и начинаетъ паясничать. На сей разъ онъ старался изобразить нѣкого пана Гуйскаго, который имѣлъ слабость, или просто привычку старомоднаго господина, одѣваться джентльменомъ: вѣчно надушенный и завитой, съ блестящими запонками и брелоками,

пряжками на башмакахъ и т. п., онъ напоминалъ своею фигурой и своими утонченными манерами маркиза XVIII столѣтія. Его-то нашъ комикъ и хотѣлъ представить въ каррикатурѣ, обративъ классъ въ театральную сцену, а учениковъ (между которыми сидѣлъ, понутившись, и сынъ изображаемаго лица — будущій скульпторъ Марцелинъ Гуйскій) въ зрителей. Прибѣжалъ же директоръ въ гимназію тотчасъ послѣ сдѣланнаго ему визита его отцомъ.

На сходствѣ двухъ соплеменныхъ языковъ русскаго и польскаго нашъ комикъ построилъ не мало своихъ шутовскихъ выходовъ. Съ этою цѣлію онъ завелъ особую тетрадь, куда вписывалъ выхваченныя изъ разговорнаго языка, какимъ въ то время объяснялись наши поляки съ русскими, слова и выраженія. Съ этой тетрадкой онъ носился по классамъ, мѣшая преподавателямъ и предлагая ученикамъ вопросы, въ родѣ слѣдующихъ:

- Когда у кого голова заболитъ, какъ говорятъ дураки?
- Я боленъ на голову, отвѣчаютъ хоромъ ученики.
- А какъ говорятъ умные люди?
- Боленъ головою.
- А когда трясеть лихорадка, какъ говорятъ дураки?
- Я боленъ на лихорадку.
- А какъ говорятъ умные? и проч.

Конечно, собраніе полонизмовъ вещь чрезвычайно полезная, особенно для преподавателя русскаго языка въ Юго-западномъ краѣ того времени; я и самъ заботился о пополненіи директорской тетрадки извлеченными изъ ученическихъ сочиненій словами и оборотами; но мнѣ страшно надоѣдалъ директоръ, не переставая носиться со своею тетрадкой, въ которой года черезъ три моего преподаванія не было уже никакой надобности.

Издѣваясь надъ польскимъ языкомъ, премьеръ нашъ не оставлялъ безъ вниманія и обрядовъ римско-католической религіи. Сопоставляя наши церковно-славянскія слова съ польскими, онъ находилъ ихъ святотатственными, а нѣкоторые обряды театральными.

Гордости, высокомѣрію, самохвальству 3—го не было ни мѣры, ни предѣловъ, такъ что я не разъ задавался вопросомъ:

не близько́ ли онъ къ помѣшательству: это была настоящая *манія величія*.

Получивъ чинъ статскаго совѣтника и не дождавшись формальнаго поздравленія отъ подчиненныхъ съ монаршею милостію, онъ прямо съ почты побѣждалъ по классамъ звонить во весь народъ о своемъ повышеніи чиномъ.

Однажды послѣ бани, Е. Я—чѣ зашелъ въ общія квартиры и, собравши воспитанниковъ въ кружокъ (по солдатски), началъ имъ показывать обнаженные выше локтя руки и грудь.

— Каково? спрашиваетъ дѣтей.

Не понявъ сразу, чего хочетъ директоръ, ученики молчали, а онъ бѣсится, повторяя свою любимую фразу: „терпѣть не могу“!

— Эхъ, вы! да этакое чистаго тѣла вы ни у кого не найдете во всей вашей подольской губерніи!

Похваляясь передъ дѣтьми бѣлизною своего грѣшнаго тѣла, З—й любилъ холить его, вытираясь ежедневно, въ подражаніе Чичикову, греческой губкой, любилъ соблюдать чистоту въ одеждѣ, переодѣваясь по нѣсколько разъ въ день. Вздумается ли ему пойти въ гимназію—одѣвается, придетъ домой—раздѣвается и облачается въ свой балахонъ; отправляясь на прогулку, опять одѣвается, воротившись, переодѣвается. На счетъ пищи онъ былъ порядочный *gourmet*: хорошая сигара, доброе вино, первый сортъ балабухинскаго варенья, истребляемаго имъ цѣлыми банками — составляли неотъемлемую принадлежность его послѣобѣденнаго кѣйфа. Гостей онъ принимать не любилъ, да они къ нему неохотно и ходили.

И о чемъ бы ни заговорилъ этотъ себялюбецъ, вездѣ и во всемъ первую роль играло Я. Такъ однажды, бесѣдуя съ воспитанниками о добродѣтели и не умѣя сдѣлать ей точнаго опредѣленія, онъ привелъ примѣръ изъ своей служебной практики:

— Будучи инспекторомъ 2-й кіевской гимназіи, я сшилъ одному бѣдному ученику шинель, не говоря, что я построилъ ее на собственныя деньги: вотъ это добродѣтель!

Отчего бы этому благодѣтелю человѣчества не привести тутъ же встать и другого примѣра своей благотворительности—субботнихъ поданій нищимъ? Бывало, какъ поѣдемъ въ Брацлавъ за деньгами на содержаніе гимназіи, то каждый разъ Е. Я—чѣ поручалъ взять, въ казначействѣ самой мелкой монеты: полушекъ и денежекъ, которыми онъ обдѣлялъ по субботамъ слѣпыхъ, хромыхъ и увѣчныхъ, толпами приходившихъ на директорскій дворъ.

На ту-же тему о душевныхъ доблестяхъ Е. Я—чѣ завелъ однажды разговоръ и со мной. Узнавъ отъ своихъ агентовъ, что я необинуясь считаю его безсердечнымъ эгоистомъ, человѣкомъ безъ твердыхъ нравственныхъ началъ, онъ хотѣлъ косвенными путями убѣдить меня въ противномъ, высказавъ почти такое сужденіе:

„Человѣкъ безъ сердца, но одаренный умомъ, можетъ поступить по правиламъ добродѣтели, потому что онъ силою своего ума ясно различаетъ добро отъ зла, а сознавая, что дѣлать добро хорошо, а дѣлать зло — худо, онъ естественно выбираетъ лучшее, а не худшее. Сердце, продолжаетъ немировскій моралистъ, глупо, оно можетъ заблуждаться, а умъ—никогда“.

Очевидно, такая философія не выдерживаетъ критики.

Для человѣка безъ сердца, какимъ бы умомъ онъ ни обладалъ, выборъ между добромъ и зломъ—немыслимъ: онъ можетъ маскироваться, исполнять въ точности обрядовую сторону нравственности, *сдѣлаться* добрымъ для вида, но внутренняго существа своего измѣнить не можетъ: именно добрые люди, какъ истинные поэты—*nascuntur*, а Зимовскіе—*fiunt*.

„Злостному человѣку, говоритъ Шопенгауеръ, такъ же врождена его злость, какъ змѣѣ ядовитые зубы и ея ядовитый пузырь, и онъ также мало можетъ измѣнить свой характеръ, какъ и она свои зубы и свой пузырь“.

Всѣмъ сослуживцамъ З—го было извѣстно, что онъ причисляетъ себя къ разряду геніевъ, понимая геніальность какъ-то по своему. Не признавая въ человѣкѣ величія нравственнаго и прѣклоняясь только предъ силой матеріальной, физической,

онъ не разъ выражалъ мнѣ свое недоумѣніе, отчего какой-нибудь Гете или Шекспиръ считаются геніями? По его мнѣнію, одинъ Наполеонъ былъ настоящій геній. Суворова онъ также уважалъ, перенявъ отъ него даже особую манеру предлагать неожиданные вопросы и требуя на нихъ быстрыхъ отвѣтовъ. Не удовлетворявшихъ его желанію онъ называлъ *немогузнайками*.

— Эхъ, вы! терпѣть не могу немогузнаекъ!

Фанатическій поклонникъ палки и штыка нашъ доморощенный педагогъ никакъ не могъ постигнуть, что истинное величіе состоитъ не въ физической силѣ, а въ мощномъ разумѣ, дарованномъ небомъ для просвѣщенія себя и другихъ, что только генію, воспитывающему умы силою истины, а не тому, кто порабощаетъ людей грубымъ насиліемъ, мы обязаны своимъ уваженіемъ.

Приверженцы 3—го считали его если не геніемъ, то человѣкомъ необыкновеннаго ума, сильнаго характера, желѣзной воли, человѣкомъ, одареннымъ рѣдкою способностію разгадывать людей, умѣющимъ найтись въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Изучая втеченіе восьми лѣтъ этотъ „сильный характеръ“, этотъ необыкновенный умъ, я, однакожъ, не восчувствовалъ къ нему ни удивленія, ни восторга.

Дѣйствительно, онъ былъ человѣкъ далеко не глупый, но умъ его не былъ тотъ высшій умъ, не теоретическій умъ человѣка всесторонне развитого, а спекулятивный, коммерческій умъ, какимъ обладаютъ Колупаевы и Розуваевы. Что же касается способности „разгадывать людей“, то объ немъ можно сказать то, что сказалъ Викторъ Гюго про Наполеона III: „у иныхъ есть даръ провидѣнья, у него—чутье. Это скотское свойство, но оно не обманываетъ“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО ¹⁾.

Житейское попеченіе.

Другіе дѣти—другіе сыны,
Смиривсь въ моей весны
Высоконарнымъ мечтаньямъ,
И въ поэтический бокалъ
Воды я много подмѣшала.

(Пушк.).

Изъ предыдущихъ очерковъ можно было видѣть, что вся наша ученая братія до мозга костей пропитана была жаждой наживы. Подъ вліяніемъ удушливой атмосферы, зараженной міазмами гнилого болота, именуемаго Немировомъ, и я обратился къ практической сторонѣ жизни, задавшись цѣлію обезпечить свое существованіе, скопивъ малую толику, какъ говорится про черный день.

Оглядѣвшись кругомъ, я не могъ не прійти къ убѣжденію, что жить изо-дня въ день однимъ жалованьемъ, не имѣя никакого обезпеченія, по меньшей мѣрѣ, неблагоприятно. Находиться всю жизнь въ зависимости отъ поденной платы за работу, не имѣя лишняго рубля въ карманѣ—положеніе весьма непривлекательное. „Да я, наконецъ, могу лишиться должности и остаться безъ куска хлѣба (продолжалъ я размышлять самъ съ собой); чего нельзя ожидать отъ такого пакостнаго человѣка, какъ нашъ директоръ? Вѣдь уже не одного труженника упеку онъ своими доносами, да и мнѣ уже пригрозилъ недавно“:

---

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 8.

— Вы знаете, говорить, кто у насъ теперь попечителемъ? Въ Сибирь можете сослать собственною властію. Будьте-же осторожныѣ!

Получивъ первое предостереженіе, могу получить и второе, а третьяго, вѣроятно, и не будетъ. До Сибири-то, пожалуй, и далеко, а просто выгнать изъ службы да и шабашъ! Или какъ казеннаго воспитанника соплютъ въ Остеръ или Кобеляки приходскимъ учителемъ, какъ услали, по проискамъ того-же З—го, Чугаевича и Стронина. Почти всѣ мои сослуживцы, за исключеніемъ развѣ отпѣтаго Чунишки, имѣютъ въ банкѣ деньги, одни меньше, другіе больше; всѣ хлопчутъ о томъ, какъ-бы въ теченіе года сберечь какую-нибудь сотнягу да отправить въ государственный банкъ; одинъ лишь я до сихъ поръ не помышлялъ объ этомъ, называя деньги, за одно съ Адуевымъ младшимъ, „презрѣннымъ металломъ“. Да и не мечталъ о томъ, чтобы когда-нибудь сдѣлаться богатымъ: съ моими пуританскими правилами большихъ капиталовъ не соберешь, да и Богъ съ ними! Изъ-за денегъ люди дѣлаютъ другъ другу столько гадостей!.. Репанъ гдѣ-то сказалъ: „человѣкъ трудомъ достигаетъ только довольства; если-же онъ достигаетъ богатства, то достигаетъ его трудомъ другихъ“.

Директоръ нашъ, съ отеческою заботливостію непрерывно хлопочетъ о томъ, чтобы всѣ его подчиненные имѣли деньги, смотря иногда сквозь пальцы на тѣ неблаговидныя средства, къ какимъ прибѣгаютъ нѣкоторые изъ нашихъ капиталистовъ, какъ напр.—оба математика и географъ. Онъ даже придумалъ что-то въ родѣ сберегательной кассы, пригласивъ учителей вносить ежемѣсячно по 10 рублей при полученіи жалованья. Охотниковъ набралъ онъ 9 человѣкъ и каждое первое число отправляетъ въ контору банка 100 рублей, откуда высылался на предъявителя билетъ, поступавшій въ собственность того, кому онъ доставался по жребію, такъ что черезъ 10 мѣсяцевъ каждый изъ вкладчиковъ, не исключая и самого изобрѣтателя такой финансовой операціи, имѣлъ одинъ сторублевый билетъ. Выдумка, несомнѣнно, хорошая, она дѣлаетъ честь коммерческому уму директора, но она не лишена была комизма. При 300—400

рублевымъ окладѣ преподавателей, едва-ли возможно семейному человѣку отложить въ годъ 120 рублей, не подвергая себя крайнимъ лишеніямъ. Послѣдствіемъ этого было такое явленіе: внесши, въ угоду начальству, 1 числа 10 рублей, нѣкоторые господа уже съ 15 числа жили съ семьей впроголодь и дѣлали долги, платя жидовскіе проценты. Конечно, для такихъ тузовъ, какъ самъ директоръ, Юрко и Барилко, или для такого Плюшкина, какимъ былъ сатиръ - географъ, питавшійся акридами и обладавшій несносимой и несмѣняемой одеждой,—для нихъ, считавшихъ свой годовой доходъ тысячами, внести 120 рублей—плевое дѣло, но для бѣдняковъ, подобныхъ безсребреннику Шведову, не имѣвшихъ ни частныхъ уроковъ, ни пансіонеровъ,—директорская выдумка была очень тягостной.

Пока я виталъ въ эмпирахъ идеализма и пока мой бюджетъ ограничивался лишь однимъ казеннымъ гонораромъ, для меня было немислимо сберечь что-нибудь къ концу года, да если какая-нибудь малость и оставалась, то она расходовалась на каникулярныя поѣздки на родину, что составляло для меня какъ физическую, такъ и моральную потребность, послѣ каторжной немировской моей службы впродолженіе цѣлаго года.

Но вотъ, благодаря счастливой случайности, и мнѣ улыбнулась фортуна. Помѣщикъ ближайшей деревни Лещинскій, имѣя въ гимназіи сына, предложилъ мнѣ принять на себя обязанности тьютора, на весьма выгодныхъ для меня условіяхъ: полное содержаніе и 200 рублей деньгами. Самъ онъ постоянно оставался въ деревнѣ, а жена его съ дѣтьми всю осень и зиму жила въ Немировѣ. Нанята была прекрасная квартира, съ садомъ, подлѣ самой гимназіи—и я зажилъ припѣваючи, не издерживая на свое продовольствіе ни гроша. Кромѣ шестиклассника сына, у Лещинскаго были двѣ маленькія дочери, при нихъ гувернантка и бона. Не взирая на питаемое поляками недоверіе къ русскимъ, меня въ семействѣ полюбили, какъ родного, особенно сильно привязались ко мнѣ дѣвочки: Мариня и Климця (12 и 8 лѣтъ). Все свободное отъ службы время я проводилъ въ кругу этого милаго семейства. Сожительство мое съ гимназистомъ ни мало меня не стѣсняло. Онъ былъ малый

неиспорченный, но взбалмошный и разсѣянный до нельзя; занимался неохотно, не выходя изъ посредственностей, хотя крупныхъ проказъ за нимъ не водилось. Характерные рассказы почтенной хозяйки, за которою, по ея словамъ, въ оное время, когда была она дѣвицей, привлекался въ Тульчинѣ извѣстный декабристъ Пестель; сентиментальничанье гувернантки, не молодой уже особы, а больше всего эта неистощимая веселость, немолчный дѣтскій смѣхъ и вѣчныя проказы живыхъ и бойкихъ дѣвочекъ Климци и Марини—все это способствовало къ тому, что я совершенно отсталъ отъ своихъ суслуживцевъ, сталкиваясь съ ними лишь въ урочные часы въ гимназiи. Замѣтивъ, что я еще больше прежняго сталъ чуждаться раболѣпствующаго предъ начальствомъ товарищескаго кружка, Е. Я—чѣ весьма прозрачными намеками напоминалъ мнѣ уже не разъ, чтобы я не очень-то дружилъ съ поляками. Однажды онъ мнѣ конфиденціально замѣтилъ:

— Извѣстно-ли вамъ, что вашъ Лещинскій, за участіе въ мятежѣ, въ 31 году сидѣлъ въ казематѣ и до сихъ поръ состоитъ подъ надзоромъ полиціи?

— Съ п. Лещинскимъ, отвѣчалъ я, о польской революціи мы никогда еще не говорили, да врядъ-ли и придется говорить, потому что всякому поляку-патріоту о такихъ вещахъ вспоминать непріятно. Что-же касается сближенія моего съ его семействомъ, то этого я не скрываю ни отъ кого: я, дѣйствительно, подружился съ нимъ и дорожу его расположеніемъ ко мнѣ, что также рѣдкость въ этомъ краѣ. Не думаю, чтобы въ этомъ заключалось что-нибудь такое, что могло-бы повредить мнѣ по службѣ.

— То-то же, смотрите, будьте осторожныѣ!

Съ наступленіемъ весны, передъ Пасхою, пани моя съ дочерьми переселилась въ деревню, а мы съ Ясемъ остались полными хозяевами немировской квартиры. Но на страстной недѣлѣ и мы уѣхали. Всѣ праздники и каникулы я проводилъ въ деревнѣ, гдѣ гостепріимная хозяйка закармливала меня разными деревенскими благодатями. Одного только моя хохлацкая натура не могла выносить: это, когда бывало подадутъ въ ап-

рѣлѣ мѣсяцѣ п. Клеменсу жареныхъ жабовъ—самое любимое блюдо моего хозяина весною, когда онѣ бывають такія зелененькія. Я просто не могъ усидѣть за столомъ, а онѣ ихъ кушаетъ да похваливаетъ. Да вотъ еще по временамъ подаваемыя отвратительныя слимаки, приготовленные подѣ соусъ—гадость!

Наканунѣ Пасхи въ Воробіевку ожидали ксендза Городницкаго—святить бабы. Праздники случились ранніе; цѣлый день въ субботу валила мятель, а къ вечеру занесло всѣ дороги. Сидимъ мы съ п. Клеменсомъ подѣ окномъ и видимъ: плетется по двору старенькій священникъ о. Николай, весь засыпанный снѣгомъ, въ людскую святить пасхи; я и говорю хозяину: „а что если-бы батюшка освятилъ и ваши пасхи, а то, пожалуй, придется намъ разговляться людскимъ свяченнымъ, потому ксендзъ навѣрное не рѣшится ѣхать въ такую завірюху“.

— *A dobrze mówisz!*—отвѣчаетъ п. Клеменсъ, который при всякомъ удобномъ случаѣ старался выказать передо мною свой либерализмъ: *to wszystko jedno*—что пипъ, то батько! „А заволай—но отца благочиннаго“! обратился онъ къ лакею. Къ великому огорченію хозяйки, хлопскій попъ освятилъ ея пышныя бабы и мазурки, приготовляемыя съ такимъ усердіемъ въ продолженіе трехъ дней. Но едва о. Николай успѣлъ выйти изъ комнаты, какъ къ крыльцу подкатилъ ксендзъ. Пани хотѣла было скрыть отъ него, что пасхи уже освящены, но я не могъ удержаться, чтобъ не подразнить фанатика-ксендза, открывъ ему истину. Какъ только онъ услышалъ отъ меня, что приглашали схизматичкаго попа святить пасхи, то, не простясь ни съ кѣмъ и поднявши свою реверенду, далъ тягу и потомъ, со злости, раззвонилъ и всей околицѣ между католиками сплетню: *że państwo Leszczynscy na ruske wiarę przechodzą!*

Имѣніе Лещинскихъ—селеніе Воробіевка—находилось въ 10 верстахъ отъ Немирова въ очаровательной мѣстности. Рѣка Бугъ, лугъ, лѣса, скалистые берега, прогулки, охота, купанье—это такія для меня удовольствія послѣ сидячей жизни, что, проведя ваникулы въ деревнѣ, я набирался свѣжихъ силъ на цѣлый годъ. Каковы-бы ни были личныя заботы человѣка, онъ всегда подчинялся неотразимому вліянію окружающей его при-

роды: веселые виды дѣлають его веселымъ, мрачный пейзажъ наводитъ на него тоску. Благословенная земля, счастливая Подолія! Кому хоть разъ въ жизни удалось насладиться прелестями твоей богатой природы, подышать ароматическимъ воздухомъ, упиться благоуханіемъ троей неистощимой растительности, заглядѣться на твои роскошныя равнины-поля, засѣянные колосистой пшеницей, при тихомъ дуновеніи вѣтерка сверкающей на солнцѣ золотистыми отливами, на эти зеркальные пруды, окаймленные яркою зеленою, обильные рыбой и дичью, на эти сады, богатые сочными фруктами,—тотъ не забудетъ тебя, благословенная Подолія, до самой смерти... Да, не даромъ поляки называли заднѣпровскую Украину житницей Посполитой речі, не даромъ за обладаніе ею пролито столько козацкой и польской крови!

Пріятель мой Лещинскій съ виду казался хорошимъ человекомъ и довольно пріятнымъ собесѣдникомъ; но лишь только, бывало, коснешься его соціальныхъ и политическихъ воззрѣній—дружеская бесѣда съ нимъ становилась невозможной: мы оба начинали терять самообладаніе. Не слѣдовало-бы, конечно, и дотрогиваться до этого больного мѣста каждаго патріота-поляка; но читая вмѣстѣ иностранныя газеты и наталкиваясь на жгучіе вопросы о переустройствѣ европейскаго общества, возбуждаемые французскими ораторами и публицистами, мы принимались судить и рядить о примѣненіи ихъ утопій къ русской жизни и совершенно расходились съ нимъ во взглядахъ. Да и кто въ памятный для Европы 1848-й годъ не увлекался соціальными теоріями „друзей народовъ“?

Меня всегда приводили въ негодованіе эти невѣжественные, своекорыстные польскіе либералы, проповѣдывавшіе съ легкой руки Ламартина о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, громко заявившіе о томъ, что они готовы дать крестьянамъ волю *choć zagaz...* (*nota bene*—безъ земли)—только правительство не позволяетъ имъ этого сдѣлать. Но какую цѣну можетъ имѣть свобода, если она дастъ одно лишь право—свободно умереть съ голоду? Да имъ-ли разглагольствовать о свободѣ и равенствѣ, когда они не въ состояніи были переварить даже „Инвентар-

ныхъ положеній“ Бибикова, въ сущности весьма умѣреннаго покушенія ограничить панскій произволъ въ нашихъ юго-западныхъ губерніяхъ?

Я былъ невольнымъ свидѣтелемъ самовольной расправы моего либерала, вслѣдъ за обнародованіемъ „Инвентаря“. Приходитъ съ поля эконокъ и докладываетъ пану Клеменсу, что такой-то крестьянинъ самопроизвольно ушелъ съ работъ на томъ основаніи, что онъ наработалъ столько, сколько слѣдуетъ „по положенію“, сказавъ:

— Я роблю такъ, якъ царъ звеливъ, а не такъ, якъ панъ каже.

Нужно было видѣть, какъ закипѣла помѣщичья кровь при докладѣ эконома о продерзостяхъ хлопа. По возвращеніи крестьянъ съ поля, ихъ собрали передъ крыльцомъ. Вышелъ господинъ и неключимаго раба, вопреки инвентарному положенію, потащили на конюшню и всыпали. Чтожъ, жаловаться ему? но кому? Таковы всѣ эти либералы — на словахъ и деспоты — падѣлѣ. Красно говорятъ они о свободѣ и братствѣ, что твои Лафаеты...

А глядишь—цашъ Лафаетъ,
Бруть или Фабрицій
Мужиковъ подъ пресь кладеть
Вѣстѣ съ свекловицей.

(Давид.).

Когда русская армія, для спасенія погибающей Австріи, перешла границу, наши поляки были совершенно увѣрены въ неуспѣшности такого предпріятія со стороны русскаго правительства.

— *Zobaczysz, jak oni będą uciekać*, твердилъ мнѣ н. Клеменсъ.

Въ ожиданіи неблагопріятнаго исхода венгерской кампаніи, польскіе паны пограничной съ Галиціей Подоліи стали склонять па свою сторону крестьянъ: въ передней помѣщичьяго дома слишкомъ часто стала собираться громада — потолковать о

политическихъ новостяхъ. Изъ немногихъ фразъ, долетѣвшихъ до моего слуха чрезъ растворенную дверь, я понялъ, что п. Клеменсъ до усовъ кормитъ своихъ крестьянъ обѣщаніями льготъ, если только они помогутъ прогнать москалей: „Якъ намъ буде добре, то й вамъ буде добре“!

„Какъ-бы не такъ! подумалъ я: держи карманъ! Вамъ, панове, всегда было добре, а валшимъ хлопамъ — мука мученская“!

Наблюдая за выраженіемъ фізіогноміи окружавшихъ пана крестьянъ, я невольно остановилъ свое вниманіе на одномъ среднихъ лѣтъ мужчинѣ, стоявшемъ въ уголку и прелукаво ухмылявшемся при разглагольствованіяхъ помѣщика. Меня онъ сильно заинтересовалъ, и я искалъ случая познакомиться съ нимъ покороче. Случай этотъ не замедлилъ представиться. Бродя съ ружьемъ по луку, я набрелъ на косарей, во время ихъ отдыха, послѣ изнурительной работы. Тутъ я нашелъ и Данилу Ткачука, который такъ занялъ меня на митингъ въ передней помѣщика. Мы разговорились.

Оказалось, что это былъ человѣкъ себѣ на умѣ. Отлично понимая панскіе затѣи и ихъ льстивыя ухаживанья за хлопами, онъ не вѣрилъ ни одному слову своего пана, возлагая всѣ надежды на облегченіе участи крестьянина на одного Бѣлаго Царя.

— У насъ Даныло—голова на все село! говорили о немъ крестьяне. Когда въ присутствіи исправника прочитаны были въ церкви инвентарныя правила, мой Даныло прямо изъ церкви отправился до дяка и обратился къ нему съ такою рѣчью.

— Прочитай-но мени, дяче, оте „Положеніе“, нехай я буду знаты що воно есть, а за хватыгу матымешъ квартиру горилки.

Дьячекъ, разумѣется, согласился весьма охотно. Пошли въ садочокъ, сѣли подъ вишнею—и чтеніе началось. Прослушавъ съ величайшимъ вниманіемъ отъ начала до конца все „Положеніе“, лежа подъ вишнею „до горы-черева“, Даныло, по удаленіи дьячка, оставался въ томъ-же горизонтальномъ положеніи

до самаго вечера, стараясь припомнить все слышанное имъ. Дня черезъ два онъ снова зоветъ дьяка: „прочитай мени, каже, дьяче, у друге—матимешъ другу квартиру“.

Опять пришли на прежнее мѣсто—и опять Даныло растянулся подъ вишнею „до горы-черева“ и, закрывъ глаза, прослушалъ еще разъ Инвентарь. Черезъ нѣсколько дней, дьячекъ, рассчитывая на третью квартиру, спросилъ его при встрѣчѣ:

— Може ще разъ прочитать тобі?

— Ни, теперъ, дьяче, уже годи читать! бильшъ не треба! Съ этого времени всѣ крестьяне, въ случаѣ неумѣренныхъ требованій со стороны эконома, шли къ Данылу, и онъ имъ, какъ по писанному разъяснялъ „що до чого и якъ“.

Разъ у Лещинскихъ собралось нѣсколько человѣкъ гостей. Какъ водится, выпили старки, закусили и сѣли съ трубками въ кабинетѣ хозяина. Заговорили о политикѣ. Паны единогласно порѣшили, что москали изъ Венгріи бѣда ꙗсіекаѣ. Вопросъ о возстаніи крестьянъ и присоединеніи ихъ къ польско-венгерскимъ легіонамъ у нихъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Я слушалъ эти сказки молча, не желая горькой правдой разбивать ихъ радужныя фантазіи. Въ это время, подъ самымъ окномъ въ палисадникѣ очутился волъ; кликнули „стойчика“, чтобы онъ выгналъ его. Преслѣдуя скотину, крестьянинъ въ самое почти ухо пана Клеменса крикнулъ:

— А бисывъ кателыкъ, щобъ тебе вовки зъили!

Паны переглянулись и какъ-то ожесточенно потянули изъ чубуковъ...

Послѣ капитуляціи Гѣргея, наши подольскіе паны окончательно повѣсили носы. Возбужденное состояніе умовъ улеглось само собою. Мой храбрый помѣщикъ стушевался и пересталъ звать на митинги крестьянъ. Политика смѣнилась экономическими расчетами. По прежнему наши машродзѣи стали работать хлопями, какъ скотиной, продавали жидамъ пшеницу, проживали въ свое удовольствіе вырученныя за нее дукаты, содержали своры собакъ, и борзыхъ и гончихъ, устраивали шумныя охоты... и по прежнему считали себя угнетенными „россійскимъ жондомъ“ страдальцами...

Чего, чего, подумаешь, не доставало имъ на Украинѣ? Благословляли-бы судьбу, надѣлившую ихъ своими дарами, въ ущербъ милліоннаго коренного русскаго населенія, добывающаго имъ въ потѣ лица неистощимыя средства для празднои и веселой жизни. Но имъ всего этого мало. Они никогда не смотрятъ на тѣхъ, что стоятъ ниже ихъ, а задираютъ носы кверху—къ тѣмъ, что стоятъ повыше; всѣ наровятъ сдѣлаться магнатами!

Панъ Лещинскій владѣлъ отличнымъ имѣніемъ въ 400 душъ. Превосходныя поля, родившія первый сортъ пшеницы, двѣ мельницы, винокурня, довольно количество лѣсу, барская усадьба надъ самой рѣкой, окрестности, живописнѣе которыхъ трудно вообразить—чего-бы, кажется, еще желать ему? Тѣмъ болѣе, что вся эта благодать досталась ему задаромъ.

Носились слухи, что во время повстанья 1831 года подольскихъ поляковъ, панъ Клеменсъ, тогда еще мелкая сошка, былъ избранъ казначеемъ значительнаго отряда повстанцевъ. Когда эту банду козаки разогнали ногойками, мой пріятель съ крупною суммой денегъ далъ тагу за границу, спрятавшись подъ навозъ, который вывозилъ крестьянинъ въ поле, граничившее съ Галиціей, да вмѣстѣ съ навозомъ выбросилъ за границу и пана Клеменса. Оставивъ въ родинѣ жену и сына, эмигрантъ сильно затосковалъ за ними; и потомъ, прочитавъ во Львовской газетѣ дарованную ушедшимъ за границу повстанцамъ амнистію, если они добровольно вернутся въ Россію до извѣстнаго срока,—онъ явился въ Каменецъ-Подольскъ и передалъ себя въ руки правосудія. Издержавъ около половины того, что осталось у него изъ повстанскихъ денегъ, панъ Клеменсъ, получивъ свободу, за другую половину той-же общественной суммы купилъ Воробьевку и зажилъ настоящимъ паномъ, повѣсивъ въ гостинной гравированный портретъ матери короля Станислава Лещинскаго, увѣривъ невѣжественную подольскую шляхту, что то была его родная бабушка. Но всего этого новоиспеченному королевскому внуку было мало,—захотѣлось большаго.

Пріѣхалъ въ Воробьевку молодой человекъ, нѣкто Плонскій, племянникъ пани Лещинской. Получивъ по раздѣлу съ братьями,

25 тыс. рубл. отцовскаго наслѣдства, онъ обратился за совѣтомъ къ своимъ родственникамъ, какъ бы выгоднѣе пристроить ему свой капиталъ. Судили да рядили и наконецъ порѣшили совершить такую аферу: Плонскій выстроить на свои деньги на Бугѣ крупчатку, на землѣ п. Лещинскаго, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла небольшая мельница, приносящая помѣщику 500 р. дохода; затѣмъ Плонскій будетъ пользоваться выстроенной крупчаткой втеченіе 14 лѣтъ, платя Лещинскому по 500 р. ежегодно, по истеченіи же этого срока, крупчатка переходитъ во владѣніе Лещинскаго. Заключивъ такое, повидимому, выгодное для обѣихъ сторонъ условіе, Плонскій приступилъ къ работамъ. Черезъ полтора года мельница о 13 камняхъ была готова; 25 тыс., благодаря прожорливости рабочихъ, которыхъ строитель взялся продовольствовать на свой счетъ, издержаны до копѣйки. Племянникъ пани Лещинской—натура широкая—не жалѣлъ денегъ на довольство артели; ѣлъ, пилъ и спалъ вмѣстѣ съ рабочими, а по праздникамъ задавалъ такія попойки, что и въ будни отъ нихъ трещали головы. Развеселое житье! Пѣсни, шутки, смѣхъ никогда не умолкали. Рабочіе даже пѣсню сложили въ честь своего таровитаго хозяина.

Но вотъ пришла пора пустить въ ходъ крупчатку да загребать денежки. Тутъ-то и заковыка: для того чтобы громадина—мельница о 13 камняхъ дѣйствовала безостановочно круглый годъ, нужно было имѣть постоянно большой запасъ зерна, а чтобы сдѣлать его, необходимы были деньги или широкій кредитъ; но ни того, ни другого у Плонскаго не было. Оставалось одно средство—сдать крупчатку жидамъ въ аренду, а помѣщику больно не хотѣлось напустить въ свое имѣніе эту саранчу.

На выручку молодого афериста изъ бѣды явился другой аферистъ п. Шокальскій. Онъ предложилъ Лещинскому такой проектъ: сплатить Плонскому 25 тыс. и взять крупчатку въ свое владѣніе. Составилось засѣданіе изъ экспертовъ—обывателей. Толковали очень долго, дѣлали подробнѣйшія вычисленія, предусматривали всевозможныя случайности, брали maximum и minimum будущихъ доходовъ—на бумагѣ выходило все отлично. По ихъ расчетамъ п. Клеменсъ лѣтъ черезъ 10 будетъ въ

состояніи приобрѣсть еще двѣ такихъ деревни, какъ Воробьевка. Завѣтная мечта Лещинскаго оставить каждому ихъ троихъ дѣтей по деревнѣ растрогала родительское сердце, и онъ рѣшился завладѣть крупчаткой, принявъ въ компанію пана Шокальскаго, у котораго хотя и не было капитала, но онъ взялъ на себя обязанности по управленію мельницъ за извѣстный процентъ изъ доходовъ. Не дождавшись доходовъ, Шокальскій повелъ дѣло на широкую ногу. Подлѣ самой крупчатки, на живописномъ берегу Буга онъ построилъ каменный двухэтажный домъ съ балкономъ, для помѣщенія мельничной администраціи; завелъ отдѣльную контору съ кассиромъ и бухгалтеромъ, написалъ изъ Ельца пузана-крупчатника за 600 р. въ годъ и т. д.

Зажилъ Шокальскій большимъ бариномъ: развѣзжаетъ себѣ на шпаковатыхъ коняхъ, охотится съ борзыми за лисицами, принимаетъ гостей—словомъ, ни въ чемъ себѣ не отказываетъ.

Двѣ недѣли, проведенныя мною на крупчаткѣ, принадлежатъ къ пріятнѣйшему времени моей немировской жизни. Спалъ я на мезонинѣ, подъ самой крышей мельницы, подъ неумолкаемый стукъ мельничныхъ колесъ; проснувшись рано утромъ, слѣзалъ по лѣстницѣ внизъ, освѣжалъ себя холоднымъ душемъ подъ колесомъ; пилъ чай или кофе, обѣдалъ сытно; удиль рыбу, охотился съ борзыми и съ легавыми; волочился за племянницей п. Шокальскаго, Викторіей, и велъ по временамъ, для сваренія въ желудкѣ, нелѣпѣйшіе дебаты съ кассиромъ Сухіемъ, ярымъ поборникомъ независимости родной Венгріи и заклятымъ врагомъ „подлыхъ австріяковъ“. По временамъ сюда пріѣзжали мои маленькія рѣзвухи, Мариня и Климця—покататься со мной на лодкѣ, при закатѣ солнца, озарявшаго розовыми лучами скалистые берега Буга. Да, такія счастливыя минуты никогда не забываются... Но обратимся къ житейской прозѣ.

Прошелъ годъ—прибылей оказалось меньше *minimum'a*; но п. Шокальскій—великій мастеръ заговаривать зубы. Онъ успокоилъ п. Клеменса исчисленіемъ разныхъ экстраординарныхъ расходовъ по устройству крупчатки, между тѣмъ наличный капиталъ домѣщика весь ушелъ на закупку пшеницы—пришлось обратиться къ займамъ за большіе проценты. Завели по уѣзд-

нымъ городамъ мучныя лавки и учредили главное депо муки въ Одессѣ. А мельница все мелеть да мелеть.

Прошелъ еще годъ—опять итоги неутѣшительные. Третій годъ—безснѣжная зима, бездорожье: ни зерна доставить на мельницу, ни муку развозить по лавкамъ не было никакой возможности; а долги все растутъ да растутъ въ возрастающей прогрессіи. Четвертый годъ—опять бездорожье, а тамъ нѣсколько прикащиковъ по лавкамъ, размотавши деньги, бѣжали; а тамъ отпущенная одному греку въ кредитъ мука на 10 тыс. руб. не дошла до Константинополя: корабль разбитъ бурей, и купецъ объявилъ себя банкротомъ. А Шокальскій все мелеть да мелеть.

Загрустилъ мой Клеменсъ крѣпко; осунулся, весь почернѣлъ—жалко было смотрѣть на него. Въ томъ же злополучномъ году не замедлила послѣдовать и развязка неудавшейся спекуляціи.

Въ Воробьевку пріѣхалъ изъ Немирова большой пріятель Лещинскаго докторъ Лозинскій; у него п. Клеменсъ занялъ 13 тыс. руб. на извѣстный срокъ. Не получивъ своихъ денегъ, этотъ австрійскій выкрестъ, обругавъ хозяина банкротомъ въ присутствіи дѣтей, прямо отъ него покатылъ въ Брацлавъ и предъявилъ ко взысканію вексель, за нимъ послѣдовали и другіе кредиторы, такъ что денежныхъ взысканій по векселямъ оказалось, въ концѣ концовъ, больше чѣмъ на 100 тыс.

Выигралъ п. Клеменсъ справу, як *Zabłosci na mydle!* Воробьевку продали съ молотка, вмѣстѣ съ мельницей, проклятой мельницей, на которой п. Шокальскій за 4 года промололъ довольство, счастье и благосостояніе милаго семейства, пользуясь довѣрчивостью своего родственника.

Cholera morbus.

Еще задолго до появленія въ предѣлахъ имперіи нашей азіатской гостыи, учитель русскаго языка, поступившій на мѣсто В. А. Донченка *Н. А. Шастовъ*, узнавъ изъ газетъ, что эпидемія начинала свирѣпствовать гдѣ-то въ Персіи и Аравіи, за-благовременно запасся медицинскими книгами, въ которыхъ по-

дробно описаны всѣ признаки и свойства холеры, по наблюденію докторовъ въ 1830—31 годахъ. Начитавшись этихъ книгъ, нашъ почтенный товарищъ, и безъ того человекъ до крайности мнительный на счетъ своего здоровья, приготовилъ три запечатанные конверта къ Немировскимъ эскулапамъ, приказавъ своему лакею, на случай если онъ заболѣтъ, бѣжать во всѣ лопатки къ докторамъ. Сгряхъ смерти до того обуялъ жизнелюбиваго педагога, что онъ лишился сна и аппетита.

Лежить онъ ночью въ постели и постоянно ощупываетъ свои ноги, не охладѣли-ли они? Но вотъ, дѣйствительно, какъ будто начинаютъ холодѣть—несомѣнный признакъ начинающейся холеры. Слуга побѣжалъ за докторами. Тѣ всѣ трое рады стараться—явились немедленно, переглянулись между собой, прописали какую-то дрянь и разошлись: значитъ, во время захватили болѣзнь. На другой день вся гимназія узнала, что Николай Акимовичъ заболѣлъ холерой, тогда какъ никто и не помышлялъ о ней. Е. Я—чъ, любившій, при всякомъ удобномъ случаѣ, высказать свое дешевое остроуміе, пришелъ къ концу уроковъ въ гимназію и пригласилъ всѣхъ насъ, по долгу христіанскому—посѣтить болящаго.

Войдя въ первую комнату квартиры Шастова, онъ пригласилъ насъ сѣсть, а самъ, стоя среди комнаты, сталъ держать рѣчь, посвященную памяти ново-преставленнаго раба Божія Николая, лежавшаго въ другой комнатѣ подъ двумя одѣялами; потомъ, заглянувъ къ нему, пріотворивши дверь и какъ-бы удивившись, что мнимый покойникъ живъ, высказалъ непритворную радость и, поглумившись еще нѣсколько времени надъ трусостью хозяина, ушелъ домой, чрезвычайно довольный своимъ паясничествомъ.

Съ наступленіемъ весны, на окраинахъ Россіи появилась наконецъ настоящая *cholera morbus* и быстро подвигалась къ нашимъ внутреннимъ губерніямъ. Немировъ, какъ всѣ западныя мѣстечки, представлялъ весьма благопріятную почву для эпидемій, хорошо удобренную экскрементами всяческихъ нечистотъ. Особенно былъ грязенъ и вонючъ его жидовскій кварталъ, со скученнымъ населеніемъ: живя нѣсколькими семьями въ одной

хатѣ, безъ двора и отхожихъ мѣстъ, евреи уже давно заготовили матеріалъ для болѣзней. Естественно, прежде всѣхъ стали умирать жида. А у насъ въ гимназіи, въ самый разгаръ холеры, производились испытанія, какъ будто мы были застрахованы отъ смерти. Но вотъ дошла очередь и до насъ. Умеръ инспекторскій пансіонеръ Бюловъ, единственный сынъ заслуженнаго полковника, любимецъ добряка Беккаревича и его семейства. Смерть юноши до того потрясла старика Якова Омеляновича, что онъ самъ заболѣлъ. Еще не остылъ трупъ покойника-гимназиста, а директоръ нашъ, вступивъ въ союзъ съ холерой, позаботился о другой жертвѣ. Замѣтивъ какой-то безпорядокъ въ гимназіи, онъ послалъ за инспекторомъ. Больной, убитый горемъ старикъ съ большимъ трудомъ дотащился до инспекторской комнаты, думая, что г. директоръ зоветъ его на совѣщаніе относительно похоронъ его пансіонера; да и кому могла придти въ голову мысль, что этотъ каменный человѣкъ зоветъ инспектора для того, чтобы дать ему нахлобучку? Едва показался въ гимназію Беккаревичъ, какъ 3—й накинулся на него, какъ бѣшеная собака и чего-чего не наговорилъ онъ бѣдному старику въ присутствіи учителей и надзирателей! Инспекторъ совершенно растерялся отъ такого неожиданнаго нападенія: онъ бормоталъ какія-то невнятные слова, весь дрожалъ и едва устоялъ на ногахъ, а директоръ неистовствовалъ:

— Я знать ничего не хочу, что у васъ тамъ случилось дома—это къ службѣ не относится, а если вы больны, то должны были подать рапортъ о болѣзни.

Отъ страшнаго душевнаго потрясенія Я. О—чъ въ тотъ же вечеръ заболѣлъ сильнѣйшею холерой, а къ утру его не стало. Истинный виновникъ смерти любимца и друга дѣтей не устыдился почтить его погребеніе своимъ присутствіемъ; у него даже достало духу утѣшать осиротѣвшее семейство пошлыми сентенціями у той самой могилы, въ которую онъ безчеловѣчно толкнулъ свою жертву.

Умерло еще два гимназиста. Экзамены приостановились сами собой, потому что родители учениковъ самовольно стали развозить дѣтей по домамъ. Большая часть преподавателей тоже

разъѣхалась. Остались одни семейные да я. Директоръ отказалъ мнѣ въ отпускѣ на томъ основаніи, что я, какъ библіотекаръ, обязанъ привести въ порядокъ фундаментальную библіотеку, пользуясь каникулами. Но это, разумѣется, былъ одинъ лишь предлогъ; онъ хотѣлъ, при семъ удобномъ случаѣ, сдѣлать мнѣ пакость, а можетъ быть, кто знаетъ? не желалъ-ли онъ отъ меня совсѣмъ избавиться, рассчитывая на услуги своей родной сестрицы мадамъ Холеры?..

Я остался въ опустѣломъ домѣ одинъ одинешенекъ, тогда какъ семья моего помѣщика въ десяти верстахъ отъ зараженнаго мѣстечка наслаждалась чистѣйшимъ воздухомъ, спокойствіемъ и здоровьемъ. Положеніе мое было крайне незавидное: днемъ жара 30°; духота и зной убивали всѣ мыслительныя способности; не могъ я ни читать, ни заниматься въ библіотекѣ; ночью, едва успѣвъ скрыться жгучее солнце и, пользуясь прохладой, я выйду въ садикъ,—какъ со всѣхъ сторонъ несутся вопли осиротѣлыхъ семей: невдалекѣ отъ моей квартиры находились четыре кладбища—православное, католическое, лютеранское и еврейское; тамъ во всю ночь свѣтились огни и кипѣла страшная работа; оттуда неслись плачъ и стоны, способные наполнить ужасомъ душу самаго неустрашимого человѣка. Умирало по 70 человѣкъ въ сутки.

Мѣстечко представляло картину осажденнаго непріателемъ города; торговля и сношенія съ людьми прекратились, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратились источники дневного пропитанія для бѣднѣйшаго класса евреевъ, жившихъ грошовыми заработками. Одинъ полковникъ пріятель Е. Я—ча, раздавъ жидамъ весь свой капиталъ на „тыгоднюки“, совершенно разорился, не получивъ не только процентовъ, но и собственныхъ денегъ¹⁾.

Можно себѣ вообразить, что было въ это время съ Ипатовымъ. Онъ бѣгалъ по мѣстечку, весь облитый духами, закрывши ротъ и носъ двумя платками, совершенно мокрыми отъ

---

¹⁾ Деньги раздавались по мелочамъ—цѣть, десять рублей—съ обязательствомъ каждую пятницу вносить часть капитала и проценты за недѣлю (tygodni—оттуда тыгоднюки). Полученная т. обр. часть розданнаго капитала отдавалась другимъ на тѣхъ-же условіяхъ. За недѣлю-же взималось 5%.

благовонныхъ жидкостей; не вочевалъ дома, ища убѣжища у знакомыхъ, которымъ всю ночь не давалъ покоя, непрерывно вскакивая съ постели и натираясь разными снадобьями. Дряхлость этого животолюбиваго труса обнаружилась во всей силѣ при слѣдующемъ случаѣ: заболѣлъ холерой преданный ему слуга и едва раскрылъ ротъ, чтобы пожаловаться своему барину на нездоровье, какъ тотъ въ одинъ мигъ очутился у становаго съ просьбой отвезти его человѣка въ больницу, откуда, кажется, никто не вышелъ живымъ; между тѣмъ какъ скоро послѣ этого захворала у этого пошляка комнатная собаченка, онъ ее повезъ за 25 верстъ въ ветеринару и за одинъ рецептъ заплатилъ 3 руб. с.

По сосѣдству со мной, черезъ улицу, жилъ въ казенной квартирѣ К. П. Чарнецкій. Встрѣтись однажды со мной, онъ, по своей привычкѣ, заготовалъ и сталъ хвалиться изобрѣтенными имъ антихолерными настойками и совѣтовалъ, въ случаѣ надобности, обратиться не къ доктору, а къ нему. Едва успѣли мы съ нимъ разстаться, какъ черезъ нѣсколько часовъ узнаю, что мой Казимиръ заболѣлъ холерой. Бѣгу къ нему, а онъ и языкомъ не въ состояніи повернуть. Почувствовавъ припадки болѣзни, почтенный педагогъ до того нализался, пробуя разныя специфическія по его мнѣнію средства, что никакой докторъ уже не былъ въ состояніи спасти его.

— Такъ небожчикъ пьяненькимъ и вмерлы!—печаловалась за нимъ старенькая кухарка его.

Скончался еще одинъ педагогъ—учитель нѣмецкаго языка Опперманъ, братъ гимназическаго врача. Запешши-же въ канцелярію, я узналъ, что къ намъ въ Немировъ назначенъ преподавателемъ французскаго языка на мѣсто Блюкле, Mr Denis, старый нашъ знакомый, забавлявшій насъ гимназистовъ въ Новгородсѣверской гимназіи разсказами про Наполеона. Получивъ бумагу о своемъ назначеніи, онъ счелъ долгомъ явиться къ начальнику. Но представившись директору въ парусиновомъ пиджакѣ, Denis навлекъ на себя такую грозу со стороны директора за оказанное ему неуваженіе, что на возвратномъ пути въ деревню, гдѣ проживало его семейство, отъ сильнаго душев-

наго потрясенія, послѣ полученной отъ З—го встрепки, дорогой заболѣлъ и едва добрался домой—отдалъ Богу душу.

Опустошенія, производимыя холерой, были до того ужасны, что жида, не видя никакого спасенія, побросали свои жилища и, забравши свои бебехи, огромнымъ таборомъ стали въ полѣ—бѣдняки подъ открытымъ небомъ, а кто побогаче—въ будахъ, на манеръ кочующихъ киргизовъ. Оустѣвшее мѣстечко стало еще печальнѣе. Тоска давила грудь; тяжело было дышать. Если бы такое состояніе продлилось еще нѣсколько дней, я бы, кажется, съ ума сошелъ.

Наконецъ утромъ, въ одинъ изъ самыхъ удушливыхъ дней іюля мѣсяца, я отправился къ директору съ твердой рѣшимостью уѣхать безъ билета, если онъ меня не отпустить. Но Е. Я—чъ, какъ опытный фізіогномистъ, посмотрѣвъ на меня, прочелъ на лицѣ моемъ рѣшимость и, не доводя дѣла до крайности, подписалъ билетъ. Разставаясь въ такое бѣдственное время, мы, конечно, не пожелали другъ другу увидѣться въ добромъ здоровьѣ; я поклонился молча и ушелъ. Не заходя на квартиру, прямо отправился на почтовую станцію, взялъ за тройные прогоны пару лошадей и, забравши свои пожитки, укатилъ въ Воробьевку къ маленькимъ моимъ друзьямъ, давно меня ожидавшимъ.

Дорога лежала черезъ поля, золотившіяся несжатой еще пшеницей; на меня пахнуло здоровымъ воздухомъ, пропитаннымъ ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ. Все кругомъ дышало жизнью. Какой контрастъ со всѣмъ тѣмъ, что я оставилъ за собой въ вонючемъ жидовскомъ мѣстечкѣ!

Въ ожиданіи нежеланной госты, помѣщикъ принялъ необходимыя мѣры: снабдилъ свою домашнюю аптеку нужными медикаментами, согналъ съ баштана пилипона-кацапа, возвративъ ему арендные деньги за землю и побросавъ въ рѣку недозрѣвшіе еще дыни и арбузы; наконецъ пригласилъ жидка фельдшера.

Кровопусканіе было въ то время въ большомъ ходу. Пора была страдная; многіе крестьяне, помимо холеры, заболѣвали въ полѣ просто отъ жары, и имъ услужливый Берко тотчасъ „отворялъ кровь“. Сдѣлавъ свое дѣло, онъ бѣжалъ съ рапортомъ до пани.

А со, пане Берку, як там slabemu? спрашиваетъ она. А у Берка былъ всегда одинъ и тотъ-же стереотипный отвѣтъ: lżej (легче), за что я и его самого прозвалъ „докторомъ лжей“

Но вообще говоря, санитарное состояніе сельскаго люда въ Воробьевкѣ было отлично, хотя импровизированный врачъ, чтобы выказать свою дѣятельность и получить большій гонораръ за свое усердіе, не жалѣлъ хлопской крови и неутомимо розыскивалъ больныхъ между крестьянами.

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО¹⁾.

Новыя лица—новыя событія.

Прошли каникулы. Холера въ мѣстечкѣ и его окрестностяхъ совершенно прекратилась. Распуганное стадо наше стало помаленьку собираться „до кошары“. Нѣкоторые и вовсе не вернулись, успокоившись на родномъ кладбищѣ на вѣки. Нашъ директоръ тоже не избѣжалъ холеры; значить, она и его не боялась. Самъ Е. Я—чѣ рассказывалъ очень эффектно о томъ, какую силу воли высказалъ онъ, заболѣвши „поносной болѣзнью“.

— Я призвалъ врача и говорю: что дѣлать, докторъ? Кровь, говорить, нужно бросить. Я въ ту-жъ минуту протягиваю руку (при этомъ онъ обнажалъ руку до локтя) и говорю: дѣлайте свое дѣло! Крови, совершенно черной, вышла цѣлая тарелка. „Да, говорю, кровь дѣйствительно слѣдовало пустить“.

На мѣсто Я. О. Беккаревича, искренно оплаканнаго учениками, назначенъ, совершенно противъ желанія директора, мой старый наставникъ Іосифъ Акимовичъ Самчевскій. И захотѣлось же почтенному классику на старости лѣтъ добровольно обречь себя на каторгу, промѣнявъ сравнительно независимую должность учителя на инспекторство, да еще у такого директора, которому инспекторъ служить вмѣсто помела.

Появилось еще нѣсколько новыхъ личностей—люди молодые и, кажется, порядочные. И слава Богу! Авось мы сообщаемъ сколько-нибудь обуздаемъ произволъ и самодурство нашего

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № ,

премьера. Новые преподаватели своимъ болѣе гуманнымъ отношеніемъ съ воспитанниками познакомятъ ихъ съ болѣе человѣчными отношеніями между старшими и низшими, чѣмъ въ какихъ находились они до сихъ поръ подъ ферулой 3—го и компаніи.

Не стало Барилка и Юрка, географъ уѣхалъ въ Крымъ, Чунихинъ выслужилъ пенсію, умре и сквернословъ Чарнецкій. При новыхъ преподавателяхъ ученики время отъ времени замѣтно стали обнаруживать духъ критики въ нелѣпнымъ требованіямъ начальства, какъ въюны, увертывались они отъ іудинныхъ лобзаній директора; его любимцы-наушники стали отказываться отъ директорскаго чаю и конфектъ, за которыя ихъ больно поколачивали товарищи; шпіоны-надзиратели казнились всеобщимъ презрѣніемъ. Система 3—каго пошатнулась въ своемъ основаніи, машина стала портиться....

На мѣсто директорской креатуры Барилки, выжимавшаго изъ учениковъ, за одно съ Юркомъ, рубли своей математикой и пожалованнаго за то въ инспекторы сперва Винницкой гимназіи, а потомъ лица и гимназіи въ Нѣжинѣ,—на мѣсто его къ намъ поступилъ человѣкъ, не знавшій счету своимъ деньгамъ, счастливый игрокъ и *bon vivant*—Михайло Ивановичъ Мерцаловъ. Благодаря неумѣнью гр. Потоцкаго играть въ преферансъ, онъ жилъ открыто и даже роскошно: почти ежедневно онъ бралъ за науку отъ графа отъ 50 до 75 рублей. Этотъ замѣчательно способный, упрямый и чертовски хладнокровный математикъ умышленно бѣсилъ 3—го, стараясь все дѣлать ему наперекоръ. Выговоры, получаемые имъ отъ директора, какъ строгіе, такъ и строжайшіе, не только не огорчали его, но доставляли нѣкоторое удовольствіе; онъ ими гордился, такъ какъ каждый изъ нихъ, по его словамъ, портилъ директору 5 фунтовъ крови.

На мѣсто Юрка поступилъ Чугаевичъ, а на мѣсто Ющенка—Теодоровичъ. Чунихина замѣнилъ весельчакъ Щитинскій, а Шастова—А. И. Стронинъ. Большая часть изъ нихъ были люди самостоятельные и честные, хорошіе товарищи и способные преподаватели. Какъ исключеніе между ними, былъ учитель

нѣмецкаго языка и надзиратель общей квартиры прусакъ Камбли. Этотъ проходимецъ-авантюристъ, какъ большая часть таковыхъ изъ нѣмцевъ, для которыхъ *ubi bene, ibi patria*, вѣрою и правдою служилъ турецкому султану, отъ котораго за усмиреніе Майнотовъ получилъ два ордена и, выйдя въ отставку, явился въ Немировъ къ нашему падишаху искать службы по министерству народнаго просвѣщенія. Обладая практическимъ знаніемъ языковъ нѣмецкаго, французскаго, турецкаго и ново-греческаго, а главное способный къ предательству и шпионству, Камбли не могъ не приглянуться Е. Я—чу, который охотно принялъ его на службу въ свою гимназію, рассчитавъ заранѣе, какую пользу извлечетъ онъ изъ способностей этого *пройдисвита*. Прусакъ вполне оправдалъ возлагаемыя на него надежды. Будучи отъ природы права веселаго и общительнаго, при склонности къ шутовству и буффонству, онъ сразу поставилъ себя на дружескую ногу съ новыми сослуживцами и все, что слышалъ отъ нихъ въ веселой компаніи, передавалъ своему патрону, чего сначала никто не подозрѣвалъ. Втершись въ семью гр. Потоцкаго, онъ-то и доносилъ З—му обо всемъ, что говорилось въ интимныхъ бесѣдахъ между гостями графа. Его же предательству Мерцаловъ обязанъ ежедневными выговорами директора за неисправности по надзирательской должности въ общей квартирѣ, а Чугаевичъ ссылкой въ Кобеляки приходскимъ учителемъ...

Но времена переиґнились. Обаяніе директорской власти исчезло. Видя, что авторитетъ его утраченъ, что макиавеллевское правило „*divide et impera*“, практиковавшееся прежде съ такимъ успѣхомъ, при новомъ составѣ преподавателей, совершенно стало непримѣнимымъ, З—кой всею силою своей жестокости обрушился на инспектора Самчевскаго, который, по свойству своихъ обязанностей и по своимъ личнымъ качествамъ, не могъ дать ему должнаго отпора и дѣйствовать самостоятельно.

Къ сожалѣнію, почтенный наставникъ мой Іосифъ Акимовичъ, извѣстный уже намъ изъ прежнихъ очерковъ, какъ отличный преподаватель латинскаго языка, оказался плохимъ инспекторомъ.

Прослуживъ 25 лѣтъ въ должности учителя, частію въ Черниговской семинаріи, частію въ Новгородъ-сѣверской гимназіи, вовсе незнакомый съ характеромъ западныхъ гимназій и находившихся при нихъ общихъ квартиръ, съ ихъ казарменными порядками, да встрѣтивъ, въ добавокъ ко всему этому, въ начальникъ не руководителя, не совѣтника, а лютаго гонителя и обидчика,—бѣдняга Осипъ Акимовичъ оказался совершенно несостоятельнымъ. Чѣмъ больше онъ суетился и хлопоталъ, тѣмъ больше дѣлалъ промаховъ. Неровность его обращенія съ учениками, то крикливаго и сердитаго, то не въ мѣру ласковаго и заискивающаго, лишила дѣтей уваженія къ нему и должной субординаціи. Угнетеніе, претерпѣваемое имъ отъ директора, и происходившая оттого запуганность и суетливость, при его маленькомъ ростѣ, возбуждали въ ученикахъ смѣхъ и злорадство: сей возрастъ жалости не знаетъ! Уже по одной кличкѣ, придуманной ими новому инспектору, можно судить о томъ, какъ недоброжелательно и зло они къ нему относились: на стѣнахъ коридора и въ отхожихъ мѣстахъ, рядомъ съ „директоромъ Югуртой“, красовалась надпись: „инспекторъ Тиверій Горобецъ“! (намекъ на его маленький ростъ и напускную жестокость при расправѣ съ шалунами и лѣнтяями).

При такихъ условіяхъ своей немировской службы, Осипъ Акимовичъ сдѣлался настоящимъ мученикомъ. То удовольствіе, какимъ онъ могъ бы отчасти усладить свое горе и забыться на досугѣ отъ огорченій,—любимое имъ до страсти церковное пѣніе—въ Немировѣ для него не существовало. Желая хоть сколько-нибудь удовлетворить этой страсти, онъ по вечерамъ приглашалъ къ себѣ приходскаго дьячка и распѣвалъ съ нимъ Бортвянскаго до полуночи. Идешь бывало мимо его квартиры, возвращаясь домой отъ Грузинскаго, и невольно остановишься послушать, какъ заливается дьячокъ своимъ раздѣрательнымъ фальцетомъ подъ дребезжащую октаву инспектора: „тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона“. Магистръ петербургской духовной академіи, товарищъ протопресвитера Бажанова и покойнаго митрополита Арсенія, глубокій знатокъ духовнаго пѣнія долженъ былъ довольствоваться обществомъ

дьячка и его козинымъ голосомъ. А то бывало сидитъ одинъ-одиошенекъ въ своей квартирѣ, думаетъ-думаетъ, и страшно станетъ ему одиночество; накидываетъ наскоро на халатъ шинель, да такъ и придетъ ко мнѣ подъ двери. Я уже лежу въ постели, читаю на сонъ грядущій какой-нибудь журналъ. Слышится робкій стукъ.

„Кто тамъ?—” „Это я! впустите, землякъ“, умоляющимъ голосомъ отвѣчаетъ инспекторъ. Отворяю дверь... „Извините, землякъ, что я такъ поздно беспокою васъ. Ложитесь, пожалуйста, въ постель, а я тутъ посижу подлѣ васъ и хоть немного отведу душу отъ смертной тоски“.

Затѣмъ садеть въ кресло и начнетъ выливать свои жалобы на лютаго обидчика З—кого.

— Что онъ со мной дѣлаетъ, негодный,—уму не постижимо! За малѣйшую неисправность надзирателя или эконома, онъ заставляетъ меня дежурить по цѣлымъ днямъ въ общей квартирѣ, сидѣть въ кухнѣ съ прислугой, стирать надписи въ отхожихъ мѣстахъ—и чего-чего не выдумываетъ этотъ дьяволъ, чтобы досадить мнѣ! Просто, землякъ, мнѣ житья нѣтъ отъ этого бездѣльника!

— Вольно же вамъ, дорогой Іосифъ Акимовичъ, подчиняться всѣмъ его нелѣпымъ требованіямъ. Онъ потому и ѣздитъ на васъ, что вы не даете ему отпора. Вы бы когда-нибудь огрызнулись.

— А въ самомъ дѣлѣ, что онъ позволяетъ себѣ глумиться надо мною?—начинаетъ храбриться мой наставникъ, выпивъ стаканчикъ сливянки: я не помело какое-нибудь—я инспекторъ! Что ты надо мной смѣешься?... окончательно входитъ въ азартъ инспекторъ, глядя въ пустое пространство и воображая передъ собою своего заклятаго врага: смѣется, бездѣльникъ, что я не умѣю дѣлать того, что онъ приказываетъ? все это ниже моихъ понятій, да! А ну, какъ я тебѣ задамъ вопросъ: знаешь ли ты по-гречески?

— Конечно, не знаетъ нибельмеса ни по-гречески, ни по-латыни!—подзадариваю я гостя: вы его, Осипъ Акимовичъ, хорошенько проберите, а то онъ слишкомъ ужъ зазнался.

— Да, я ему скажу: какъ ты смѣешь? Я—инспекторъ, а не помело. Со мной нельзя такъ обращаться—я не позволю!

Просидѣвъ такимъ образомъ у моей кровати часа два и выругавшись до-сыта, наставникъ мой уходитъ домой ободренный и успокоенный.

— Спасибо, землякъ, вы мнѣ душу отвели, говорилъ онъ на прощанье.

Разъ утромъ, идучи на службу, зашелъ ко мнѣ инспекторъ и объявилъ, что онъ, наконецъ, рѣшился дать отпоръ З—ому при первомъ же его нападеніи. Заинтересованный этой любопытной стычкой и придумавъ благовидный предлогъ, я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ директору. Наставникъ мой, вижу, держитъ себя съ достоинствомъ, на лицѣ видна рѣшимость.

— Е. Я-чѣ!—обратился онъ довольно развязно къ директору—нѣкоторые родители учениковъ желаютъ взять съ собой въ театръ дѣтей: можно ли ученику дозволить быть въ театрѣ съ отцомъ?

— И съ дѣдомъ нельзя! отвѣчаетъ благодушно директоръ.

— Слышите, слышите, землякъ! говоритъ: съ дѣдомъ—обратился онъ ко мнѣ по выходѣ директора въ другую комнату, какъ бы ища во мнѣ поддержки. Но я только руками развелъ и удалился, не дождавшись на сей разъ никакой стычки. За мной вышелъ и инспекторъ.

— Осипъ Акимовичъ! окликнулъ его въ догонку директоръ, когда мы были уже въ сѣняхъ: а табакерку не забыли? Вы опять уйдете изъ гимназіи за табакеркой.

Наставникъ мой нюхалъ табакъ и, потерявши голову отъ вѣчной суеты, часто терялъ табакерку. Директоръ постоянно трунилъ надъ нимъ за это.

Между тѣмъ терроръ директорскаго режима достигъ своего апогея и неминуемо долженъ былъ привести къ катастрофѣ.

Дерзкая выходка ¹⁾ противъ директора со стороны одного изъ учениковъ послужила поводомъ къ тому, что ученики не хотѣли признавать больше никакихъ властей. Инспекторъ же расте-

---

¹⁾ Подробности см. „Кіев. Стар.“ Іюль стр. 426—431.

рялся окончательно. Преподаватели, не допускаемые до сихъ поръ ко вмѣшательству въ распоряженія администраціи относительно дисциплины, ограничивая свою дѣятельность отбываніемъ однихъ уроковъ,—не могли, конечно, измѣнить вдругъ свой обычный образъ дѣйствія, чтобы возстановить въ заведеніи порядокъ и спасти дѣтей отъ деморализаціи. Время было тревожное, все перевернулось вверхъ дномъ...

Вотъ къ чему привела нелѣпая система единоличнаго управленія гимназіей, вотъ послѣдствія примѣненія къ педагогич. государственнаго принципа Людовика XIV: *l'état c'est moi!*

Спустя часъ послѣ своего пораженія и постыднаго бѣгства изъ общей квартиры, Е. Я-чъ посылаетъ за инспекторомъ:

— Подайте, говоритъ, мнѣ рапортъ о случившемся.

Іосифъ Акимовичъ вытаращилъ глаза. Онъ никакъ не ожидалъ услышать о такомъ щекотливомъ порученіи. Прямо отъ директора онъ прибѣжалъ ко мнѣ за совѣтомъ, какъ ему писать рапортъ?

— Пишите, говорю, такъ; и я началъ ему диктовать проектъ рапорта, не стѣсняясь въ выраженіяхъ.

— Да неужели же я долженъ въ такомъ родѣ подать рапортъ?

— А то какъ же? Вы, какъ очевидецъ, обязаны, по совѣсти, написать то, что было, коли отъ Васъ того требуютъ. Впрочемъ, мое дѣло сторона, дѣлайте, какъ знаете.

Смягчивъ, по возможности, нѣкоторыя жесткія выраженія въ рапортѣ моей редакціи, наставникъ мой понесъ свое вѣрное донесеніе г. директору, который, передѣлавъ его опять по своему, заставилъ инспектора подписать. Документъ сей въ подлинникѣ отпущенъ того же числа въ округъ.

Назначено было слѣдствіе. Пріѣхалъ въ Немировъ депутатъ отъ учебнаго вѣдомства, директоръ 1-й гимназіи Любимовъ, а изъ министерства командированъ Балабинъ. Виновнаго, въ присутствіи учениковъ и весьма немногихъ учителей, наказали розгами и отдали въ барабанщики въ оренбургскій баталіонъ. Директоръ же Зимовскій, вопреки ожиданіямъ и надеждамъ многихъ, оставленъ былъ на своемъ посту.

Въ концѣ года Е. Я—чу „за отличіе“ пожалованъ орденъ Анны 2-й степени: *fiat justitia—pereat mundus*.

Испытавъ въ чужомъ пиру похмелье, не будучи никогда пьянъ, Іосифъ Акимовичъ дождался, наконецъ, исполненія своихъ пламенныхъ желаній: въ іюнѣ 1849 года получена бумага о его перемѣщеніи на родину—въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію. Получивъ на прощаніе нѣсколько замѣчаній и выговоровъ, при сдачѣ должности А. Н. Дельсалу, онъ быстро собрался въ дорогу и, какъ школьникъ, радовался своему освобожденію отъ работы вражіей. Восторгу его не было предѣловъ.

Въ часъ, назначенный для отъѣзда, въ квартиру его пришелъ и Е. Я—чъ и, когда счастливецъ сѣлъ уже въ почтовую телегу и, ухарски подбоченясь, крикнулъ ямщику: „пошелъ!“,—директоръ и тутъ не утерпѣлъ, чтобы не отравить отъѣзжающему это счастливое мгновеніе.

— А табакерку, Осипъ Акимовичъ, не позабыли?—крикнулъ онъ ему въ слѣдъ. Какое пожеланіе послалъ ему въ отвѣтъ уѣзжающій, нельзя было слышать за почтовымъ колокольчикомъ.

Послѣдніе два года моей немировской службы.

Покойный митрополитъ Арсеній, будучи архіепископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ, очень благоволилъ къ нашему законоучителю А. В. Любомудрову, котораго онъ зналъ еще въ Орлѣ въ бытность свою ректоромъ семинаріи. При объѣздѣ епархіи онъ два раза останавливался въ его квартирѣ, гдѣ я имѣлъ случай познакомиться съ Владыкой. Но съ перемѣщеніемъ этого святителя въ Варшаву для вашего о. Александра все измѣнилось. На мѣсто епископа Арсенія назначенъ Ельпидефоръ, человѣкъ до крайней степени вспыльчивый... Сказанное у Добрынина (см. Русс. Старина) о сѣвскомъ епископѣ Кириллѣ Флоринскомъ, жившемъ въ половинѣ XVIII столѣтія, отчасти можно примѣнить къ преосвященному Ельпидефору, жившему въ половинѣ XIX в.

Этотъ-то архипастырь въ 1849 году былъ приглашенъ графомъ Потоцкимъ для освященія домашней церкви при дѣтскомъ пріютѣ въ с. Ковалевкѣ, въ трехъ верстахъ отъ мѣстечка. При первой же встрѣчѣ съ новымъ епископомъ, Любомудровъ почувствовалъ, что на него подулъ противный вѣтеръ. Во время освященія Ковалевской церкви нашъ законоучитель, какъ протоіерей и магистръ академіи, долженъ былъ первенствовать между сослужащими священниками. Хотя по требнику онъ и изучилъ „чинъ освященія храма“, но на практикѣ ему ни разу не случилось участвовать въ этомъ обрядѣ, а потому, какъ пришлось ему совершать его, онъ совершенно растерялся, причемъ прочіе священники, хотя и опытные въ семъ дѣлѣ, не захотѣли выручить его. Нашъ протоіерей окончательно сконфузился. Отъ сильнаго волненія, при страшной іюльской жарѣ, съ нимъ случился ударъ, послѣ котораго онъ не прожилъ и года. На мою долю выпала печальная обязанность почтить память усопшаго надгробнымъ словомъ, а почетный классикъ Артемій Аванасьевичъ оставилъ за собой неотъемлемое право составить эпитафію:

Почившій пастырь здѣсь средь дней преполовенья,
Стремился „всѣмъ вся бытъ“ для вѣчнаго спасенья.

На мѣсто покойнаго назначенъ преподаватель Каменецъ-Подольской семинаріи И. А. Зефиоровъ, весьма достойный человекъ.

Въ слѣдующій 1850 годъ неоскудѣвающими щедрогами гр. Потоцкаго была окончена гимназическая домашняя церковь. За отсутствіемъ его сіятельства, директоръ самъ пригласилъ преосвященнаго на освященіе. Парадный обрядъ закончился назидательнымъ словомъ Владыки. Прослушавъ проповѣдь и поцѣловавъ святой крестъ, мы разбрелись по домамъ. Директоръ тоже куда-то юркнулъ, такъ что преосвященный остался въ церкви одинъ съ духовенствомъ. Вышедъ на крыльцо и не видя никого изъ ученой братіи, онъ обратился къ протоіерею Зефиорову съ вопросомъ:

— Куда же мы теперь?

— Въ палацъ, в. пр—но, отвѣтствовалъ тотъ.

— Да что-жъ все въ палацъ да въ палацъ! Ну, нечего дѣлать, поѣдемъ въ палацъ.

Лишь только карета отѣхала отъ крыльца, Е. Я—чѣ быстро собралъ всѣхъ чиновниковъ въ гимназію и повелъ ихъ въ палацъ, благодарить Владыку за подъятыя имъ труды.

— Мы, господа, люди тоже въ нѣкоторомъ смыслѣ духовные, а потому и благодарность наша должна быть чисто духовная,— обратился онъ къ намъ съ ироніей.

Оно-то, пожалуй, и такъ, а все-таки начальнику заведенія не мѣшало бы напоить преосвященнаго хотя чаемъ.

Владыка былъ очень огорченъ оказаннымъ ему невѣжествомъ: принявъ отъ насъ „духовную благодарность“, онъ отнесся къ намъ, какъ и слѣдовало ожидать, весьма сухо, не удостоивъ своего архипастырскаго благословенія.

Хотя по образованію нашъ Е. Я—чѣ не имѣлъ ничего общаго съ богословскими науками, но онъ, не обинуясь, принималъ на себя роль миссіонера, дѣлая постоянно покушенія „уловлять вселенную“ въ лицѣ жидковъ-гимназистовъ. Онъ зазывалъ ихъ къ себѣ на квартиру, ласкалъ ихъ, давалъ для чтенія душеспасительныя книги, но не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха въ своемъ миссіонерствѣ, такъ какъ хасиды-отцы учениковъ постоянно стояли на стражѣ.

Наконецъ, нашему рыбарю удалось изловить жидка-подростка, занимавшагося въ общей квартирѣ починкой ученическихъ штановъ и куртокъ. Приготовивъ его, какъ должно, къ принятію св. таинства крещенія, директоръ устроилъ въ гимназической церкви торжественную церемонію и самъ воспринялъ его отъ святой купели. Крестный отецъ поселилъ юнаго неопита въ казенной квартирѣ, одѣлъ его на казенный счетъ и т. п. По временамъ это духовное чадо исполняло обязанности лакея; шустрый крестникъ вездѣ поспѣвалъ: чистилъ сапоги, ставилъ самоваръ и за отсутствіемъ Кума вытиралъ губкою тѣло своего „папунки“. Такъ прошло около трехъ мѣсяцевъ.

Разъ 3—й велѣлъ ему перечистить свой гардеробъ. Крестникъ, сложивъ на плечо всю одежду изъ шкафа, унесъ ее въ свою конуру. Директоръ въ то-же время отправился на про-

гулку. Вернувшись домой, посылаетъ за крестникомъ, но его и слѣдъ простылъ: все унесъ съ собой на память о своемъ благодѣтелѣ, даже новехонькій мундиръ, съ дорогимъ петербургскимъ питьемъ. Нашелся таки молодецъ, надувшій самого З—го; нашла коса на камень.

Der Jude war ein grösserer Schelm, als er.

На мѣсто І. А. Самчевскаго къ намъ назначенъ инспекторомъ знакомый мнѣ по Винницкой гимназіи весельчакъ и хлѣбосоль А. Н. Дельсаль, натура широкая. Проживъ въ нѣсколько лѣтъ состояніе жены, онъ запутался въ долгахъ и, надѣясь поправить свои обстоятельства, задумалъ искать мѣсто исправника. Черезъ агентовъ жидковъ онъ узналъ, что правителемъ генераль-губернаторской канцеляріи назначена извѣстная такса за мѣста: исправническое мѣсто стоило 600 р. Знакомые жены Дельсали паны ссудили его деньгами, и онъ внесъ требуемую сумму; но черезъ мѣсяцъ узнаетъ, что обѣщанное ему мѣсто отдано другому лицу, заплатившему 1000 р. Обманутый Дельсаль отправляется въ Кіевъ и получаетъ свои деньги обратно, а вмѣсто должности исправника, съ 20 тысячнымъ годовымъ доходомъ, съ трудомъ получаетъ мѣсто субъ-инспектора студентовъ; но едва вступилъ онъ въ должность, какъ получаетъ извѣстіе, что Самчевскаго изъ Немирова перевели въ Новгородсѣверскую гимназію, ѣдетъ къ Зимовскому и занимаетъ вакантное мѣсто инспектора.

Перемѣщеннаго за продерзости въ Бѣлоцерковскую гимназію Мерцалова замѣнилъ кандидатъ Петербургскаго университета Клейненбергъ, человекъ благовоспитанный, безукоризненный джентльменъ, личность прямая и благородная. На мѣсто сосланнаго Зимовскимъ въ Кобеляки приходскимъ учителемъ Чугаевича поступилъ И. П. Дорошенко, а вмѣсто Пастова, перешедшаго на законовѣдѣніе, назначенъ А. И. Стронинъ. Графъ Потоцкій, озабоченный въ это время воспитаніемъ своей единственной дочери (впослѣдствіи графини Строгановой), пригласилъ Клейненберга и Стронина давать ей уроки математики и русскаго языка. Получаемые ими отъ графа подарки, помимо солидной поурочной платы, имѣли свой *raison d'être*, не оскор-

бляя ничьего самолюбія. Въ палацѣ они скоро стали людьми домашними и держали себя съ тактомъ и достоинствомъ, не то что поповичъ Барилко и пошлякъ Юрко, награждаемые за лестъ и низкопоклонство жилетами.

Вообще говоря, въ это время большинство преподавателей были люди молодые, свѣжіе, иного пошпа. Шпіоны поджали хвосты, между преподавателями же не осталось ни одного предателя, за исключеніемъ прусака Камбли. Всѣ сплотились въ дружную корпорацію и, какъ люди холостые, устроили общій столъ и общую квартиру, получившую названіе „учительской колоніи“. Главнымъ распорядителемъ по найму и устройству помѣщенія былъ избранъ учитель исторіи А. Г. Теодоровичъ. Кормилецъ нашъ знаменитый Макарь, женатый на очень искусной кухаркѣ, получалъ отъ cadaго изъ насъ по 8 руб. въ мѣсяцъ и задавалъ великолѣпные обѣды съ пирожнымъ и десертами. Отсутствіе при обѣдѣ вина замѣнялось шутками и остроумными каламбурами, ни для кого необходимыми, никого не оскорблявшими. Стронинъ завелъ даже особую „книгу для записыванія удачно сказанныхъ остротъ“ и въ качествѣ секретаря колоніи вносилъ туда, съ общаго одобренія, все достойное вниманія потомства.

По случаю совершившагося XXV-лѣтія труженнической жизни Артемія Аванасьевича Шведова, колоніи затѣяла отпраздновать у себя юбилей уважаемаго товарища. Вечеръ удался на славу. Начальство приглашено не было. Во время тоста за здоровье юбиляра, ему поднесенъ былъ серебряный кубокъ съ подобающею надписью. Неизбалованный фортуной классикъ растроганъ былъ до слезъ. Затѣмъ, по обычаю нѣмецкихъ студентовъ, устроили торжественный Fakelzug, проводивъ виновника торжества до самой его квартиры, пройдя съ пѣснями мимо директорскаго помѣщенія. Такое небывалое въ Немировѣ событіе, имѣвшее видъ демонстраціи, раздражило Зимовского до бѣшенства, но онъ не осмѣлился не только намылить кому-либо голову, но даже и не вспомнилъ ни разу объ этомъ „дурачествѣ“. Значить, громада—великій человекъ“, съ ней ничего не подѣлаешь.

Воспитанникъ мой Ясь Лещинскій, съ грѣхомъ пополамъ, окончилъ гимназію и поступилъ въ Рязельевскій лицей; но изъ него не вышло ничего путнаго: онъ былъ слишкомъ вѣтренъ и взбалмошенъ и, вырвавшись на волю, окончательно свихнулся. Но какъ бы тамъ ни было, а у меня, благодаря его папашѣ, въ банкѣ скопились небольшія сбереженія, съ помощію которыхъ я мечталъ предпринять путешествіе въ Питеръ, какъ только окончится шестилѣтній срокъ моей обязательной учительской службы. Авось мнѣ удастся вырваться изъ когтей коршуна, терзающаго мои внутренности.

Даровая квартира на кондиціи такъ мнѣ пришлась по вкусу, что я, разставшись съ Лещинскими, готовъ былъ снова пойти въ репетиторы. Случай къ тому скоро представился. Мнѣ предложено жить съ тремя учениками на всемъ готовомъ и 300 рублей гонорару. Я отправился къ директору за разрѣшеніемъ занять кондицію, такъ какъ ни одинъ учитель не смѣлъ безъ дозволенія начальства ни имѣть пансіонеровъ, ни жить у кого ни будь въ качествѣ гувернера, на что имѣлъ право каждый порядочный гимназистъ въ другихъ гимназіяхъ. На мой вопросъ, могу ли я занять кондицію у Гуляницкихъ, Е. Я—чѣ отвѣтилъ лаконически: „нельзя“:

— Почему же, позвольте узнать, нельзя?

— Потому что я такъ хочу, отрѣзалъ самодуръ.

— Ну, если, по вашему мнѣнію, это совершенно достаточная причина лишать подчиненнаго заработка честнымъ трудомъ, то очень жаль!

Сказавши это, я взялся за фуражку.

— Погодите! остановилъ меня директоръ: я считаю нужнымъ поговорить съ вами серьезно.

При этомъ онъ толкнулъ ногою дверь кабинета, и она со стукомъ затворилась.

— Видите ли въ чемъ дѣло, началъ онъ, ходя по комнатѣ: вы постоянно идете противъ меня, питая ко мнѣ самыя враждебныя чувства. Мало того, вы вооружаете противъ меня общественное мнѣніе своими близорукими сужденіями о моихъ дѣйствіяхъ,—мнѣ все извѣстно.

— Если вы, Е. Я—чъ, довѣряете низкимъ людямъ, которые, пользуясь вашей довѣренностью, безсовѣстно лгутъ вамъ и чернять всякаго честнаго человѣка разными клеветами, то въ этомъ виноваты вы сами; вольно же вамъ вѣрить всякому проходимцу.

Немного помолчавъ, онъ опять началъ.

— Скажите, ради Бога, за что вы меня ненавидите? Вы постоянно отзываетесь обо мнѣ, какъ о человѣкѣ безсердечномъ, несправедливомъ и жестокомъ. Вы сильно заблуждаетесь. Вамъ, какъ неисправимому идеалисту, все представляется въ черномъ цвѣтѣ. Поймите меня—и у меня есть сердце!.. закончилъ онъ свою рѣчь дрожащимъ голосомъ.

— Извините меня, Е. Я—чъ, за откровенность: я не въ состояніи принудить себя (а тѣмъ болѣе притворяться) полюбить человѣка, къ которому не лежитъ у меня сердце, такъ же, какъ говорить и поступать противъ своихъ убѣжденій. Въ симпатіяхъ и антипатіяхъ никто не воленъ.

Директоръ ходилъ по комнатѣ молча и потомъ со злобью проговорилъ.

— Ну, такъ и оставайтесь при вашихъ убѣжденіяхъ, но не позволяйте себѣ открыто порицать мои дѣйствія, чтобы другіе, слушая васъ, не заражались вашими близорукими сужденіями.

— А, если вы только этого отъ меня требуете, то даю вамъ честное слово, что пока я буду жить у Гуляницкихъ, я не позволю себѣ сказать ни одного слова о васъ.

— Прощайте, можете занять предлагаемую вамъ кондицію.

Такимъ образомъ заключена была между нами конвенція: за 300 рублей директоръ купилъ мое молчаніе на одинъ годъ.

Изъ троихъ учениковъ, съ которыми судьба и Зимовской опредѣлила мнѣ жить, два были отличные, благовоспитанные малые, но между ними затесался третій—отпѣтый негодяй. Объ исправленіи его нечего было и думать, нужно было, по крайней мѣрѣ, уберечь отъ его вліянія двухъ неиспорченныхъ. Квартиру намъ пріискали у родственниковъ. Жилось мнѣ тамъ не такъ удобно, какъ у Лещинскихъ, но что дѣлать? нужно было терпѣть.

Занимая кондицію, я втеченіе цѣлаго года ни разу не позволилъ себѣ нарушить заключенную съ директоромъ конвенцію.

Какихъ сѣтей ни разставлялъ онъ, чтобы уличить меня въ недержаніи данного слова, подсылая своихъ наушниковъ, я не поддался искушенію и выдержалъ характеръ до конца. Изъ этого мои товарищи заключили, что Зимовской, наконецъ, и меня, степного коня, объѣздили и перевоспитали на свой образецъ,— я молчалъ и ухмылялся въ бороду.

Къ концу учебнаго года совѣтъ избралъ меня секретаремъ; начались экзамены. Питомцы мои въ теченіе мая прошли благополучно самые трудные для нихъ предметы, такъ что переводъ ихъ въ высшіе классы можно было считать обеспеченнымъ, и директоръ никоимъ образомъ не могъ повредить имъ. Срокъ нашей конвенціи близился къ окончанію. 1 іюня состоялось засѣданіе педагогическаго совѣта. Приступили къ повѣркѣ кассовыхъ книгъ. По должности секретаря я сидѣлъ по правую руку председателя. Передавая мнѣ одну изъ кассовыхъ книгъ о приходѣ и расходѣ суммъ общей ученической квартиры, Е. Я—чъ сказалъ: „ищите здѣсь прихода за май“.

Я перелисталъ всю книгу отъ доски до доски и, не найдя прихода, началъ въ другой разъ дѣлать тоже самое. Въ это время директоръ, подмигнувъ членамъ, лукаво подсмѣивался на мой счетъ. Мнѣ стало досадно на себя, что не нахожу прихода, и Е. Я—чъ, ядовито ухмыляясь, замѣтилъ мнѣ.

— Эхъ вы, секретарь! чего вы ищите? вѣдь прихода въ маѣ не бываетъ вовсе.

— Чтожъ вы меня дурачите, заставляя искать то, чего вовсе нѣтъ? почти крикнулъ я, бросая на столъ кассовую книгу: меня не для того избрали секретаремъ, чтобы сдѣлать мишенью для вашихъ насмѣшекъ.

— Вотъ вы уже и разсердились: я пошутилъ, сказалъ благодушно директоръ, видимо подавляя свою злость.

По этой вспышкѣ моей онъ заключилъ, что конвенція моя кончилась, и я безъ вреда для своихъ воспитанниковъ могу оставить кондицію.

Въ концѣ 1851 года обязательный для казеннокоштныхъ студентовъ шестилѣтній срокъ моей учительской службы, по назначенію отъ правительства, кончился. Я получилъ возможность распорядиться своей особой по собственному усмотрѣнію. Скопивши посредствомъ кондичій немножко деньжатъ, я возымѣлъ намѣреніе оставить педагогическую карьеру и отправиться въ Питеръ искать иной дѣятельности. Рѣшимость моей сдѣлать такой важный шагъ въ жизни помогъ случай: одинъ панъ отправлялъ своего сына въ артиллерійское училище и предложилъ мнѣ довести его до Петербурга на его счетъ. Когда я пришелъ за билетомъ къ Е. Я—чу, то онъ далъ мнѣ порученіе купить для него сотню гаванскихъ сигаръ и какую-то машинку, обратясь за содѣйствіемъ къ полковнику Англаресу, который, разорившись во время холеры на тыgodнюкахъ, переселился въ столицу и получилъ мѣсто управляющаго домомъ Энгельгарда, на Невскомъ проспектѣ. Собравшись въ дорогу и не получивъ отъ директора на покупку денегъ, я просилъ инспектора Дельсала напомнить ему объ этомъ, но Е. Я—чъ велѣлъ передать мнѣ, что деньги на покупку для него сигаръ и машинки я могу взять въ банкѣ изъ тѣхъ 250 рублей, которые, по его милости, получены мною въ награду. Такъ безъ денегъ я и уѣхалъ; а вѣдь 35 рублей, издержанные мною на эти покупки, куда какъ не были бы лишними въ столицѣ.

Не стану описывать впечатлѣній своего путешествія въ Питеръ черезъ Москву и обратно черезъ Могилевъ; за давностію лѣтъ они не могли бы имѣть той свѣжести, какая необходима для подобнаго рода описаній. Скажу только, что рекомендательныя письма къ столичнымъ тузамъ, за исключеніемъ одного, доставка котораго по адресу стоила мнѣ болѣе трехъ рублей, истраченныхъ мною на поѣздки на дачу, гдѣ жилъ сановникъ, брошены въ огонь. На пріѣзжаго провинціала, а тѣмъ паче на учителя, столичные бюрократы въ оное время смотрѣли съ презрѣніемъ: имъ нужны были не образованные чиновники, а пройдохи-дѣльцы, которыхъ вся наука заключалась въ знаніи канцелярскихъ порядковъ. Побесѣдовавъ съ обер-секретаремъ Сената, землякомъ своимъ Нагулой, бывшимъ учи-

телемъ 1 кievской гимназіи, я навсегда выбросилъ изъ головы мысль оставить педагогическую профессію и около мѣсяца употребилъ на ознакомленіе съ столичными достопримѣчательностями и въ концѣ августа вернулся во-свояси.

Въ слѣдующемъ 1832 году во время каникулъ мы съ Сошенкомъ предприняли путешествіе по Кіевской губерніи, подробно описанное въ другомъ мѣстѣ (Иванъ Макс. Сошенко, біографическій очеркъ 1877 г.). Здѣсь же я ограничусь однимъ лишь финаломъ этого путешествія.

Разставшись съ пріятелемъ въ Матусовѣ, я поѣхалъ кратчайшимъ путемъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Немирова со мной случилось довольно оригинальное приключеніе, къ счастью, не имѣвшее для меня печальнаго исхода. Жидокъ мой Эль, желая сберечь лишній грошъ изъ своего заработка за трехнедѣльное странствованіе со мной по градамъ и весямъ Украины, не подмазалъ своей буды. Скрипитъ да скрипитъ колесо, а мнѣ и байдуже—еще лучше спится подъ эту музыку въ дорогѣ. Сплю себѣ, зарывшись въ сѣно (дѣло было ночью), какъ вдругъ, сквозь сладкую дремоту слышу крикъ какъ будто знакомаго человѣка: „стой, стой! колесо горитъ!“

Проснувшись, я дѣйствительно увидѣлъ горящее колесо. Случилось это противъ почтовой станціи. Но не столько меня озадачилъ пожаръ буды, сколько внезапное появленіе директора, который, какъ *deus ex machina*, стоялъ тутъ же подлѣ буды, рядомъ съ ямщиками. Ему-то главнымъ образомъ я обязанъ тѣмъ, что не взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ будой и своимъ возницей Элемъ, который тоже заснулъ во время пути. Дѣло въ томъ, что подо мной въ сѣнѣ спрятано было 3 фунта пороху, купленнаго у солдатика въ Умани: этого количества было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы отъ меня и жида и слѣда не осталось.

Да и допекалъ-же меня Е. Я—чѣ, по прибытіи въ Немировъ:

— Я, говоритъ, вамъ жизнь спасъ, а вы, неблагодарный, этого не чувствуете

Въ августѣ 1852 года, совершенно для меня неожиданно, состоялся мое перемѣщеніе въ Кіевъ. Послѣ неоднократнаго

покушенія вивратись изъ цѣпкихъ щупальцевъ восьминога, я уже пересталъ и думать о переводѣ въ другую гимназію. Такъ, въ 1849 году я ѣздилъ въ Одессу съ цѣлю проситься о перемѣщеніи, но прежде чѣмъ я успѣлъ туда пріѣхать, мой пріятель Е. Я. уже успѣлъ откомендовать меня директору Петрову, который принялъ меня сухо и отказалъ въ моей просьбѣ.

Какая-же, спроситъ читатель, была у Зимовского цѣль удерживать въ гимназіи человѣка, подрывающаго авторитетъ его власти и не сочувствующаго его распоряженіямъ? А цѣль была та, чтобы я, перейдя на службу въ другую гимназію, не вынесъ изъ избы сору. Держа меня въ зависимости, онъ все-таки рассчитывалъ на то, что мои протесты противъ его дѣйствій, какъ бы я ни кричалъ во весь народъ, пока я остаюсь подъ его начальствомъ, дальше Немирова не пойдутъ; вырвавшись же на волю, я могъ оставить ему незавидную репутацію и за предѣлами Кіевского учебнаго округа.

Въ другой разъ, въ 1851 году, узнавъ, что во 2-й Кіевской гимназіи за смертію учителя русской словесности Унтилова, открылась вакансія, я отправился къ помощнику попечителя проситься о переводѣ. Хотя, впредь до пріисканія преподавателя, туда приглашенъ былъ проф. Селинъ, но я все-таки рѣшился попытать счастья, но попытка моя и на сей разъ также не удалась.

Спустя годъ, пр. Селинъ защищалъ диссертацию на степень доктора. Дмитрій Гавриловичъ, какъ попечитель, пригласилъ на диспутъ директрису института съ цѣлою плеядой пепиньерокъ. Во время ученыхъ преній докторантъ, по своему обыкновенію, зарпортовался, сказавъ что-то не совсѣмъ пріятное для слуха дамъ. Когда послѣ диспута Бибиковъ подошелъ къ директрисѣ и спросилъ, довольна-ли она диспутомъ, она отвѣчала, что еслибы она предвидѣла, что здѣсь будутъ говорить о такихъ неприличныхъ вещахъ, то она ни за что не взяла бы съ собой дѣвицъ. Дмитрій Гавриловичъ это замѣчаніе замоталъ себѣ на усъ и, спустя недѣлю, когда Лазовъ поднесъ ему къ подписи бумагу, спросилъ: это что?

— Представленіе г. Министру объ утвержденіи въ докторской степени пр. Селина.

— А, кстати? Что, онъ преподаетъ еще гдѣ-нибудь кромѣ университета?

— Во 2-й Кіевской гимназіи читаетъ русскую словесность.

— Долой его оттуда—онъ мнѣ тамъ дѣтей попортитъ.

— Кого прикажете на его мѣсто назначить?

— Найдите сами, отвѣчалъ генераль.

Идучи послѣ доклада домой, Лазовъ встрѣтился на Крешатикѣ съ инспекторомъ 2-й гимназіи Гренковымъ.

— Что новаго? спрашиваетъ его инспекторъ.

— Есть и для вашей гимназіи новость; велѣлъ найти учителя словесности. Не знаете ли вы кого-нибудь изъ желающихъ?

Такъ какъ Гренкову было извѣстно о моемъ желаніи, то онъ и указалъ на меня, и я получилъ переводъ въ Кіевъ.

Божественный Александръ Ив. не могъ мнѣ простить своего увольненія. Узнавъ отъ Лазова, что Бибиковъ, якобы самъ меня назначилъ на его мѣсто, ученый мужъ былъ увѣренъ, что я какими-то путями пролѣзъ къ генераль-губернатору и добился перемѣщенія. „Пролазъ“—прошипѣлъ профессоръ.

Да, государи мои, тяжелыя времена переживали мы!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО¹⁾.

Начало моей учительской службы.

Приступая съ майской книжки „Кіевской Старины“ этого года къ продолженію своихъ воспоминаній, послѣ трехлѣтняго перерыва, я долженъ бы, придерживаясь хронологіи, начать свои очерки не съ Немировской гимназіи, а съ Винницѣй; но такъ какъ гимназія эта въ 1847 г. изъ Винницы переведена въ Бѣлоцерковскую гимназію, куда я назначенъ въ 1862 году; но нѣкоторые изъ моихъ читателей заявили желаніе познакомиться съ началомъ моей службы раньше этого времени, а потому, уступая такому желанію, я обращаюсь къ гимназіи Винницкой.

Ровно 50 лѣтъ тому назадъ, а именно 9 сентября 1844 года, попечителемъ вн. Давыдовымъ подписана бумага о моемъ назначеніи учителемъ русскаго языка въ параллельныхъ классахъ Винницкой гимназіи. Недѣли черезъ двѣ, наканунѣ моего выѣзда изъ Кіева, въ памятномъ всѣмъ намъ, оставшимся въ живыхъ, погребкѣ въ оградѣ Братскаго монастыря собрались друзья, земляки мои, на проводы.

Жаль только, что мы не изъ чего было слишкомъ раскошелиться: 100 рублей третнего, за вычетомъ 10% въ пользу инвалидовъ и за уплатой долга незабвенному ректору В.

---

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 10.

Ө. Өедорову, на оставшіяся деньги сдѣлана была форменная пара, небольшой запасъ бѣлья—и расходъ сталъ равенъ приходу. Накурившись и наговорившись вдоволь, мы пошлись по набережной, покатались по Днѣпру, и конецъ угощенію.

На другой день, по рекомендаціи одного изъ товарищей, въ институтъ явился „попутчикъ“, какой-то панъ Петрижскій. Хотя у меня имѣлась казенная подорожная, но мы условились съ паномъ поѣхать на долгихъ проселкахъ.

Около пяти часовъ вечера къ университетскому зданію подѣхала жидовская балагула; мы съ паномъ влѣзли въ нее, какъ въ пещеру, и тронулись въ путь. Добрашенъ вызвался провести меня за городъ. На четвертой верстѣ старой Житомирской дороги мы разстались. Фуръ, фуръ, фуръ! Прощай студенчество! ¹⁾.

...Невеселую картину представляло 50 лѣтъ тому назадъ путешествіе по Заднѣпровской Украинѣ. Тяжело и смутно становилось на душѣ при взглядѣ на бѣдныя деревушки, разбросанныя тамъ и сямъ по равнинамъ, на изнуренныя лица крестьянъ, съ рѣзкимъ огпечаткомъ глубокой грусти, свидѣтельствовавшей о крѣпостномъ гнетѣ, тяготѣвшемъ надъ многими поколѣніями. Какой просторъ,какая благодать—и такое стѣсненіе, такая бѣдность!... Нестройно, безпорядочно тѣснятся бѣленькія хатки, разбросанныя безъ всякой симметріи надъ прудомъ по ко-согору, то прижимаясь любовно одна къ другой, то расходясь на далекое разстояніе, какъ поссорившіеся нищіе. Почти рядомъ съ ними гордо возвышается пышный палацъ, который словно всосалъ въ себя благосостояніе цѣлыхъ поколѣній хлопозъ, оставивъ на ихъ долю бѣдность и нищету. Это жилище магната, но его здѣсь нѣтъ, онъ постоянно живетъ за границей, отдавъ имѣнія свои въ распоряженіе управляющаго, который изъ всѣхъ силъ побивается надъ тѣмъ, чтобы извлечь какъ можно больше доходовъ и для своего патрона, и для себя, не думая о томъ, чего стоитъ народу его усердіе...

---

¹⁾ Обильный приключеніями путь мой отъ Кі-ва до Винницы описанъ мною еще въ 1864 г. (Кіевлянинъ № 69 и 70). Здѣсь помещается уцѣлѣвшій у меня отрывокъ изъ моихъ „путевыхъ впечатлѣній“.

Разставленные по перекресткамъ высокіе размалеванные, кресты, именуемые „фигурами“, разными орнаментами, чуждыми православію, живо напомнили мнѣ о господствѣ въ краѣ католицизма и о недавнихъ ужасахъ уніи. Огражденные толстыми стѣнами клишторы, имѣющіе видъ военныхъ укрѣпленій, какъ могильные призраки, пугаютъ воображеніе путника, напоминая ему о страшной силѣ іезуитовъ, укрывавшихся за этими „мурами“ отъ праведной кары неутомимыхъ поборниковъ вѣры и независимости Украины—козаковъ. Жида, по извѣстному проекту іезуита, замѣнивъ собой среднее сословіе, налегли тяжелымъ гнетомъ на крѣпостное населеніе; пользуясь протекціей пановъ, они захватили въ свои хищныя руки всю промышленность страны, сплотившись въ дружную корпорацію тунеядцевъ, потребляющихъ производительный трудъ земледѣльческаго сословія. Эти всемірные граждане обрѣли въ Посполитой Речи свою обѣтованную землю; но вытѣснивъ собой среднее сословіе изъ государства, они не только не связали разрозненные члены государственнаго организма—шляхту и хлоповъ, но еще болѣе расширили раздѣлявшую ихъ пропасть...

Вечерѣло. Утомленные лошади пріободрились, почувявъ тихое пристанище—„заѣздный домъ“, съ виду очень похожій на мышеловку, какъ всѣ еврейскіе постоялые дворы. Въ переднія ворота мы въѣхали съ большимъ почетомъ: насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ со всѣмъ своимъ семействомъ, суля намъ все, что только можно придумать для комфорта проѣзжающихъ. Предоставивъ пану полную автономію вести переговоры съ хозяиномъ о ночлегѣ, я вышелъ за ворота полюбоваться на картину осенняго вечера и поразмыслить наединѣ объ избранномъ мною поприщѣ педагога. Неясныя мысли о будущемъ невольно смѣшались съ мечтами о прошломъ. Мнѣ было невыразимо грустно. Черезъ часть меня позвали „до коляціи“—ѣсть какую-то мариновату-рыбу, по обычаю еврейскому немилосердно пропитанную перцемъ.

На другой день съ сѣвера подулъ сырой и холодный вѣтеръ, пошелъ мелкій и частый дождь, по улицѣ потекли ручьи. Закутавшись съ головой въ студентскую шинель я, хотя уже и

не спавъ, но притворился спящимъ. Монотонное дребезжаніе изломанной ставни, глухое завываніе вѣтра, стукъ дождевыхъ капель въ бумажку, которою заклеено было разбитое стекло. какія-то дикія взвизгиванія и бормотанье стоявшаго на молитвѣ въ сосѣдней к мнѣ шинкаря—все это наводило на душу страшную тоску, напоминая мнѣ о томъ, что беззаботная жизнь въ институтѣ прошла невозвратно...

Историческій очеркъ Винницкихъ школъ до 1832 г.

Народное образованіе въ юго-западномъ краѣ до конца XVI столѣтія было дѣломъ свободной профессіи, не подлежавшей контролю правительственной власти, чѣмъ не преминули воспользоваться отцы іезуиты для цѣлей пропаганды и въ началѣ XVII вѣка всецѣло завладѣли образованіемъ юношества. Хотя впоследствии къ нимъ присоединились и другіе монашескіе ордепа, но преобладающая роль осталась за послѣдователями Лойолы. Предоставивъ первоначальное образованіе піарамъ, базилианамъ и другимъ монашескимъ орденамъ, они забрали въ свои руки главнымъ образомъ среднее и отчасти высшее образованіе, такъ какъ эти два послѣдніе разряда обученія предназначены исключительно для правящихъ классовъ, которые іезуитамъ необходимо было подчинить своему вліянію, чтобы руководить ихъ дѣйствіями.

Въ 1610 году въ Винницѣ о.о. іезуиты открыли „подъ-ограду“ школу, съ конвиктомъ при ней, на средства Брацлавскаго старосты Калиновскаго. Школа эта сразу обратила на себя вниманіе мѣстныхъ обывателей и стала пользоваться всеобщимъ уваженіемъ. Какъ извѣстно, педагогическая опытность іезуитовъ обратилась въ традиціи, одушевлявшія и ихъ ближайшихъ преемниковъ, такъ что и послѣ изгнанія іезуитовъ (1773 г.) Винницкія школы удержали за собой первенствующее значеніе въ краѣ и въ 1785 году возведены были на степень „оградныхъ“ школъ на мѣсто школъ Житомирскихъ.

Собственно Винницкая гимназія учрежденіемъ своимъ обязана неутомимой дѣятельности Оадеа Чацкаго, который, одна-

кожъ, собравъ для нея значительныя средства изъ пожертвованій магнатовъ (болѣе полмиліона рублей), не дожидъ до ея открытія: онъ умеръ 9 февраля 1813 года. Заведеніе и устройство школъ были пламенной мечтой всей его жизни, посвященной исключительно народному образованію, въ которомъ онъ видѣлъ *szczęście godaków* и о которомъ не переставалъ заботиться, лежа на смертномъ одрѣ. По мысли Чацкого Винницкая гимназія должна была стать для Подоліи тѣмъ, чѣмъ для Волыни впослѣдствіи сдѣлался Кременецкій лицей: „заведеніемъ, готовящимъ юношество сдѣлаться образованными гражданскими дѣятелями“. По плану Чацкого гимназія дѣлилась на 4 годичные класса и на 4 годичные курса, обнимавшіе высшія науки: философію, физику, науки политическія, мѣстное и римское права и проч. Всѣхъ преподавателей должно было быть 18 человекъ, изъ коихъ половина со степенью магистра и доктора. Хотя въ Винницѣ, по Высочайшему повелѣнію, и была открыта гимназія одновременно съ Кременецкимъ лицеемъ, но проектъ Чацкого, по недостатку средствъ, не могъ осуществиться: устройство ново-открытой гимназіи въ первые три года ея существованія представляется далеко не въ такомъ видѣ, въ какомъ желалъ ее видѣть Чацкій.

Гимназія дѣлилась на 6 классовъ, изъ которыхъ первые два были какъ бы подготовительными; въ нихъ преподавались грамматика польская и латинская, географія и арифметика, учителя назывались „младшими“ и имѣли по 20 уроковъ и получали по 300 рублей жалованья. Въ четырехъ высшихъ классахъ было 5 учителей предметовъ и одинъ (самъ директоръ Маѣовскій) законоучитель. Одинъ учитель преподавалъ высшую арифметику, геометрію и логику; другой—естественную исторію, физику и химію; третій—науку нравственности; исторію и географію; четвертый—литературу всеобщую и польскую; пятый—исторію литературъ греческой и римской, древности, чтеніе авторовъ. Преподаватели эти назывались „старшими“ и имѣли по 16 уроковъ, получая по 400 рублей жалованья. Затѣмъ были учителя иностранныхъ языковъ: русскаго, французскаго и нѣмецкаго, имѣвшіе по 12 уроковъ и получавшіе по 240 рублей.

Въ такомъ видѣ гимназія просуществовала до 1824 года, затѣмъ, по причинѣ обнаруженнаго въ Виленскомъ университетѣ вреднаго направленія, училища Виленскаго учебнаго округа подверглись радикальному преобразованію, не минувшему и гимназіи Винницкой: высшіе классы были закрыты и оставлены только 4 класса. Наконецъ революція 1831 года прекратила существованіе какъ высшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеній; что же касается низшихъ училищъ, то, по свидѣтельству В. Я. Шульгина, въ нашемъ юго-западномъ краѣ ихъ закрыто 275, не считая школъ монашескихъ и приходскихъ¹⁾.

6 декабря 1832 года въ Винницѣ, по Высочайшему повелѣнію, вновь открыта гимназія по уставу 1828 года, общему для всѣхъ заведеній имперіи, съ коренными русскими преподавателями. Директоромъ ея назначенъ Фовидкій, а инспекторомъ Рябоконовъ. Въ началѣ 1840 года Фовидскаго смѣнилъ учитель русской словесности А. А. Яковлевъ, подъ управленіемъ котораго и началась моя педагогическая служба.

Если пропаганда дореформенныхъ школъ, которыми неутомимый польскій патріотъ Чацкій, какъ сѣтью, опуталъ весь сѣверо-западный и юго-западный край, направлена была къ широко задуманной цѣли—ополченію кореннаго русскаго населенія, то возрожденное образованіе края во образѣ новооткрытыхъ заведеній было направлено къ совершенно противоположной цѣли: новыя училища обязаны были не только располчить ополченное русское населеніе, но и самихъ поляковъ сдѣлать русскими.

Въ силу такихъ требованій правительственной власти, наша учительская служба въ гимназіяхъ юго-западнаго края, особенно въ 10—15 лѣтъ послѣ реставраціи училищъ, представляла такія трудности, какія не встрѣчаются въ чисто русскихъ губерніяхъ. Тамошніе преподаватели, преслѣдуя одни научно-воспитательныя цѣли,—которые, собственно говоря, и должны составить главную задачу педагогической дѣятельности каждаго наставника,—не знаютъ тѣхъ часто непреодолимыхъ пре-

¹⁾ См. „Кіевскія Старина“ 1882 г.; Юбилейная записка Каменецъ-Подольской гимназіи Михалевича и Подольская гимназія въ Винницѣ его же. 1690 года.

пятствій, на которыя наталкивались мы, служившіе въ ополяченномъ краѣ лѣтъ 50 тому назадъ. Упорныя и неутомимыя дѣйствія католическо-польской пропаганды, шедшія въ разрѣзъ съ нашими чисто-русскими стремленіями, тормозили и парализовали всѣ наши усилія. Невольно опускались руки и терялась энергія, когда приходилось убѣждаться, что самые блистательные успѣхи нашихъ питомцевъ не только не приносили ни малѣйшей пользы русскому дѣлу, но совершенно напротивъ: каждый изъ нашихъ учениковъ чѣмъ больше развивался, тѣмъ болѣе становился способнымъ вредить русскому дѣлу въ краѣ. 1863 годъ служить тому доказательствомъ.

Винницкая гимназія въ 1844—45 году.

Difficile est satyram non scribere.

Добравшись до Винницы, я остановился неподалеку отъ гимназіи въ одномъ изъ множества „заѣздныхъ домовъ“. Хотя въ настоящее время, съ проведеніемъ желѣзной дороги, городъ этотъ между уѣздными городами Подольской губерніи считается однимъ изъ лучшихъ, но въ 40-хъ годахъ онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ городовъ юго-западнаго края. Безобразно скученные постоянные дворы, крытые черепицей и соломой, улицы кривыя, узкія, наполненные навозомъ и падалью, казалось, предназначены были скорѣе для стойла скотамъ, чѣмъ для сообщенія людямъ; полуразвалившіеся лачуги безъ дворовъ и заборовъ, беспорядочно разбросанныя по окраинамъ, вездѣ смрадъ и нечисть произвели на меня удручающее впечатлѣніе.

Отбившись отъ нашествія цѣлой оравы жидовъ, съ нахальствомъ предлагавшихъ свои товары, и напившись чаю изъ грязнѣйшаго самовара, я легъ спать, но увы! провозившись всю ночь съ насѣкомыми, не могъ уснуть ни на минуту.

На другой день, разбитый дорогой и изнуренный бессонницей, облекшись въ дѣвственный вицъ-мундиръ, я отправился представиться начальству; но понасть къ нему не такъ то было легко, какъ мнѣ казалось. Встрѣтилось непреодолимое препят-

ствіе; черезъ улицу, отдѣлявшую постоянные дворы отъ гимназіи и представлявшую на сей разъ подобіе огромнаго корыта, доверху наполненнаго жидкою грязью, мнѣ никоимъ образомъ нельзя было перебраться въ мелкихъ калошахъ, въ какихъ въ семъ іудейскомъ градѣ никто не ходилъ, вооружаясь охотничьими сапогами съ высокими голенищами. Видя меня, въ раздумьи стояща на берегу этого мертваго моря, ко мнѣ подошелъ, шлепая по колѣни въ грязи, жидокъ съ метелками и щетками и за „злотувку“ предоставилъ въ мое распоряженіе свою спину для переправы черезъ улицу. Я обхватилъ его за шею руками, а онъ взялъ подъ колѣнки мои длинныя ноги и такимъ манеромъ перенесъ меня на тротуаръ подъ гимназическую ограду. Вошедши въ гимназическій дворъ, я былъ пораженъ непривлекательнымъ видомъ сего святилища наукъ: облупленныя стѣны, разбитыя стекла, полуразвалившіяся надворныя постройки, соръ, нечистота — все это скорѣе напоминало кіевскія арестантскія роты, чѣмъ учебно-воспитательное заведеніе. По двору, выѣстъ съ учениками, ходили коровы и свиньи, а въ недостроенномъ костелѣ помѣщались директорскія лошади. Мнѣ указали квартиру директора, но тутъ-же одноглазый сторожъ въ рваномъ полусубкѣ добавилъ, что я напрасно такъ рано пришелъ — „они еще почиваютъ“. А вѣдь было уже болѣе девяти часовъ. По длинному темному коридору, напоминавшему тунель, я отправился въ канцелярію дожидаться пробужденія его высокородія; но прежде чѣмъ попасть туда, я долженъ былъ выдержать бой съ дикой козой, которую, потѣхи ради, г. директоръ держалъ на коридорѣ и которая сильно бодалась при встрѣчѣ съ незнакомыми. Проходя мимо директорской кухни, я услышалъ визгливый бабій крикъ и плачъ множества дѣтей. Хотя производитель сего многочисленнаго семейства спалъ на другой половинѣ квартиры, но все-таки нельзя было не подивиться, какъ онъ могъ спать при такомъ содомѣ. Ровно въ половинѣ одиннадцатаго „они“ изволили проснуться и въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ, пожаловать въ канцелярію подписывать бумаги. Процессъ этого подписыванія, какъ я узналъ потомъ, и ограничива-

лась педагогическая дѣятельность г. директора на пользу молодого поколѣнія.

Личность моего перваго начальника не внушила мнѣ страху. Маленькая, тщедушная фигурка лѣтъ сорока, съ большущими ушами и вздутымъ вверхъ хохолкомъ, съ выдающеюся впередъ нижнею челюстью, напоминала скорѣй обезьяну, чѣмъ директора гимназій. Не смѣя долѣе отнимать у начальства драгоцѣннаго времени, я откланялся и пошелъ отыскивать инспектора въ томъ же корпусѣ.

Сей второй чинъ училищной администраціи своею массивностію представлялъ совершенный контрастъ съ неказистой наружностью директора. Не смотря, однакожъ, на свой исполинскій ростъ, вся фигура его отъ чрезмѣрной толщины казалась какъ бы приплюснутой. Словно подъ ударомъ 30 типудовой шелепуги, голова его съ пивной котелъ вдавлена между могучныхъ плечъ, которыя, вслѣдствіе такого насильственного давленія сверху, поднялись да такъ и остались приподнятыми навсегда. Лицо тоже казалось приплюснутымъ, и скулы его жирныхъ щекъ пошли какъ бы врозь. Ходилъ онъ съ перевальцемъ легко и игриво расшаркиваясь, какъ будго онъ собирался танцевать французскую кадрили. Говорилъ онъ сильнымъ отъ одышки голосомъ. Для перваго знакомства инспекторъ заявилъ, что онъ—товарищъ по ученію знаменитаго математика Остроградскаго, рассказавъ при этомъ анекдотъ изъ школьной жизни, указывавшій на ихъ близкія отношенія. Но этимъ анекдотомъ, какъ равно и тѣмъ фактомъ, что онъ былъ учителемъ Гоголя—ничто не доказано: случайное сближеніе съ знаменитостями нисколько не возвысило въ моихъ глазахъ этого толстяка, никогда, повидимому, не думавшаго о наукѣ и поэзіи, а угождавшаго лишь своему необъятному чреву. Это былъ тотъ самый педагогъ, который въ концѣ 20-хъ годовъ былъ нѣкоторое время учителемъ географіи въ Нѣжинской гимназій высшихъ наукъ и котораго Гоголь въ письмѣ къ В. В. Тарнавскому называетъ „Мазепичемъ Самойленкомъ“¹⁾.

¹⁾ Вообще авторъ „Мертвыхъ душъ“ весьма мало уважалъ своихъ наставниковъ, почему его не научилихъ. „Существователи, населяющіе Нѣжинъ говорятъ

Супруга Мазепича Антонина, принявшая православіе католичка, хотя уже особа не первой молодости, но до крайности сентиментальная, мечтавшая о гусарахъ и метавшая томные взоры изъ-подъ черныхъ бровей. Въ припадкѣ супружеской нѣжности Алексѣй Миничъ называлъ ее черноокой Ниной.

Нерадостныя мысли о будущемъ смѣнились заботами о настоящемъ: нужно было пріискать квартиру и устроить свое холостое хозяйство. На постояломъ дворѣ я не могъ оставаться ни одного дня; при мысли о жидкахъ и клопахъ, меня бросало въ дрожь и лишало возможности сосредоточиться. Но какъ мнѣ пуститься на поиски за квартирой, когда и до постоянного двора нельзя добраться? А тутъ какъ на зло и верхового жидка не случилось.

Грустный и обезкураженный ходилъ я подъ „мурами“, не зная, что предпринять въ сей странѣ враждебной, какъ вдругъ совершенно неожиданно столкнулись мы съ кіевскимъ моимъ пріятелемъ *М. В. Покорскимъ*: почти одновременно со мной онъ былъ назначенъ уѣзднымъ Винницкимъ судьей и, пріѣхавъ пока одинъ безъ семьи, очутился въ такомъ же невеселомъ настроеніи, какъ и я. Вотъ такъ встрѣча! Радости моей не было границъ, а судья отъ сильнаго душевнаго волненія даже прослезился. Въ концѣ тротуара его ожидали лошади, такъ какъ къ самому суду подъѣхать не было никакой возможности, не утопивъ лошадей. Не заходя на постоянный дворъ, я послалъ мишуриса за вещами и переселился на квартиру Максима Васильевича и прожилъ тамъ около двухъ недѣль, до пріѣзда его семейства.

Жизнь моего пріятеля была преисполнена такихъ превратностей, что онъ не могъ не сдѣлаться нѣсколько страннымъ и своеобразнымъ, что не мало вредило его служебной карьерѣ. Хотя онъ и не происходилъ изъ духовнаго званія, но за немнѣніемъ въ оное время свѣтскихъ училищъ, получалъ образо-

---

онъ) — созданія низкой ненавѣстности и между этими существующими я долженъ прибавиться; изъ нихъ не исключаются и дороте наши наставники“.

ваніе въ Кіевской духовной академіи, гдѣ одновременно съ нимъ находился и знаменитый впослѣдствіи іерархъ Инновентій Борисовъ. По разсказамъ судьи, будущій русскій Массильонъ еще во время своего студенчества обратилъ на себя вниманіе ораторскимъ даромъ. Въ памяти старика живо сохранилось впечатлѣніе, которое произвелъ онъ своимъ надгробнымъ словомъ надъ умершимъ товарищемъ *exromptu*, ибо всѣ знали, что Борисовъ до полуночи провелъ время въ знакомомъ семействѣ.

По окончаніи академіи М. В—чъ вступилъ въ гражданскую службу. Когда я познакомился съ нимъ въ Кіевѣ въ 1842 году, онъ былъ въ отставкѣ и жилъ въ большой нуждѣ съ большимъ семействомъ, не смотря на то, что 18 лѣтъ прослужилъ въ должности исправника, тогда какъ другіе на подобной должности наживали большія деньги. Проживъ въ отставкѣ около пяти лѣтъ, на средства своего брата, губернскаго лѣсничаго, въ домѣ скраги тестя, онъ, наконецъ, по протекціи дальняго родственника, извѣстнаго поэта Подолинскаго, снова получилъ мѣсто исправника въ летичевскомъ уѣздѣ; но едва онъ успѣлъ переселиться въ Летичевъ, какъ его швырнули въ самый отдаленный уѣздъ подольской губерніи, въ Балту, а черезъ четыре мѣсяца его перемѣстили въ Брацлавъ, и убѣдясь окончательно, что для должности исправника онъ не годится, его назначили уѣзднымъ судьей въ Винницу. Если каждое перемѣщеніе многосемейнаго чиновника, какъ говорится, стоитъ одного пожара, то почтенный М. В—чъ, перемѣщенный втеченіе одного года четыре раза, перенесъ 4 пожара и очутился въ Винницѣ, яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего.

Съ переездомъ изъ Брацлава семейства судьи, я долженъ былъ пріискать себѣ квартиру, но мои поиски не имѣли успѣха. Войдя въ мое положеніе, директоръ предложилъ мнѣ казенное помѣщеніе въ „мурахъ“, рядомъ съ инспекторскою квартирой, куда я и перевезъ свою мизерію.

Прощаясь съ „судьей праведнымъ“, въ благодарность за гостепріимство, я вручилъ ему стихотвореніе, написанное мною

въ Кіевѣ, на Щекавицкомъ кладбищѣ, на могилѣ любимаго товарища, студента Андруши Блотницкаго, брата жены судьи:

День догоралъ послѣдними лучами,
Надъ Кіевомъ—святая тишина,
Зажглося небо звѣздными огнями,
Изъ-за лѣсовъ проглянула луна.
Дѣлпръ не шумитъ мятежными волнами,
Безмолвствуютъ крутые берега,
Заснуло все надъ ясными водами—
И темный лѣсъ, и горы, и луга.
Съ тоской въ душѣ сидѣлъ я на могилѣ,
Гдѣ вѣчнымъ сномъ покоился мой другъ,
Онъ цвѣлъ недавно сѣтлостью и силой—
И вдругъ угасъ безъ славы и заслугъ..
Зачѣмъ со мной по прежнему, мой милый,
Ты не раздѣлишь вѣчный свой досугъ?..

Въ зданіяхъ бывшаго іезуитскаго монастыря, гдѣ помѣщалась Винницкая гимназія, въ продолженіе двухъ столѣтій ютились учебныя заведенія разныхъ наименованій. Обнесенныя толстою каменною оградой, съ тремя выхоленными монахами садами и обширной недостроенной церковью, зданія эти, послѣ изгнанія іезуитовъ, поступили въ вѣдѣніе училищной администраціи и по недостатку средствъ на ихъ содержаніе годъ отъ году ветшали, а съ учрежденіемъ въ Винницѣ въ 1795 году Брацлавскаго намѣстничества окончательно пришли въ упадокъ: въ нихъ размѣстили присутственныя мѣста, казначейство, тюрьму, провіантскій магазинъ и проч. Хотя съ учрежденіемъ губерній всѣ эти казенныя вѣдомства переведены въ Каменецъ-Подольскъ и опустѣвшія зданія вновь поступили въ учебное вѣдомство, но въ такомъ плачевномъ видѣ, что никакіе ремонты не могли уже имъ возратить того благоустройства, какимъ отличались они въ продолженіе полутора столѣтія іезуитскаго господства. А все таки помѣщенія Винницкой гимназіи до 1832 года были еще довольно обширныя, о чемъ свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что въ концѣ 20-хъ годовъ она занимала 14 большихъ залъ, а подъ квартирами служащихъ находилось болѣе 30 комнатъ.

Предоставленная мнѣ директоромъ комната, вѣроятно, бывшая кѣлія какого-либо монаха, представляла мрачную тюремную

камеру, объ одномъ окнѣ, съ видомъ на р. Бугъ; въ стѣнахъ двухъаршинной толщины находились глубокая ниша и два огромныхъ шкапа; въ нишѣ я поставилъ треногую кровать, обязательно предложенную мнѣ инспекторомъ, а шкапы обратилъ въ кладовую и гардеробную. Жаль только, что нечего было туда прятать.

Рядомъ съ моей квартирой въ другой такой же келін съ перегородками помѣщался учитель ариметики Осипъ Артамоновичъ Волковскій, съ нареченной племянницей Дызей. Не успѣлъ я осмотрѣться на новосельѣ, какъ отворилась дверь, и ко мнѣ вошелъ толстенный господинъ, держа въ рукахъ подносъ, на которомъ стоялъ графинчикъ съ водкой и тарелка съ маринованными грибами. Это и былъ мой сосѣдъ Волковскій.

— Здоровеньки булы, colega, а я оце до васъ по сусидски—съ хлибомъ-солью.

И наливъ двѣ рюмки, сталъ подчиваться. Усадить дорогого гостя было не на чемъ, и онъ долженъ былъ сѣсть на полу, на разостланной шинели. Новый мой знакомый оказался великимъ балагуромъ. Анекдотъ за анекдотомъ, одинъ другого скабрязнѣе, сыпались, какъ изъ мѣшка. Уроженецъ юго-западнаго края, сынъ воссоединеннаго попа уніата, воспитанникъ уманской базилянской школы, этотъ забавникъ подъ маской полишинеля скрывалъ глубокое знаніе быта разношерстнаго народонаселенія правобережной Украины. Онъ основательно изучилъ нравы и обычаи польской шляхты и православнаго сельскаго люда, а также многочисленнаго іудейскаго племени; вращаясь въ кругу католическаго и уніатскаго духовенства, онъ имѣлъ полную возможность познакомиться съ закулисною жизнью ксендзовъ и монаховъ, а равно и съ бытомъ ополяченнаго духовенства православнаго. Вотъ отъ чего смѣшившіе иногда до слезъ анекдоты Волковскаго, не смотря на ихъ скромное содержаніе, были такъ характерны, такъ занимательны ¹⁾. Надобно впро-

---

¹⁾ Въ предисловіи къ пословицамъ, издавшимся въ 1874 году Номисомъ, о немъ сказано: „Небижчикъ Волковскій славился, яко великій мистецъ розказувать казки, брехеньки и т. п. Вий записавъ изъ 10 книгъ“ (600). Изъ нихъ издатель выбралъ около 400.

чемъ замѣтить, что тѣ самые анекдоты, которые были такъ неподражаемо забавны въ устахъ рассказчика, *viva voce*, будучи положены имъ на бумагу, теряли всю свою соль: даровитый рассказникъ оказался плохимъ писаконъ.

Понятно, что отъ такого наблюдательнаго и остраго ума не могли укрыться и закулисныя тайны его сослуживцевъ. Онъ все зналъ: и сколько у директора остается въ карманѣ рублей отъ покупки дровъ, тогда какъ наставники и ученики всю зиму сидятъ въ нетопленныхъ классахъ въ шубахъ и въ калошахъ; сколько они съ инспекторомъ получаютъ отъ пановъ провизіи и какъ варварски поступаютъ съ содержателями общей квартиры, и съ кѣмъ холостые учителя ведутъ любовныя шашни и т. д.

Наслушавшись отъ непрошеннаго гостя разныхъ мерзостей, я сразу ознакомился съ той средой, въ которой мнѣ суждено вращаться, и, какъ черепаха, замкнулся въ своей скорлупѣ. Я былъ слишкомъ молодъ и свѣжъ душой, слишкомъ идеалистъ для того, чтобы, по пословицѣ, живя съ волками, завывать по-волчьи. Идеалы, взлелѣянные въ камерѣ института о нравственномъ долгѣ, о призваніи педагога, объ общественной пользѣ и т. п., при столкновеніи съ пошлостію и грязью, стояли у меня на стражѣ, не допустивъ сразу окунуться въ это болото. До глубины души я возненавидѣлъ свое начальство, но по необходимости долженъ былъ затаить свою ненависть, не отваживаясь протестовать противъ подлости, лѣни и nepотизма, частію изъ опасенія прослыть Донъ-Кихотомъ, частію, слѣдуя мудрому Талейрановскому изреченію: *les paroles sont faites pour cacher nos pensées*. Не безопасно было мнѣ, маленькому человѣчку, противу рожна прати. По поводу моего вступленія въ должность собрался педагогическій совѣтъ для распредѣленія уроковъ между преподавателями — и тутъ-то мнѣ на собственной кожѣ пришлось убѣдиться, что параллельный учитель есть такое вычужное животное, на которое можно взваливать столько тяжести, сколько помѣстится на его спинѣ. Пользуясь тѣмъ, что пріѣхалъ свѣжій человѣкъ, каждый коренной преподаватель наровилъ навязать ему часть своихъ уроковъ, такъ что на мою долю пришлось 19 полуторачасовыхъ уроковъ: языковъ русскаго, славян-

скаго и латинскаго, и древнѣйшей исторіи востока. Отъ преподаванія статистики въ 6-мъ классѣ я едва отбился—и все это за 300-рублевое жалованье!

Въ томъ же засѣданіи прочитана была бумага изъ округа, съ требованіемъ доставить свѣдѣнія о достоинствахъ и недостаткахъ грамматикъ Греча и Востокова. Замѣтивъ мою податливость, г. предсѣдатель обратился ко мнѣ съ предложеніемъ написать мнѣніе объ этихъ учебникахъ. Видя, что навѣучиванію не предвидится конца, я наотрѣзъ отказался, приводя такіе резоны, что мнѣ, не приступившему еще къ преподаванію, никоимъ образомъ не приходится писать рецензію на учебники, не испробовавъ ихъ пригодности на практикѣ, что для этого есть на лицо коренной преподаватель русскаго языка Персидскій, болѣе меня компетентный: ему и книги въ руки; притомъ, если начальству вздумается затребовать отъ совѣта мнѣнія о руководствахъ по другимъ предметамъ, клочки которыхъ достались мнѣ, то, пожалуй, пришлось бы и о нихъ писать мнѣніе, помимо специалистовъ.

— Все это такъ, сказалъ вздохнувши директоръ, по вы на сей разъ пожалѣйте старика Константина Андреевича—онъ не въ состояніи написать.

— Вы, М. К.—чъ, напишите, а я подпишусь, и будетъ ладно, прибавилъ отъ себя К. А.—чъ.

— Ну, нѣтъ! еслибы я взялся написать рецензію на руководства, то я бы и подписался; зачѣмъ же дѣлать подлогъ?

— Коли вы не желаете уважить мою просьбу, сказалъ надувшись директоръ, то я самъ напишу.

Такимъ образомъ „волчьи зубы“, которыми профессоръ Ставровскій, напутствуя насъ на службу, совѣтовалъ вооружиться, на сей разъ мнѣ очень пригодились.

И потекла утомительно-однообразно моя жизнь, размѣренная по звонку на часы, дни, мѣсяцы и годы; и потянулъ я лямку, вѣрный данной присягѣ, не щадя живота своего, не уклоняясь отъ своихъ обязанностей ни сѣмю, ни овамо, да такъ, съ помощію Божіей, и протянулъ слишкомъ тридцать лѣтъ.

Еще о директорѣ. У нашего начальника было огромное семейство: куча золотушныхъ дѣтей, не мытыхъ и обшарпанныхъ, постоянно копошилась на коридорѣ. Г-жа директорша, произведя ихъ на свѣтъ, считала свое назначеніе окончаннымъ, не включая въ кругъ материнскихъ обязанностей ихъ воспитаніе. Мужъ тоже, „имѣя много дѣлъ“, не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Изъ семи, кажется, сыновей директора, при всемъ желаніи учителей угодить папашѣ, только одинъ достигъ VII класса, прочіе же выходили изъ третьяго и четвертаго класса и, натворивъ множество безобразій, погибли безслѣдно. Благодаря богатымъ пансіонерамъ и негласнымъ доходамъ, домъ винницкаго директора былъ полная чаша. Супруга его Варвара Ѳеодоровна, надобно отдать ей справедливость, слыла великой мастерицей заказывать вкусныя блюда. Образъ жизни нашего премьера ничѣмъ не обнаруживалъ представителя ученаго сословія, а тѣмъ паче опытнаго педагога, обязаннаго, въ силу даннаго ему полномочія, руководить учебно-воспитательнымъ дѣломъ. Что онъ тамъ писалъ въ своей канцеляріи, куда приходилъ два раза въ недѣлю въ почтовые дни, обыкновенно въ халатѣ и съ трубкою въ зубахъ — объ этомъ знало лишь окружное начальство и, судя по получаемымъ имъ наградамъ „за отличіе“, оно, должно полагать, было совершенно довольно его службою. Что же касается насъ подчиненныхъ, то мы видали своего директора только на вечерахъ у семейныхъ учителей, въ качествѣ почетнаго гостя, да по воскресеньямъ у него за обѣдами, на которые обыкновенно по праздникамъ приглашались холостые педагоги г-жей директоршей. Впродолженіе семимѣсячной моей службы въ Винницѣ, я видѣлъ его у себя на урокѣ всего одинъ разъ и то по случаю вступленія въ должность новоизбраннаго дворянствомъ почетнаго попечителя, котораго слѣдовало хоть одинъ разъ за все трехлѣтіе поводить по классамъ.

Возьмемъ на выдержку одинъ день изъ жизни нашего Аристарха Александровича—и мы опредѣлимъ всю его дѣятельность. Вставалъ онъ въ 10 часовъ, пилъ чай или кофе; если день былъ не почтовый, въ 11 часовъ накидывалъ на халатъ шинель и

выходилъ на гимназическій дворъ, какъ разъ во время выхода учениковъ изъ класса, здоровался съ преподавателями и, напросившись къ кому-нибудь изъ нихъ на вечеръ, дѣлалъ небольшой моціонъ, обѣдалъ въ часъ и ложился отдыхать. Къ пяти часамъ, т. е. къ концу послѣобѣденныхъ уроковъ, опять выходилъ на дворъ, и тутъ уже окончательно коллегіально рѣшался головоломный вопросъ: у кого собраться вечеромъ поиграть въ карты и поужинать. Если же случалось, что г. директоръ въ „урочные часы“ не показывался на дворѣ, это означало, что онъ въ тотъ день отправлялся играть въ преферансъ къ гусарамъ по злотому фишку.

Неужели, спросить читатель, въ округѣ ничего не знали, не вѣдали о томъ, что творилось по гимназіямъ? Уже-ли не существовало никакого контроля, въ родѣ внезапныхъ ревизій? Какъ не быть! были и ревизіи, но директора трудно было застать врасплохъ, такъ какъ у него въ канцеляріи попечителя были на жалованьи доброжелатели, всегда готовые своевременно извѣстить о грозящей опасности. Одно изъ такихъ предостереженій было получено въ февралѣ. Еще за недѣлю до ожидаемой ревизіи (которая почему-то, однакожъ, не состоялась), у насъ замѣтно стало какое-то оживленіе: начали ежедневно топить печи, вставили разбитыя стекла, сняли съ половъ на полвершка грязи, набили свѣжей соломой тюфяки въ дортуарахъ общей квартиры, да стали сноснѣе кормить воспитанниковъ—вотъ и всѣ приготовленія. Больше ничего отъ начальника заведенія и не требовалось: за учебную часть отвѣтствовали преподаватели, за нравственную или, лучше сказать, за полицейскую—инспекторъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО¹⁾.

Учительскій персоналъ.

Между моими винницкими сослуживцами оказались нѣкоторые изъ университетскихъ товарищей:

Учитель русской словесности *И. Я. Шульгинъ*, латинскаго языка *фонъ-Мерсз*, исторіи—*Модзелевскій* и математики—*Т. И. Пристюкъ*.

Почтенный Иванъ Яковлевичъ и на службу перенесъ свои студентскія привычки—жить по-дружески съ достойными дружбы и преслѣдовать сарказмами пошляковъ и бездѣльниковъ, да зачитываться за полночь въ постели. Бывало всѣ студенты уснутъ, а Шульгинъ бодрствуетъ: сальная свѣча нагорѣла и запыла, на табуретѣ раскрытая книга, а онъ лежитъ, уткнувшись носомъ въ подушку. Думая, что онъ уже спитъ, я бывало подкрадусь къ нему, чтобы погасить свѣчу, но едва протяну руку съ щипцами, а онъ хватъ по рукѣ и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, снова уткнется носомъ въ подушку. Въ Винницѣ съ нимъ случилось то, чего я всегда боялся въ Институтѣ, сторожа его во ночамъ. Однажды философъ мой заснулъ, свѣча догорѣла, затлѣлась подушка, одѣяло, и, когда его самого порядочно припекло, онъ проснулся и едва не задохся отъ дыма. Но и послѣ такого случая, онъ все-таки не отсталъ отъ своей привычки читать въ постели, придумавъ лишь въ предупрежденіе пожара весьма не хитрый способъ,—ставя свѣчу въ мѣдный тазъ съ водой.

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г., № 11.

Натурально, что, зачитываясь за полночь, онъ частенько опаздывалъ на первый урокъ, за что неоднократно получалъ замѣчанія отъ директора. Опоздываніе и небытность на урокахъ въ Винницкой гимназіи было явленіемъ весьма обыкновеннымъ. Обычай манкировать своими обязанностями до того вкоренился между служащими, что его могъ бы искоренить развѣ самый строгій начальникъ, въ родѣ Зимовского, а не такой, который самъ подавалъ примѣръ нерадѣнія къ своимъ обязанностямъ, не зачитываясь въ постели, подобно Шульгину, а заигрываясь за зеленымъ столомъ до бѣла дня съ гусарами и высыпаясь до одиннадцати часовъ. Особеннымъ упорствомъ по части манкировокъ отличался одинъ изъ выбывшихъ до моего вступленія въ службу учителей—*Гиждеу*, молдаванинъ или цыганъ по происхожденію, извѣстный между прочимъ тѣмъ, что, будучи еще студентомъ, обокралъ университетскую библіотеку въ Харьковѣ, унося съ собой за подкладкой шинели весьма рѣдкія книги, пользуясь которыми, написалъ два сочиненія на заданныя двумя факультетами темы и получилъ двѣ золотыя медали. Этотъ-то субъектъ, вовсе не будучи боленъ, не бывалъ въ гимназіи по недѣлямъ.

Разъ, говорили мнѣ, директоръ послалъ за нимъ сторожа.

— Идти въ гимназію, даяхтуръ гнѣвается,—обратился къ нему инвалидъ.

— Сейчасъ, любезный. сейчасъ, дай только одѣнусь.

Идетъ Гиждеу въ сопровожденіи сторожа на службу; но подойдя къ гимназическимъ воротамъ—шлепъ въ грязь.

— Ну, голубчикъ, доложи г. директору, что я въ такомъ запачканномъ видѣ не могу показаться ученикамъ.

Повернулся—и пошелъ на квартиру.

Что же послѣ этого значило опозданіе на нѣсколько минутъ нашего словесника? Получая, по донесеніямъ инспектора, частыя нахлобучки, проказникъ нашъ задумалъ отомстить Мазепичу, опоивъ и окормивъ его до безобразія.

Это ему удалось, и на другой день Мазепичъ не явился на службу. По словамъ жены „онъ чуть не пропалъ ночью“. Шульгинъ былъ въ восторгѣ, но восторгъ его продолжался не долго:

на третій день чудовище вилѣзло изъ своей берлоги—и все опять пошло по старому.

Учитель математики *А. Н. Дельсаль*, душа-человѣкъ и большой любитель упражненій за зеленымъ столомъ, задумалъ однажды угостить каждого изъ своихъ гостей его національнымъ блюдомъ: малоросса—варениками, литвина—колдунами, поляка—бигосомъ. Каждый изъ гостей, разумѣется, ограничился предназначеннымъ ему кушаньемъ, а Миничъ нашъ еще до ужина заявилъ, что онъ—космополитъ, и, не желая оскорбить ни одну національность, прежде всего уписалъ тарелку бигосу, потомъ принялся за колдуны, а варениками закусилъ.

Но циркулировавшихъ по городу на счетъ инспектора анекдотовъ не перечтемъ. Бывало, если дома передъ обѣдомъ не случалось соленой закуски, а зайти за-просто было не къ кому, то Миничъ поступалъ такимъ манеромъ: выпьетъ дома рюмку водки, возьметъ въ карманъ булку и пойдетъ по лавкамъ пробовать икру, балыкъ, маслины и проч., да и позавтракаетъ даромъ.

Классика *фонз-Мерса* я засталъ въ университетѣ на четвертомъ курсѣ. Это былъ въ то время юноша весьма приличный и, какъ нѣмецъ, аккуратный до щепетильности. Попечитель фонъ-Брадке постоянно приглашалъ его на свои журфиксы, какъ ловкаго танцора. Но что случилось впослѣдствіи... уму не постижимо.

Прійдя къ нему вечеромъ, я нашелъ въ гостинной историка *Модзелевскаго* съ молоденькой и изящной хозяйкой за чтеніемъ романа Жоржъ Занда, и на вопросъ мой: „а гдѣ же Оттонъ Карловичъ?“ мнѣ указали отдаленную комнату, гдѣ обрѣлъ я фона, при нагорѣвшемъ огаркѣ за работой: онъ что-то преусердно теръ въ макотрѣ.

— Здравствуйте, О. К.—чѣ, что вы подѣлываете?

— Лошадь заболѣла глазами, такъ я приготавливаю для нея лѣкарство, отвѣчалъ онъ, не переставая тереть.

„Вижу, другъ любезный, подумалъ я, что ты самъ ослѣпъ и не видишь, что у тебя дѣлается подъ носомъ“.

Грау Мерсъ—очень интересная блондинка, хотя происхожденія и нѣмецкаго (отецъ ея былъ пасторомъ), но по своему темпераменту и по воспитанію представляла чистѣйшій типъ живой и пламенной польки.

Естественно, что такой флегматикъ и скаредъ, какимъ сдѣлался Оттонъ, ей не могъ нравиться. Ему предпочла она Модзелевскаго, который успѣлъ отбить жену у своего университетскаго товарища, сдѣлавъ ихъ обоихъ несчастными. Разойдась на всегда съ женой, нашъ классикъ превратился въ совершеннаго Плюшкина, какимъ я его нашелъ въ 1862 году въ Бѣлоцерковской гимназіи.

Второй учитель латинскаго языка Г. Я. Маковскій, воспитанникъ Кіевской духовной академіи (1839 г.), былъ большой оригиналъ, какими въ старину слыли почти всѣ преподаватели древнихъ языковъ. У него былъ задушевный пріятель—такой-же добродушный человѣкъ, какимъ онъ былъ самъ, всендѣ Осташевскій, законоучитель гимназіи.

Законоучитель православнаго исповѣданія протоіерей *Адіасевичъ*, помимо преподаванія своего предмета, вмѣнилъ себѣ въ обязанность наблюдать за нравственностью не однихъ учениковъ, но и наставниковъ. Во время говѣнья онъ подалъ директору „рапортъ“, уличая учителя Волковскаго въ кощунствѣ: что онъ „своими непотребными анекдотами якобы развращаетъ воспитателей юнаго поколѣнія“. Когда директоръ призвалъ балагура и показалъ ему „рапортъ“ протоіерея, тотъ нисколько не смутился, а пригрозилъ доносителю подобнымъ же доносомъ преосвященному. Чувствуя себя безгрѣшнымъ, протопопъ взялъ свой „рапортъ“ обратно, и зажили они съ Волковскимъ по-пріятельски.

Старшій учитель русскаго и славянскаго языка *К. А. Персидскій*—типъ стариннаго педагога временъ фонъ-Визина. Изъ родины своей, славнаго града Нѣжина, за вырожденіемъ нѣжинскихъ грековъ, онъ вывезъ утраченный ими секретъ приготовленія греческихъ колбасъ, которыя пріобрѣли повсюдную извѣстность по Украинѣ чуть ли не со времени появленія въ пе-

чати Энеиды Котляревскаго: тамъ разгнѣванный громовержець Зевсъ, порицая адюльтеры богинь, выражается такъ:

Ой вы на смертныхъ дже ласи,
Якъ Грекъ на Нѣжински колбасы.

Странно, однакожь, что старикъ Персидскій, кровный малороссъ, промѣнялъ эту дрянъ на малороссійскія колбасы. Другое, вывезенное имъ изъ Нѣжина уже чисто національное кушанье—шарпанына, которой Константинъ Андреевичъ потчивалъ своихъ гостей, (приготавливается изъ тушеной тарани или чабака, съ прибавкой разныхъ пряностей) до того солоно, что, съѣвши его порядочную порцію, и ведромъ воды не утолишь пекельной жажды; но это, по мнѣнію К. А—ча, можетъ случиться только съ неопытными ѣдоками, неумѣющими обходиться съ этимъ превосходнымъ блюдомъ; по его совѣту, кушающій шарпаныну обязательно долженъ выпить по крайней мѣрѣ пять рюмокъ доброй водки, тогда и воды не потребуется, а еще практичнѣе осушить цѣлый графинчикъ—„и то не зашкодить“.

Преподаваніе Персидскимъ грамматики русской и славянской бѣднымъ ученикамъ его приходилось также солоно, какъ и шарпанына: онъ зналъ лишь одинъ не мудреный методъ „отъ сихъ поръ и до сихъ“; дѣти должны были зубрить разную дребедень, не пропуская ни іоты, затверживая не только всѣ исключенія изъ правилъ по грамматикѣ Греча, но и всѣ 24 „отмѣны“ изъ руководства Востокова, и заучивая наизусть весь словарь на букву ѣ.

Нѣмецъ *Юргенсонъ* былъ большой чудакъ и нелюдимъ. Его можно было видѣть только въ гимназій или случайно встрѣтить на прогулкѣ за городомъ. Въ квартирѣ онъ никого не принималъ и самъ ни у кого не бывалъ.

Встрѣтишь его иногда въ рощѣ или надъ рѣкой.

— Здравствуйте, геръ! Гуляете?

— О, да, я себе немножко кругомъ! и пойдетъ прочь.

Французъ *Грасъ* попалъ въ плѣнъ при отступленіи полчищъ Наполеона въ 12-мъ году и, живя съ того времени постоянно въ западныхъ губерніяхъ у польскихъ пановъ въ качествѣ гувернера, усвоилъ себѣ такое странное нарѣчіе, что

какъ заговорить, то и не разберешь, на какомъ діалектѣ онъ объясняется: тутъ были слова польскія, малорусскія, французскія и даже еврейскія, но только не русскія. Жена его, умная и благовоспитанная полька, напротивъ, обладала знаніемъ русскаго языка въ совершенствѣ и не мало помогала мужу въ исправленіи ученическихъ переводовъ. М-мъ Грасъ завела у себя что-то въ родѣ пансіона. Воспитанницы ея, дѣвы уже взрослыя, *choś zagaz do slubu* „—ничему у нея не учились, а жили собственно для того, чтобы ихъ считали подростками, не окончившими еще эдукацій, такъ что въ продолженіе 3-хъ—4-хъ лѣтъ имъ все шель интересный 16-й годъ. Впрочемъ я, быть можетъ, не совсѣмъ точно выразился, сказавши, что пансіонерки мадамъ Грасъ ничему у нея не научились: имъ преподавалась весьма важная для женщинъ наука—

. . . . наука страсти ищѣной,
Которую воспѣлъ Назонъ.

Дѣвицы въ этой наукѣ дѣлали изумительные успѣхи. Понятно, что домъ француза былъ самымъ пріятнымъ: тамъ можно было и потанцевать, и поволочиться.

Съ воспоминаніемъ о Грасѣ связанъ одинъ эпизодъ, относящійся къ времени пребыванія въ Винницкой гимназіи извѣстнаго знатока малорусской старины, которому такъ много обязана исторія правобережной Украины,—*I. I. Ролле*. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ гимназіи немировской и былъ тамъ въ числѣ любимѣйшихъ моихъ учениковъ: я его отлично помню, какъ даровитаго мальчика, а подобныхъ воспитанниковъ директоръ Зимовскій терпѣть не могъ, и потому Ролле, дошедши до V класса, долженъ былъ перемѣститься въ Винницкую гимназію, но и здѣсь ему не посчастливилось.

Учитель Грасъ, войдя однажды въ классъ, увидѣлъ на доскѣ большими буквами написанную фразу: *Vive la liberté* Не говоря ни слова, онъ повернулъ назадъ и доложилъ директору, что въ гимназіи готовится революція. Виновникомъ этой шалости оказался Ролле, но директоръ счелъ ее не шалостью, а политическимъ преступленіемъ и, заключивъ революціонера въ карцеръ, донесъ Бибикову, который, однакожъ, не

придалъ особеннаго значенія школьнической выходкѣ ученика и къ двухнедѣльному заключенію его въ карцерѣ велѣлъ прибавить еще двѣ недѣли. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Блаженной памяти учитель 2-й кievской гимназіи О. В. Березницкій придумалъ весьма остроумный способъ отличать чистокровнаго нѣмца отъ германизированнаго еврея; сомнительнаго субъекта онъ подвергалъ особенной экспертизѣ, заставляя его произнести слово „пухъ“, но какъ отличить настоящаго француза отъ выдающаго себя за такового жидка—подобный способъ не придуманъ; ибо тѣ гортанные звуки, и буква *p* въ особенности, которые въ нѣмцѣ изобличаютъ еврея, лжефранцузу иногда очень помогаютъ выдать себя за парижанина. Такимъ по крайней мѣрѣ французскій прононсъ казался нѣкоторымъ профанамъ въ устахъ моего сослуживца преподавателя франц. и нѣмец. языка въ низшихъ классахъ *А. П. Вернера*, который, однакожъ, неувѣренный въ доброкачественности своей семитической фізіономіи, не рискнулъ выдать себя за француза, а назвалъ себя венгерцемъ, долго проживавшимъ въ Парижѣ, на самомъ же дѣлѣ онъ отъ роду не видалъ ни Парижа, ни Венгріи, а просто на просто былъ жидокъ родомъ изъ Меджибожа, усвоившій себѣ, благодаря своей способности и счастливой случайности, французскій языкъ. Происхожденіе свое онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ, такъ что одинъ только директоръ зналъ доподлинно, что онъ такое, храня у себя его документы, за что г-жа директорша ежегодно получала довольно цѣнные подарки. Но предательскій типъ лица, а еще болѣе близость м. Меджибожа, гдѣ жила его сестра, выдали его секретъ. Для вящей мистификаціи этотъ французъ православнаго исповѣданія изъ кожи лѣзъ, чтобы выдать себя за иностранца. Вся его домашняя обстановка, до самыхъ мелочей, напоминала Европу—комфортъ первѣйшаго сорта. Даже лакей его Жеромъ, родомъ изъ с. Вороновицы, прикидывался непонимающимъ по русски, хотя по французски онъ зналъ *бонж журж и адье*. Временами, по настоянію нашихъ „ученыхъ дамъ“, Антонъ Павловичъ давалъ вечера съ музыкой и танцами, при чемъ угощеніе было всегда безукоризненное. Дамы плясали съ увлеченіемъ ин-

ститутокъ (настоящее бабье лѣто!), немилосердно истребляя горы конфетъ и мороженое, мужчины играли въ карты и пили вино, разсыпаясь въ похвалахъ хозяину, а переступивши порогъ его квартиры, смѣялись надъ нимъ и обзывали пархатымъ жидомъ, а онъ, въ простотѣ сердечной, воображалъ, что задалъ тону всѣмъ—пусть молъ знаютъ, какъ у насъ за границей устраиваются вечера.

Упрочивъ такимъ образомъ свое общественное положеніе, нашъ французъ задумалъ жениться, обратившись за невѣстой къ обильному этимъ товаромъ питомнику—въ пансіонъ м-мъ Грасъ. Выборъ его палъ на одну не особенно красивую, но съ порядочнымъ обезпеченіемъ, сироту, находившуюся подъ опекой родного дяди. Дѣло скороладилося, невѣста получила весьма цѣнные подарки, и свадьба назначена черезъ мѣсяць. Но опекунъ желалъ покороче познакомиться съ женихомъ, вслѣдствіе чего А. П—чъ поспѣшилъ сдѣлать ему визитъ на лихой тройкѣ съ бубенчиками; самъ же одѣлся совершеннѣйшимъ джентльменомъ и Жерома нарядилъ въ ливрею собственнаго изобрѣтенія. Но вся эта парадная выставка не ослѣпила умнаго старика: не давши окончательнаго согласія на бракъ, онъ отправилъ нарочнаго въ Кіевъ за справками, долженствовавшими документально разоблачить сомнительную личность будущаго родственника. По справкамъ оказалось, что въ 1830-мъ году въ Златоустовской церкви окрещенъ въ христіанскую вѣру камердинеръ коменданта Пенхержевскаго еврей Аврумъ, 20 лѣтъ отъ роду и нареченъ во св. крещеніи Антономъ. Не подозрѣвая того, какую подъ него мину подвелъ опекунъ, Вернеръ продолжалъ посѣщать невѣсту, дѣлая въ тоже время разныя покупки и приновравливая свое холостое хозяйство къ семейному.

Однажды вечеромъ, воротившись домой отъ Дельсаля, А. П—чъ нашелъ на письменномъ столѣ всѣ свои подарки, возвращенные при письмѣ невѣстой. Потерпѣвъ такое постыдное фіаско, нашъ французъ пересталъ маскироваться и показалъ себя винницкому обществу въ настоящемъ своемъ видѣ. Не пробуя вторично породниться съ христіанскимъ семействомъ, онъ женился въ Кишиневѣ на еврейкѣ и зажилъ съ ней по пред-

писаніямъ Талмуда: обзавелся бебехами и замѣнилъ *меню* французской кухни національными блюдами, бьющими въ носъ запахомъ чесноку и луку. Такимъ онъ показалъ себя, перемѣстившись въ немировскую гимназію.

Въ послѣднихъ числахъ ноября, „презрѣнной прозой говоря“, въ Винницкую гимназію назначенъ старшимъ учителемъ математики мой землякъ *Т. И. Пристюкъ*. Знакомство наше началось еще въ Новгородсѣверскомъ уѣздномъ училищѣ.

Отецъ его былъ крѣпостнымъ помѣщика Скоропадскаго. Находясь въ молодыхъ лѣтахъ при паничахъ, учившихся въ Новгородсѣверской гимназіи, онъ имѣлъ возможность научиться грамотѣ и развить свои способности. Вернувшись въ имѣніе, онъ получилъ должность управляющаго въ с. Михайловкѣ, Сосницкаго уѣзда. Находясь довольно долго въ этой должности, Иванъ Ивановичъ отличался примѣрною честностію и гуманнымъ обращеніемъ съ крестьянами. Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и любовію, достаточно обезпеченный матеріально, онъ не желалъ для себя лучшей доли, но не могъ желать такого же благополучія для своихъ дѣтей, которыхъ у него было трое—два сына и дочь. Заручившись благоволеніемъ помѣщика, И. И. исподоволь стремился къ завѣтной цѣли, освобожденію изъ крѣпостнаго состоянія. Но баринъ какъ будто не догадывался о его задушевномъ желаніи и въ доказательство своего расположенія къ высказанному милостію рабу, взялъ его сына Тимошу въ комнатные козачки. Тогда только огорченный отецъ сталъ дѣйствовать энергично и настойчиво, чтобы спасти дѣтей отъ грозящей имъ участи,—и они получили свободу.

Оставивъ Михайловку, И. И. поселился въ 40 верстахъ отъ Новгородсѣверска. Старшаго Тимофея опредѣлилъ въ уѣздное училище, а дочь отдалъ въ Гамалѣвскій монастырь на воспитаніе. Но, начавъ свое образованіе въ Новгородсѣверскѣ, Тимошей окончилъ также и Черниговскую гимназію. Встрѣтились мы съ нимъ уже въ Кіевѣ, при поступленіи въ Университетъ. Не извѣдавъ, подобно мнѣ, никакихъ лишеній, поступивъ прямо на казенное содержаніе и сверхъ того, получивъ весьма выгодную кондицію у графини Мелиной, мой землякъ сталъ

относиться ко мнѣ съ какимъ-то обидно покровительственнымъ тономъ, и я съ нимъ долженъ былъ разойтись. Забывъ о панской передней, пріятель мой, вѣчно надушенный, въ перчаткахъ тѣлеснаго цвѣта, въ лакированныхъ ботинкахъ, выглядѣлъ безукоризненнымъ сомше *il fauf*, какимъ онъ и оставался на всю остальную жизнь. Недостойное поведеніе товарища, съ которымъ связывали мои дѣтскія воспоминанія и наши домашнія тайны, надолго оттолкнуло меня отъ него, такъ что въ продолженіе университетскаго курса мы съ нимъ были въ разладѣ; но когда судьба и начальство свели насъ на чужбинѣ—все было забыто.

Какъ математикъ, а слѣд. и болѣе меня практичный и расчетливый, онъ съ перваго шага на службѣ занялъ крѣпкую позицію въ отношеніи администраціи, поставивъ себя такъ, что его боялись и уважали не одни учащіеся, но и учащіе. Онъ прослылъ у насъ за человѣка, лично извѣстнаго Бибикову (черезъ граф. Мелину), а это значило много. Мы условились жить вмѣстѣ. Ему удалось отвоевать у директора цѣлыхъ три комнаты и даже отремонтировать ихъ на казенный счетъ; мы обзавелись мебелью и посудой, пріискали лакея и зажили на половинныхъ издержкахъ, дѣлая по временамъ вылазки къ знакомымъ, а чаще всего въ пансіонъ Грасъ, но втянуться въ такую жизнь я не могъ и чаще отставалъ отъ своего сожителя, предаваясь непокидавшей меня страсти къ стихотворству.

Однообразное теченіе класныхъ занятій по звонку по временамъ оживлялось болѣе или менѣе отдаленными прогулками по живописнымъ окрестностямъ Винницы, чтеніемъ „Библіотеки для чтенія“ и „Отечественныхъ Записокъ“, писаніемъ стиховъ и писемъ, съ неизбѣжными въ уѣздной глуши карточными вечерами. Въ памяти у меня остался одинъ изъ такихъ вечеровъ у директора.

Гости собрались, зеленые столы раскрыты; ждали только градоначальника Касперова. Но вотъ и онъ.

— Ээ, что же вы, г. блюститель порядка и благочинія, заставляете себя ждать и терять золотое время?—встрѣтили его дружнымъ хоромъ оживившіеся гости.

— Дѣла, государи мои, дѣла,дохнуть не даютъ, работаешь, какъ каторжникъ, а все не угодишь начальству. Вотъ и сегодня изъ-за этой глупой статистики—чтобъ ей пусто было!—получилъ отъ губернатора нахлобучку. „Вы, говоритъ, невѣрно показали количество скота въ городѣ“. Я, изволите видѣть, донесъ, что во вѣренномъ мнѣ городѣ два осла—вотъ и выговоръ; „не можетъ быть, пишетъ начальникъ губерніи, чтобы въ Винницѣ было только два осла“.

Острота городничаго вызвала пѣлый взрывъ хохота, долго несмолкавшаго. Одинъ лишь панъ Клюковскій не смѣлся, рассказавъ при этомъ случившійся съ нимъ недавно казусъ: оселъ, везшій воду, крикомъ своимъ ислугалъ лошадей его, и панъ доброцѣй выпалъ изъ нейтычанки и больно ушибся—„*aż do tych czas kargi bola, a wszystko to powiem rapam, przez osła przez te paskudne stwożenie*“.

— Вотъ подите жъ вы съ ними! поддакнулъ городничій, чрезъ такую негодную тварь получать отъ вачальства непріятности и подвергаться опасности сломать шею.

Градоначальникъ былъ большой весельчакъ, любимецъ небольшого кружка уѣздныхъ чиновниковъ, совсѣмъ не то, что предмѣстникъ его—Мацневъ, суровый и молчаливый господинъ, котораго жида выжили передъ новымъ годомъ не за то, конечно, что онъ молчалъ... Касперовъ игралъ въ карты по большому кушу и вѣчно проигрывалъ. Продувши, по обыкновенію, и въ этотъ вечеръ около 20 рублей, онъ при расчетѣ сказалъ, что деньги завтрашній день принесетъ выигравшему страпчему Шмуль, „такъ какъ платить мои карточные долги есть его прямая обязанность“, прибавилъ онъ.

Дѣло въ томъ, что г. городничій жилъ и кутилъ на счетъ евреевъ. Отъ кагала были избраны лица, которымъ вмѣнено въ обязанность вести расходы по содержанію городничаго: одинъ доставлялъ ему на кухню говядину, другой—хлѣбъ и булки, третій—водку и вино и т. д., наконецъ былъ между поставщиками двора городничаго и такой, которому поручено было платить карточные проигрыши.

Анекдотъ, циркулирующій въ Черниговской губерніи о трехъ заикахъ, посаженныхъ хозяиномъ за зеленый столъ, я слышалъ 25 л. тому назадъ въ Нѣжинѣ, гдѣ анекдотъ этотъ приуроченъ къ полиціймейстеру Касперову, который до 1845 года служилъ въ этомъ городѣ.

У юго-западныхъ евреевъ существуетъ какой-то праздникъ въ родѣ нашего Ивана Купала, когда они ночью раскладываютъ большой костеръ и прыгаютъ черезъ огонь. Пріятелю моему судѣ Покорскому пришлось нѣкоторое время жить въ одномъ дворѣ съ евреями. Улегшись, по своему обыкновенію, очень рано спать, пробужденный шумомъ и крикомъ жидовъ, онъ увидѣлъ въ окнѣ большое зарево. Дѣти страшно перепугались, думая, что въ дворѣ пожаръ; но подойдя къ окну, они увидѣли посреди двора ярко пылающій костеръ и толпу жидовъ всѣхъ возрастовъ и половъ, съ визгомъ и крикомъ прыгающихъ черезъ огонь, подбрасывая вверхъ какое-то чучело. На угрозы судьи— послать за полиціей, евреи отвѣчали дерзостью, продолжая свою забаву.

На другой день Покорскій пишетъ съ-горяча формальную бумагу городничему о безобразіяхъ евреевъ. Вдавшись въ подробности при описаніи жидовскаго купала, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ перепуганнаго семейства, онъ между прочимъ поставлялъ блюстителю благочинія на видъ, что между жидами „уповательно присутствовалъ самъ сатана, коего они подбрасывали вверхъ, творя бѣсовскія игрища“. Шутникъ городничій отвѣтилъ судѣ также формальною бумагой, извѣщая его, что полиція приметъ соотвѣтствующія мѣры для усмиренія на предбудущее время подобныхъ безпорядковъ; „что же касается сатаны, о нахожденіи коего, какъ В. В-діе сообщили мнѣ, между винницкими евреями, то мною неукоснительно сдѣлано распоряженіе о розыскѣ его по городу, и буде сатана окажется неимѣющимъ узаконеннаго вида на жительство, то съ нимъ, какъ съ бродягой, не премину поступить по всей строгости законовъ“.

Потерявъ, по доносу жидовъ, въ Винницѣ мѣсто, Касперовъ очутился въ Москвѣ въ должности смотрителя тюремнаго

замка и писалъ оттуда своему пріятелю Дельсалу: „спасибо винницкимъ іудеямъ, что меня вытѣснили, мнѣ здѣсь отлично: квартира казенная, столъ отъ эконома, прислуга ничего не стоитъ, ибо въ моемъ распоряженіи три палача—чудесные ребята! одинъ изъ нихъ—поваръ, другой—кучеръ, третій—лакей“.

Ознакомившись съ образомъ жизни, нравами и обычаями моихъ сослуживцевъ, я пришелъ къ убѣжденію, что люди эти не по мнѣ, что частые вечера съ картами, ужинами съ выпивкой и пошлыми разговорами, сплетнями и нелѣпыми притязаніями нашихъ „ученыхъ дамъ“, едва умѣвшихъ подписать свою фамилію,—все это служило не отдыхомъ послѣ учительской тяжелой работы, а еще большимъ утомленіемъ, съ головою болью въ придачу и съ потерей нѣсколькихъ рублей изъ моего несчастнаго жалованья. Недаромъ нашъ достойнѣйшій классикъ И. Я. Нейкирхъ, напутствуя насъ на службу, твердилъ намъ: „Игра въ карты—смерть науки“!—Душа искала пищи болѣе здоровой, жизни болѣе осмысленной, занятій болѣе сродныхъ человѣку мыслящему. Я скоро оставилъ всѣхъ и замкнулся въ своемъ внутреннемъ мірѣ; въ уединеніи сталъ искать того, чего мнѣ не могло дать пустое общество, съ его пустыми развлеченіями; въ области фантазіи обрѣлъ я чистѣйшій источникъ наслажденія, не находя его въ дѣйствительности. Между тѣмъ мои кіевскіе пріатели не переставали громить меня письмами, требуя писемъ и стихотворныхъ посланій— и я всѣ свои досуги посвятилъ дружеской перепискѣ и поэзіи.

„Два созвучія въ концѣ двухъ строчекъ умѣряютъ самыя жгучія страданія,—сказалъ гдѣ-то Тэнъ: невольная музыкальность, въ которую облекается мысль, скрываетъ безобразіе и выставляетъ на видъ врасоту. Какъ бы ни преслѣдовали чело-вѣка несчастія, но поэтическое вдохновеніе преображаетъ ихъ: они облагораживаются, онъ полюбитъ ихъ и станетъ терпѣливо переносить“.

Но поэзія поэзіей, а оставаться долго въ кожѣ параллельнаго учителя—не хватитъ и ангельскаго терпѣнія.

— Отчего тебѣ такъ сильно захотѣлось быть діакономъ? Спросилъ одинъ благодушный владыка своего келейника, посвятивъ его во діакона.

— Помилуйте, В. В—во, всякій человѣкъ хочетъ быть діакономъ, отвѣчалъ келейникъ.

Если бы меня спросило начальство: отчего мнѣ захотѣлось сдѣлаться „старшимъ учителемъ“, я бы ему отвѣтилъ, что всякій человѣкъ хочетъ быть старшимъ, а какъ младшій учитель тоже человѣкъ, то и онъ желаетъ быть „старшимъ“.

Оставаясь параллельнымъ учителемъ и преподавая не самостоятельный предметъ, а клочки разныхъ предметовъ, я чувствовалъ себя приниженнымъ въ отношеніи другихъ преподавателей, нисколько не превосходившихъ меня образованіемъ, но въ роли „старшихъ“ задиравшихъ носы передъ „младшими“, третируя ихъ, какъ своихъ адъюнктовъ. Самолюбіе мое было сильно задѣто такой зависимостью отъ разныхъ ничтожествъ.

Благодаря лекціямъ Н. Т. Костыря, я сознавалъ себя въ русской словесности сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, и погону дождавшись вакантнаго мѣста въ Немировской гимназіи по этому именно предмету, я съ помощію Костыря получилъ желаемое, безъ особенныхъ съ моей стороны хлопотъ.

Въ оное время, полстолѣтія назадъ, наши юные словесники, вызубривъ адресъ-календаръ русскихъ писателей по Гречу и вооружась Мерзляковымъ да Шевыревымъ, считали свою подготовку къ преподаванію столь важнаго предмета оконченной.

Но „нѣтъ ничего легче, говорить ученый Шерръ, какъ преподавать словесность плохо и нѣтъ ничего труднѣе, какъ преподавать ее хорошо; для перваго нужна лишь кой-какая начитанность, для втораго же, кромѣ глубокаго знанія предмета и искренней къ нему любви, необходимо еще извѣстнаго рода изящное чутье, которое достигается весьма немногими, именующими себя педагогами“.

Правда, въ началѣ 40-хъ годовъ преподаватель словесности лишень былъ возможности пользоваться серьезными учебными пособіями, какъ по теоріи, такъ и по исторіи этой науки, и потому, по необходимости долженъ былъ во многихъ случаяхъ

фантазировать, отдѣляясь общими мѣстами. Въ журналахъ же того времени, кромѣ статей Бѣлинскаго, рѣшительно нечѣмъ было позанимствоваться.

Какая огромная разница *тогда* и *теперь*!

1) По теоріи и исторіи р. словесности прежде, кромѣ Греча, Мерзлякова и Шевырева, не было ничего; теперь—почти ежегодно появляются руководства—умѣй только ими пользоваться.

2) Исторіи иностранныхъ литературъ въ переводѣ на русскій языкъ не было вовсе, а теперь—Шерръ, Гетнеръ, Тэнъ, Брандесъ и многіе другіе.

3) Книгъ для чтенія ученики наши не имѣли вовсе, христоматія была пока одна—Пѣнинскаго, а теперь—Ушинскій, Паульсонъ, Водовозовъ, Стоюнинъ, Поповъ, Кирпичниковъ и проч. Вольфъ издалъ болѣе 10,000 дѣтскихъ книгъ.

4) По литературѣ воспитанія не было почти никакихъ руководствъ; теперь—склады учебниковъ завалены ими.

Какъ бы тамъ ни было, а, при отсутствіи учебныхъ пособій на русскомъ языкѣ, мнѣ стоило, особенно въ первые 2—3 года непосильнаго труда—разрѣшить болѣе сотни вопросовъ, предложенныхъ начальствомъ обязательными программами по теоріи и исторіи литературы, какъ русской, такъ и всеобщей, какъ бы обязавъ преподавателей составлять для своихъ учениковъ собственное руководство.

Только по мѣрѣ появленія въ печати новыхъ источниковъ, преподаваніе этого высшаго по своему образовательному значенію предмета начало годъ отъ году приобрѣтать болѣе полноты и опредѣленности; но послѣдовавшее вначалѣ 70-хъ годовъ сокращеніе программъ по словесности и уменьшеніе учебныхъ часовъ лишило преподавателей возможности воспользоваться богатствомъ учебныхъ пособій.

Разставанье мое съ сослуживцами было не изъ чувствительныхъ. Инспекторъ, при прощаніи всунулъ мнѣ въ руку счетъ якобы должныхъ ему денегъ по преферансу, о которомъ

я рѣшительно не помнилъ, и три рубля за треногую кровать, вадавшуюся у него на чердакѣ и предложенную мнѣ на прокатъ до пріобрѣтенія четвероногой. Возмущенные такою наглостію Мазепича педагоги сговорились дать ему урокъ. Въ надеждѣ даровой выпивки, онъ пошелъ вмѣстѣ съ другими провожать меня за рѣку. Пользуясь отличнымъ апрѣльскимъ днемъ, мы прошли двѣ версты незамѣтно, потѣшаемые анекдотами Волковскаго. Миничъ засапался, какъ откормленный кабанъ, и нѣсколько разъ отказывался продолжать путь, а все таки не отсталъ отъ насъ, ожидая выпивки. Наконецъ, прошедши еще версту, растянулся на травѣ и объявилъ, что не сдѣлаетъ далѣе ни шагу. Возница мой, по данному знаку остановился. Распростившись со всѣми дружески, я влѣзъ въ будо и уѣхалъ съ миромъ, къ великому огорченію толстяка, которому пришлось, при усилившейся жарѣ, сдѣлать три версты обратно, совершенно даромъ, подъ перекрестнымъ огнемъ насмѣшекъ своихъ лукавыхъ спутниковъ, такъ зло надъ нимъ подшутившихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).